

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1903.

№ 9.

МАЙ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Есть-ли какія-либо безспорныя основанія для передачи браноразводнаго процесса изъ вѣдѣнія Церковн. гражданскому суду, и возможны ли слѣдствія этой передачи. *Ректора Кутаисской Духовной семинаріи, Архимандрита Сильвестра* 541—552

Екатерининская комиссия въ ея отношеніи къ духовенству, какъ сословію (продолженіе). *Виктора Крылова* 553—584

Отецъ Серафимъ, іеромонахъ Саревской пустыни, пустынножитель и затворникъ, его жизнь и подвиги. *Г. Н. Коронинъ* 585—602

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Ученіе Нанта объ антитезахъ чистаго разума. *Анатоли Орлова* 347—367

Фридрихъ Ницше — „антхристъ“ въ новѣйшей философіи, Лоренца Флигера. (Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей М. Воскресенскаго) (продолженіе). *М. Воскресенскаго* 368—398

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшій указъ.—Высочайшіе приказы.—Списокъ священниковъ церкви Харьковской епархіи, которые за отличн. усердну службу удостоены награжденія ко дню рожденія Его Императорскаго Величества: I) по опредѣленію Святѣйшаго Синода, II) по опредѣленію Епархіальнаго начальства и III) по опредѣленію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Сообщеніе „Привит. Вѣстн.“ о волученіи пассажирами скидки съ вѣса багажа по билетамъ, имъ на принадлежащихъ.—Отчетъ о состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ училищѣ образцовой одноклассной церковно-приходской школѣ за 1901—1902 уч. г.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и записки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1903.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листовъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиларовскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1895 г., по 8 р. за 1896—1900 годы. За 1901 г.—9 р. и 1902 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 130 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Біографическій очеркъ жизни, пастырской дѣятельности и литературныхъ трудовъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Протоіерей Т. И. Буткевича, Харьковъ. 1902 г. Цѣна 2 руб. съ перес.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

За распродажею перваго изданія книги: „Падство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“ (докторское сочиненіе о. Владиміра Гетте, въ переводѣ съ франц. языка на русскій *К. Истомина*) дальнѣйшія требованія на эту книгу не могутъ быть удовлетворены. О выходѣ ея вторымъ изданіемъ будетъ объявлено въ свое время.

Πιστεῖ νοοῦμεν.
Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Мая 1908 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцева*.

Есть-ли какія-либо безспорныя основанія для передачи бракоразводнаго процесса изъ вѣдѣнія Церкви гражданскому суду, и возможныя слѣдствія этой передачи.

I.

Въ наше время—время обсуждения и рѣшенія всякаго рода религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ—духовная и свѣтская печать наша удѣляетъ между прочимъ не мало вниманія вопросу о бракѣ, разводѣ и бракоразводномъ процессѣ. Замѣчая, въ частности, много недостатковъ въ нашемъ бракоразводномъ процессѣ, свѣтская печать безусловно вся, а духовная отчасти¹⁾, предлагаютъ для поправленія дѣла изъять производство судебныхъ дѣлъ о разводѣ изъ вѣдѣнія Церкви и передать его въ вѣдѣніе гражданского суда.

Главными основаніями для этого выступаютъ: 1) несовершенство и устарѣлость формъ нашего церковнаго судоустройства и судопроизводства и 2) неудобство для судей изъ духовныхъ лицъ по самому ихъ сану входить во всѣ подробности и интимныя стороны семейной жизни. Болѣе серьезнаго вниманія заслуживаетъ первое основаніе, что же касается второго, то оно приводится развѣ лишь по недоразумѣнію, и тѣ, кто приводитъ его, забываютъ, что духовенству, по своему пастырскому долгу, приходится всегда и болѣе, чѣмъ кому либо другому, имѣть дѣло съ внутренними, интимными сторонами человѣческой жизни вообще, а семейной съ частности, какъ бы непріятны или даже отвратительны онѣ ни были: такова напримѣръ исповѣдь, гдѣ священнику приходится волей-неволей

¹⁾ Церковный Вѣстникъ 1901 г. №№ 22—33.

выслушивать и судить о такихъ подробностяхъ личной жизни человѣка, которыя другимъ часто остаются совершенно неизвѣстными, и это есть обязанность, а вмѣстѣ и право священника. Но объ этихъ сокровенныхъ тайнахъ человѣческой жизни приходится судить, и едва ли еще не чаще, не только бѣлому, приходскому духовенству, но и отказавшимся отъ міра, опытнымъ въ духовной жизни подвижникамъ: на примѣръ, Серафиму Саровскому, Амвросію оптинскому и др. подвижникамъ люди всѣхъ званій и состояній открывали такія тайны своей совѣсти, которыя десятками лѣтъ замалчивали у своихъ духовныхъ отцовъ.

Первое основаніе указываетъ на совершенно вѣрный фактъ: на несовершенство, устарѣлость и негодность нашего церковнаго судоустройства и его процессуальныхъ формъ. Но это обстоятельство само по себѣ отнюдь еще не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для изытія брачныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія Церкви. Если, какъ справедливо указалъ почтенный профессоръ Московской духовной академіи Н. А. Заозерскій (Богослов. Вѣстн. 1902 г. февраль стр. 301), формы устарѣли, нехороши, негодны, то ихъ слѣдуетъ прежде всего улучшить, измѣнить, и только; больше изъ этого ничего не вытекаетъ. Поэтому, требованіе изытія юрисдикціи по дѣламъ брачнымъ изъ вѣдѣнія церкви будетъ въ данномъ случаѣ логическимъ скачкомъ, какихъ у насъ намѣренно или ненамѣренно дѣлается сплошь и рядомъ очень много: на прим. хотя бы взять вопросъ о монастыряхъ и о церковно-приходскихъ школахъ; на каждомъ шагѣ услышите вы: монастырская жизнь имѣетъ много недостатковъ, особенно въ городахъ, а потому (?), закрываютъ, монастыри нужно закрыть. Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, прежде закрытія монастырей, позаботиться и пожелать улучшенія монастырской жизни, если она дѣйствительно уже такъ плоха.

Такъ же разсуждаютъ и о церковно-приходскихъ школахъ: эти школы были и есть въ большинствѣ очень бѣдны, масса ихъ помѣщалась и помѣщается въ убогихъ помѣщеніяхъ, вознагражденіе учащимъ самое ничтожное. Естественно, что при такихъ условіяхъ въ ихъ жизни было и есть много не-

достатковъ, и онѣ не могли, особенно вначалѣ, оправдать всѣхъ возлагаемыхъ на нихъ надеждъ; и нужно еще удивляться достигнутымъ результатамъ и сказать спасибо духовенству за его 18-ти лѣтніе тяжелые труды на поприщѣ церковно-школьнаго образованія нашего народа. А у насъ вмѣсто этого, при видѣ этихъ вполнѣ естественныхъ и неизбежныхъ недостатковъ, мнимые народные радѣтели и благодѣтели умозаключаютъ: „церковная школа не достигаетъ цѣли, никуда негодна“, вмѣсто того, чтобы сначала пожелать лучшихъ условій для существованія и дѣятельности этихъ школъ.

Если какое-либо учрежденіе страдаетъ недостатками, то это еще не значитъ, что оно само по себѣ никуда не годно и не нужно, а что слѣдуетъ позаботиться объ улучшеніи его, поставить его въ такія условія, при которыхъ оно могло бы приносить надлежащую пользу. Это именно и нужно имѣть въ виду и въ вопросѣ о компетенціи Церкви въ дѣлахъ брачныхъ: нужно улучшить намъ церковный судъ вообще и въ частности бракоразводный процессъ, и тогда не будетъ совершенно никакой нужды передавать брачныя дѣла гражданскому суду.

Уже изъ сказаннаго, такимъ образомъ, не трудно видѣть, что основанія, приводимыя въ пользу изъятія изъ вѣдѣнія Церкви юрисдикціи по дѣламъ брачнымъ—суть основанія мнимыя и во всякомъ случаѣ недостаточныя, и это отлично должны бы сознавать и тѣ, кто на нихъ опирается. Но если тѣмъ не менѣе на нихъ опираются и требуютъ, поэтому, изъятія изъ церковнаго вѣдѣнія суда по дѣламъ брачнымъ, то отчего же это происходитъ, чѣмъ руководятся сторонники изъятія? По нашему мнѣнію, которое ниже мы постараемся обосновать, одни изъ нихъ руководятся въ данномъ случаѣ совершенно посторонними соображеніями, ничего общаго съ благомъ и интересами Церкви не имѣющими (свѣтская печать), другіе же выставляютъ эти основанія по недоразумѣнію или по кажущейся достаточности ихъ (голоса въ духовной печати). Въ чемъ же дѣло? Дѣло, по нашему мнѣнію, здѣсь заключается въ томъ, что подавляющее большинство сторонниковъ изъятія изъ вѣдѣнія Церкви дѣлъ брачныхъ недостаточно сознаютъ,

заботятся и думаютъ о созиданіи и поддержаніи церковнаго дѣла и миссіи св. Православной Церкви на землѣ, а многіе изъ нихъ и прямо намѣренно стараются всякими способами о возможномъ сокращеніи и даже разрушеніи этого дѣла. Последнее нужно сказать исключительно о тѣхъ мнимыхъ друзьяхъ св. Церкви и церковнаго блага, голоса которыхъ находятъ себѣ мѣсто въ свѣтской печати; о лицахъ этой категоріи мы и поведемъ дальнѣйшую свою рѣчь по интересующему насъ вопросу.

Служеніе или упраздненіе вліянія св. церкви на общественную и государственную жизнь и составляетъ дѣйствительное основаніе и цѣль всѣхъ подобныхъ желаній и требованій означенныхъ лицъ. Если бы для нихъ было дорого и понятно назначеніе и призваніе св. Церкви на землѣ, они никогда бы и не подумали требовать настойчиво того, чего они требуютъ: они не вѣдаютъ, что творятъ; но они не хотятъ признаться въ дѣйствительной подкладкѣ своихъ требованій, а выставляютъ при этомъ разныя мнимыя основанія въ родѣ указанныхъ выше, которыя многимъ близорукимъ кажутся дѣйствительными и убѣдительными. Господамъ этой категоріи, кричащимъ объ изъятіи брачныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія Церкви, объ упраздненіи монастырей и церковно-приходскихъ школъ, неприятно или даже прямо претитъ все то, что связываетъ наше государство, нашихъ гражданъ въ ихъ жизни со св. Церковью. Освободить государство и гражданъ отъ воздѣйствія и вліянія Церкви, порывать гдѣ только возможно, эту связь, однимъ словомъ, вести войну съ Церковью—ихъ идеаль.

И нужно сказать, что источникомъ такихъ идей часто служатъ у насъ, можетъ быть совершенно ненамѣренно, университетскія кафедры, съ которыхъ г.г. профессора высказываютъ ихъ, какъ непроложенную научную истину. Въ бытность нашу студентомъ университета мы слышали въ аудиторіи и затѣмъ читали въ печатныхъ лекціяхъ такого наприм. рода разсужденіе одного почтеннаго профессора по вопросу о бракѣ и способѣ совершенія его: „человѣкъ во всѣхъ случаяхъ своей гражданской правовой жизни, а въ частности и семейной, долженъ быть поставленъ въ прямое и непосредственное от-

ношеніе только къ государству и освобожденъ въ этомъ отношеніи отъ посредства всякаго рода союзовъ, національныхъ, племенныхъ, сословныхъ и *религіозныхъ*; государство, въ которомъ гражданинъ не поставленъ въ такое непосредственное отношеніе къ нему, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ своей правовой жизни имѣетъ дѣло и съ другими союзами, хотя и находящимися въ томъ же государствѣ,—такое государство еще не выросло въ полноту государственной жизни“¹⁾. Съ этой точки зрѣнія и совершеніе и расторженіе брака должно быть дѣломъ исключительно государственнымъ, гражданскимъ, а не церковнымъ; иначе-де нарушится принципъ прямого и непосредственнаго отношенія гражданина къ государству. Съ этой же самой точки зрѣнія церковное вѣнчаніе должно быть признано не обязательнымъ само по себѣ, и безъ гражданской регистраціи брака, законной силы не имѣетъ. Это—все разсужденія, взятые изъ нѣмецкихъ системъ гражданского права и свойственны протестантскимъ цивилистамъ, но отнюдь не православнымъ. Такъ вотъ гдѣ иногда оказывается источникъ требованій изъятія бракоразводнаго процесса изъ вѣдѣнія Церкви. Но проповѣдывающіе такіа идеи забываютъ, не понимаютъ или не признаютъ той истины, что кромѣ одного великаго организма, называемаго государствомъ, существуетъ еще другой великій и каѳолическій духовный организмъ, называемый Церковью, которая отнюдь не можетъ быть низведена въ разрядъ простыхъ „разнаго рода союзовъ“; они—названные проповѣдники забываютъ или не вѣрятъ, далѣе, въ ту истину, что идеаломъ для христіанскаго государства нужно поставить не разъединеніе Церкви и государства, а возможно большее и тѣсное ихъ единеніе и взаимодѣйствіе, однако безъ смѣшенія и сліянія ихъ функцій, какъ это и есть въ нашемъ великомъ отечествѣ; что государство, государственная, общественная и семейная жизнь тогда только бываютъ прочны и сильны, когда получаютъ освященіе и почерпаютъ силы отъ Церкви, какъ великаго и чисто-духовнаго союза. Поэтому идеальнымъ государствомъ мы назовемъ именно такого рода государство, а

¹⁾ Слушавшіе или читавшіе лекція этого профессора узнаютъ его по прочтеніи этой выдержки изъ лекцій.

не то, которое и само порвало съ Церковью и хочетъ порвать эту же связь и у своихъ гражданъ: таковы всѣ западныя государства, гдѣ законную силу имѣетъ одинъ только гражданскій бракъ; это—государства, не имѣющія въ себѣ зародышей здоровой духовной жизни. Наконецъ, брачное право православнаго государства по самому своему существу такого рода, что свой источникъ и основаніе имѣетъ въ православной Церкви, какъ совершительницѣ таинства брака; и государству нельзя не признать этого источника, а гражданамъ обойти его, если они признаютъ себя православными христіанами. И дѣйствительно, наше православное государство признаетъ это брачное право, получающее свое начало и силу отъ Церкви и въ Церкви. Но горячіе сторонники изъятія юрисдикціи по брачнымъ дѣламъ изъ рукъ Церкви или забываютъ все это, или просто не хотятъ знать этого, живя и благоденствуя въ томъ великомъ государствѣ, которое находится въ тѣсномъ союзѣ съ православною Церковью, а не въ разрывѣ; гдѣ государственная жизнь основывается, какъ на фундаментѣ, на православной Церкви и освящается ею.

Въ самомъ дѣлѣ, бракъ какъ таинство, есть одинъ изъ способовъ, единенія, связи государства и гражданъ съ Церковью, и наше государство, сообщая юридическую силу церковному таинству брака и предоставляя Церкви вполнѣ послѣдовательно вмѣстѣ съ совершеніемъ брака и право расторженія его, ничуть отъ этого не страдаетъ, а напротивъ само пользуется въ этомъ случаѣ уже готовыми, естественными и не имъ созданными, но признаваемыми имъ формами церковной жизни; подобно тому какъ не страдаетъ государство, предоставляя Церкви право веденія метрическихъ книгъ на томъ основаніи, что Церковь является совершительницей таинства крещенія, брака и обряда погребенія; и въ этомъ случаѣ государство пользуется Церковью, какъ естественнымъ, готовымъ органомъ, котораго нельзя замѣнить другимъ, не измѣняя самого существа дѣла; а Церковь, въ свою очередь, исполняетъ эти функціи въ зависимости и по порученію отъ государства, какъ исполняло бы ихъ при другихъ условіяхъ другое учрежденіе.

Что же теперь, послѣ всего сказаннаго, будетъ означать требованіе изъятія бракоразводнаго процесса изъ вѣдѣнія Церкви и передачи его государству и какія послѣдствія повлечетъ за собой подобная передача для нашей церковно-государственной жизни? Прежде положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ замѣтимъ, что какъ будто бы на первый взглядъ является совершенно непослѣдовательнымъ со стороны приверженцевъ изъятія требовать передачи компетенціи по судебно-брачнымъ дѣламъ отъ Церкви государству, оставляя въ то же время право совершенія брака за Церковью; да, это дѣйствительно было бы юридической незѣпостью: съ юридической точки зрѣнія власть совершающая, сообщающая юридическую силу чему либо, является всегда въ то же время и властью прекращающей, уничтожающей данное правоотношеніе: это,—такъ сказать, юридическій законъ. А если поступить по желанію сторонниковъ „изъятія“ юрисдикціи по дѣламъ бракоразводнымъ изъ вѣдѣнія Церкви, то тогда одна власть—церковная будетъ совершать, устанавливать бракъ, а другая—государственная прекращать его; это былъ бы небывалый и ничѣмъ неоправдаваемый примѣръ въ юридической практикѣ, который при томъ повлечетъ за собой много противорѣчій и взаимнаго отрицанія въ дѣйствіяхъ этихъ двухъ властей. Ужь если бы быть непослѣдовательнымъ, то нужно бы требовать передачи гражданскому суду не только бракоразводнаго процесса, но и самаго совершенія брака, сдѣлавъ необязательнымъ церковное вѣнчаніе, какъ это и дѣлается совершенно послѣдовательно въ западныхъ государствахъ, ибо совершеніе и прекращеніе брака суть два неотдѣлимыхъ другъ отъ друга юридическихъ акта.

Но не нужно быть особенно дальновиднымъ, чтобы понять, что къ этому-то! и направляются всѣ помышленія горячихъ сторонниковъ передачи юрисдикціи по дѣламъ бракоразводнымъ изъ вѣдѣнія Церкви гражданскому суду: сдѣлайте, по ихъ желанію, уступите имъ здѣсь, и они вскорѣ же потребуютъ передачи тому же гражданскому суду и самаго совершенія брака, для признанія за нимъ юридической силы съ юридическими послѣдствіями.

Поэтому нужно намъ имѣть въ виду, что передача суда по

дѣламъ бракоразводнымъ гражданскому суду будетъ первымъ шагомъ къ передачѣ тому же суду и самаго совершенія брака. Таково первое, ближайшее и самое важное слѣдствіе требованій радѣтелей усовершенствованія нашего брачнаго права и процесса. Но что послѣдуетъ затѣмъ? Затѣмъ несомнѣнно, въ непродолжительномъ времени будетъ передано гражданскому же суду и самое совершеніе брака подъ предлогомъ удобства и единства т. е. соединенія двухъ актовъ: совершенія и прекращенія брака въ рукахъ одной власти, какъ тому и слѣдуетъ быть въ интересахъ послѣдовательности; будетъ, поэтому, введена гражданская форма совершенія брака, какъ единственно законная, юридическая, церковное же вѣнчаніе сдѣлается необязательнымъ; однимъ словомъ, здѣсь произойдетъ то же самое, повторится у насъ та же роковая ошибка, что и въ западной европѣ, если мы будемъ дѣйствовать здѣсь „*по духу міра сею*“¹⁾ и, такимъ образомъ, будетъ порвано у насъ одно изъ существенныхъ и священнѣйшихъ звеньевъ, соединяющихъ у насъ нашу православную Церковь съ православнымъ государствомъ и православными русскими гражданами, освящающій авторитетъ Церкви по отношенію къ семьѣ будетъ въ корнѣ подорванъ, что только и нужно ярымъ сторонникамъ „изъятія“ и „передачи“.

Такимъ образомъ, передача сначала бракоразводнаго процесса, а затѣмъ несомнѣнно и самаго совершенія брака гражданскому суду явится у насъ однимъ изъ очень существенныхъ и мѣткихъ средствъ разъединенія, разрыва Церкви съ государствомъ, а это будетъ большое торжество для враговъ Церкви, но весьма и весьма печально для самой Церкви и государства, и не замедлитъ повлечь за собой и другія печальныя послѣдствія. У насъ уже объявлена война Церкви антицерковною и антипатріотическою частію нашего общества, вліяніе Церкви у насъ люди этого лагеря стараются, гдѣ только возможно и елико возможно, сокращать и устранять; и здѣсь, въ разсматриваемомъ нами случаѣ, Церковь будетъ устранена

¹⁾ О печальныхъ слѣдствіяхъ свободнаго гражданскаго брака и развода во Франціи сообщены краснорѣчивые факты въ статьѣ доцента СПб. дух. Акад. о. Иером. Михайла (Церковный Вѣстникъ № 5-й 1903 г.).

отъ своего авторитетнаго и зиждительнаго участія и сужденія въ одномъ изъ важнѣйшихъ и священнѣйшихъ актовъ чело-вѣческой жизни, и это устраненіе не замедлитъ сказаться самымъ ужаснымъ и разлагающимъ образомъ на семейной и общественной жизни, и безъ того не высокой по своему достоинству. Устранивъ Церковь здѣсь, въ самомъ существенномъ и главномъ, не трудно будетъ затѣмъ устранять ее постепенно и въ другихъ случаяхъ.

II.

Передача совершенія и расторженія брака свѣтскому суду повлечетъ за тѣмъ, несомнѣнно, за собою такъ желанное „для тѣхъ же радѣтелей“, возможно большее расширеніе *причинъ развода* по западнымъ образцамъ: и это дѣйствительно стоитъ въ связи съ вопросомъ объ изъятіи изъ вѣдѣнія Церкви юрисдикціи по брачнымъ дѣламъ; увеличенія причинъ развода они также страстно домогаются ¹⁾.

Наша православная Церковь, вѣдающая теперь брачное право, основывается въ вопросѣ о разводѣ на точномъ ученіи Господа нашего Иисуса Христа, указавшаго только одну причину для развода—предлюбодѣяніе, и въ этомъ преступномъ фактѣ признавшемъ единственную причину для расторженія брака. Господь Иисусъ Христосъ, допуская только одну эту причину для развода, хотѣлъ, конечно, утвердить святость, прочность, единство и нерушимость брачнаго союза, чтобы не расторгался онъ „по жестокосердію“ кого либо изъ супруговъ, подобно ветхозавѣтнымъ іудеямъ, или по пустому и глупому капризу, чтобы супружеская чета несла обоюдно крестъ семейной жизни съ терпѣніемъ и любовью. Наше русское православное государство, основываясь въ вопросѣ о бракѣ и разводѣ на точномъ ученіи св. Православной Церкви и допуская только одну евангельскую причину для развода предлю-

¹⁾ Увеличенія законныхъ причинъ развода желаютъ не одни только „радѣтели отдѣленія Церкви отъ государства“. Подобное желаніе высказываетъ напрям., такой знатокъ каноническаго права, какъ профессоръ М. Д. Академіи Г. Заозерскій. См. его брошюру: *На чемъ основывается церковная юрисдикція въ брачныхъ дѣлахъ?* М. 1902 г.

бодѣваніе ¹⁾, съ присоединеніемъ сюда еще неспособности къ брачному сожитію и ссылки одного изъ супруговъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, когда бракъ самъ собою прекращается и не можетъ продолжаться,—наше государство, поступая такъ, старается, согласно ученію Спасителя, охранить прочность, постоянство и святость брака. Съ отнятіемъ же отъ Церкви юрисдикціи по брачнымъ дѣламъ, сейчасъ же и немедленно послѣдуетъ расширение причинъ развода до „plus ultra“, до сцены изъ за платья и шляпки включительно; святость брака будетъ, слѣдовательно, сведена къ нулю, легкомысленное отношеніе къ браку, развратъ еще въ болѣе, чѣмъ теперь, грандіозныхъ формахъ, масса несчастныхъ дѣтей, которыя не будутъ знать, кто ихъ родители, гдѣ живетъ отецъ и гдѣ мать—вотъ по нашему мнѣнію, неизбежныя и отнюдь, какъ видно изъ сказаннаго, не мечтательныя послѣдствія „изъятія“ и увеличенія причинъ развода.

Настоящее положеніе у насъ брачнаго права, вѣдаемаго Церковью, спасаетъ еще многихъ отцовъ, матерей и дѣтей отъ этихъ ужасныхъ послѣдствій и сдерживаетъ первыхъ, а съ устраненіемъ Церкви изъ этой области ничто уже не спасетъ и не сдержитъ ихъ. Наконецъ, въ устраненіи Церкви отъ освящающаго ея духовно-нравственнаго вліянія на нашу государственную, общественную и семейную жизнь угрожаетъ опасность, дойти до того, что можно совсѣмъ перестать защищать и отстаивать свою родную, вселенскую и отеческую православную вѣру и Церковь—единственную основу и опору нашего отечества, открыть полный просторъ для всякаго рода сектанскихъ и антихристіанскихъ нападеній на нее, выпустивъ ихъ, какъ дикихъ звѣрей изъ клѣтокъ, и подъ фальши-

¹⁾ Въ словахъ Спасителя: *Вслѣдъ отпущаяй жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати* (Мѡ. V, 32) выраженіе: слово любодѣйное (λόγος πορνείας) можетъ быть объясняемо и въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, какъ вѣщный фактъ прелюбодѣвія, и въ болѣе широкомъ смыслѣ, какъ адвокатское обвиненіе въ супружеской невѣрности вообще. Безъ сомнѣнія, только высшая Церковная власть можетъ опредѣлять полнѣйшій смыслъ этого выраженія, т. е. толковать слово *прелюбодѣйное* или въ тѣсномъ, или въ болѣе широкомъ смыслѣ.

вымъ флагомъ пресловутой „свободы совѣсти“ „не противиться злу“! Такимъ образомъ, не будетъ у насъ тогда источника нашей жизни св. православной вѣры, и государство наше, теперь православное, тогда уже нельзя будетъ назвать православнымъ. Этого ли мы хотимъ и къ этому ли мы стремимся? „Да не будетъ“, скажемъ съ Апостоломъ. Наша высшая церковная власть, тѣ наши государственные мужи и сановники, коимъ дорого и понятно значеніе св. православной Церкви на землѣ и въ нашемъ великомъ отечествѣ въ частности, не допустить, питаемъ мы надежду, сего, они во время различать и увидятъ направленные на нашу св. Церковь стрѣлы лукаваго, хитро разставленные ловушки, и отразятъ ихъ.

Одною изъ такихъ ловушекъ, лукавыхъ стрѣлъ, которую нужно отразить теперь же, и является, по нашему мнѣнію, настойчивое требованіе людей въ большинствѣ не церковныхъ, мало понимающихъ или закрывающихъ глаза на значеніе св. православной Церкви для нашего отечества, мало дорожащихъ ею, или открытыхъ враговъ Церкви—неразумное, неосновательное и печальное по своимъ послѣдствіямъ требованіе передачи юрисдикціи по бракоразводнымъ дѣламъ изъ вѣдѣнія Церкви въ вѣдѣніе гражданскаго суда. Эта передача повлечетъ за собой вскорѣ и передачу ему же и самаго совершенія брака, который будетъ тогда гражданскимъ, а не церковнымъ; а отсутствіе вліянія Церкви—этого „естественнаго“ судьи въ вопросѣ о бракѣ, совершеніи и расторженіи его—будетъ здѣсь такъ ощутительно, такъ значительно, что трудно себѣ и представить теперь всѣ печальныя послѣдствія этого. Поэтому намъ, служителямъ Церкви и всѣмъ, любящимъ и преданнымъ ей, не слѣдуетъ вторить въ тонъ указаннымъ лицамъ—сторонникамъ „изъятія“. *„Святое единеніе, устанавливаемое въ таинствѣ брака „святымъ“ учрежденіемъ—Церковью, и прекращено можетъ быть только тѣмъ же „святымъ“ учрежденіемъ. „Еже Богъ сочета, „человѣкъ“ да не разлучаетъ“—вотъ конечный выводъ нашей статьи. Что же касается „человѣка“ т. е. гражданскаго суда, то ему можно вполне передать не только расторженіе, но и самое совершеніе брака тѣхъ хри-*

стианскихъ исповѣданій въ Россіи, которыя не признають брака тайнствомъ, а равно и всѣхъ не христіанскихъ исповѣданій, и только въ интересахъ единства удобнѣе оставить у насъ общій церковный бракъ. Конечно, нашъ голосъ слабъ, мы сознаемся въ томъ, но у насъ было намѣреніе своимъ слабымъ голосомъ присоединить нѣчто въ ту сокровищницу матеріаловъ, которые теперь собираются по данному вопросу; и это было нашимъ горячимъ намѣреніемъ и задушевною цѣлью настоящей статьи.

Ректоръ Кутаисской Духовной семинаріи

Архимандритъ Сильвестръ.

ЕКАТЕРИНИНСКАЯ КОММИССІЯ

ВЪ ЕЯ ОТНОШЕНІИ КЪ ДУХОВЕНСТВУ, КАКЪ СОСЛОВІЮ.

(Продолженіе *).

II.

Сословныя нужды и желанія великорусскаго духовенства.

Какихъ сословныхъ правъ и привилегій просило великорусское духовенство, это можно видѣть изъ синодскаго наказа и дополнительныхъ къ нему пунктовъ отъ четырехъ, уже извѣстныхъ намъ, великорусскихъ епархіальныхъ архіереевъ. Но напрасно мы стали бы искать здѣсь подробно и обстоятельно выраженныхъ и мотивированныхъ желаній: указы великорусскаго духовенства скромны и вовсе не затрагиваютъ нѣкоторыхъ больныхъ мѣстъ и нуждъ послѣдняго. Причина этого явленія уже извѣстна намъ,—пункты составлялись одними архіереями, безъ участія приходскаго духовенства, а они, конечно, не въ состояніи были, по многимъ причинамъ, высказать всего того, что могло бы сказать само приходское духовенство.

Первымъ сословнымъ и самымъ, повидимому, интереснымъ вопросомъ для великорусскаго духовенства долженъ быть тотъ, къ какой изъ существовавшихъ тогда въ русскомъ общественномъ строѣ сословныхъ группъ можетъ быть отнесено приходское духовенство, и кто можетъ и имѣть право принадлежать къ послѣднему. Ясной и опредѣленно-отчетливой постановки подобнаго вопроса мы тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать, что это во-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1903 г. № 8.

прось принципиальный, изъ котораго съ необходимостью вытекаетъ множество другихъ, далеко не безразличныхъ для духовенства, вопросовъ. Къ какому сословному классу желало принадлежать великорусское духовенство, этого мы не находимъ въ его наказахъ. Но съ другой стороны встрѣчаемся съ такимъ ясно выраженнымъ желаніемъ, которое не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно перваго вопроса. И въ синодскомъ наказѣ, и въ нѣкоторыхъ пунктахъ епархіальныхъ архіереевъ великорусское духовенство очень опредѣленно высказывается о томъ, кто можетъ входить въ составъ его, какъ къ извѣстной сословной группѣ русскаго общества. Повидимому, можно было ожидать, что великорусское духовенство единодушно выскажется въ томъ смыслѣ, что духовное сословіе должно составиться только изъ лицъ по происхожденію духовныхъ же, т. е., лицъ одного духовнаго сословія, а не другихъ сословныхъ группъ, напр., купеческаго, мѣщанскаго и проч. Подобное ожиданіе и предположеніе было бы вполне естественнымъ, потому что духовенство ко времени царствованія Императрицы Екатерины II достигло значительной степени сословной замкнутости, которая была прямымъ результатомъ постепеннаго развитія наследственности духовнаго званія. Начало развитія сословной замкнутости духовенства трудно опредѣлить съ точностію, хотя вопросъ этотъ давно уже служитъ предметомъ изслѣдованія труженниковъ русской исторической науки¹⁾. Въ XVI в. наследственность является уже довольно развитой и распространенной. Въ законодательствѣ XVI и XVII вв., хотя и нѣтъ прямого запрещенія принимать въ духовное званіе лицъ изъ другихъ сословій, но ясно уже проводится взглядъ на духовное званіе, какъ на наследственное. Это можно видѣть изъ нѣкоторыхъ опредѣленій Стоглаваго собора, бывшаго въ 1551 г., „изъ правилъ Большаго Московскаго собора 1667 г.“, откровенно и опредѣленно вы-

¹⁾ Процессъ развитія замкнутости духовенства составляетъ, между прочимъ, предметъ изслѣдованія въ капитальномъ трудѣ П. В. Знаменскаго: „Приходское духовенство въ Россіи со времени реформъ Петра“ и отчасти въ сочиненіи Н. Руновскаго: „Церковно-гражданскія законоположенія относительно православнаго духовенства въ царствованіе Императора Александра II“, у послѣдняго, нужно замѣтить, глава о замкнутости духовнаго сословія представляетъ собою не болѣе, какъ простую компіляцію труда П. В. Знаменскаго.

сказавшаго мысль, что духовная служба должна быть достоинствомъ исключительно священно-церковно-служителей, „дабы, выражаясь словами собора, не допускать въ священство сельскихъ невѣждъ, иже инии ниже скоты пасти умѣютъ, кольми паче людей“! Принципъ наслѣдственности духовнаго званія, прочно установленный соборомъ 1667 г., всецѣло перешелъ и въ законодательство Петра Великаго, при которомъ сильнѣе обозначилось сословное раздѣленіе народа. Разграничивая сословія, великій преобразователь Россіи руководился особыми соображеніями. Обстоятельства времени требовали особенно сильнаго напряженія матеріальныхъ силъ страны. Реформы и усовершенствованія почти во всѣхъ частяхъ русскаго государственнаго строя и жизни требовали громаднхъ издержекъ и невольно заставляли правительство обратить особенное вниманіе на увеличеніе массы служилаго и тяглаго сословій. Нужно было изыскивать всевозможныя средства къ возвышенію и увеличенію матеріальнаго благосостоянія страны. Однимъ изъ многихъ средствъ было въ глазахъ правительства заключеніе каждаго сословія въ строго опредѣленныя рамки, гдѣ бы оно занимало опредѣленное мѣсто въ государственномъ быту и состояло изъ извѣстнаго круга лицъ. При строгомъ разграниченіи сословій духовенство не могло избѣжать общей участи и обособилось еще болѣе прежняго отъ другихъ сословій. Этому особенно способствовало учрежденіе со времени реформы особыхъ школъ при архіерейскихъ домахъ для обученія дѣтей духовенства „въ надежду священства“. Дѣтямъ духовенства волей-неволей приходилось избарать тотъ же родъ занятій, на которомъ подвизались ихъ дѣды и отцы. При преемникахъ Петра Великаго сословная замкнутость духовенства развивается еще болѣе по мѣрѣ того, какъ, съ одной стороны, въ духовномъ вѣдомствѣ уясняется сознаніе сословныхъ интересовъ, съ другой, по мѣрѣ возрастающей заботливости правительства объ охраненіи и увеличеніи податныхъ силъ страны. Школа духовная все болѣе замыкается для лицъ другихъ сословій и мало-по-малу начинаетъ принимать спеціальное назначеніе—воспитывать дѣтей духовенства „въ надежду священства“. Число свѣтскихъ воспитанниковъ въ духовныхъ школахъ, до-

волью многочисленное на первыхъ порахъ ихъ существованія, быстро сокращалось. Само духовное начальство стало уже оберегать свои школы отъ наплыва постороннихъ лицъ. При Петрѣ II Св. Синодъ указомъ 1728 г. отстранилъ отъ обученія въ Московской Академіи всѣхъ солдатскихъ и крестьянскихъ дѣтей, отъ которыхъ нельзя было ожидать по какимъ-либо причинамъ поступленія на духовную службу ¹⁾. Замыкая духовныя школы, правительство вступило на путь обособленія духовнаго званія отъ другихъ сословій и путемъ законодательнымъ, время отъ времени стали издаваться распоряженія, стѣснявшія выходъ изъ духовнаго званія и доступъ въ послѣднее постороннимъ лицамъ. Такъ въ 1731 г. 18 ноября Св. Синодъ издалъ рѣшительное распоряженіе о неувольненіи вовсе дѣтей священноцерковно-служителей въ свѣтское званіе, о чемъ и были разосланы епархіальнымъ архіереямъ соотвѣтствующіе указы. Въ дополненіе къ синодскому распоряженію Правительствующимъ Сенатомъ отъ 24 мая 1732 г. предписано было коллегіямъ, канцеляріямъ и приказамъ поповскихъ, діаконскихъ и причетническихъ дѣтей въ подъячіе отнюдь не принимать и не опредѣлять, а отсылать ихъ въ духовныя школы ²⁾. При Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ Св. Синодъ въ 1744 г., ходатайствовалъ предъ Сенатомъ, чтобы священнослужительскія мѣста замѣщаемы были только духовными людьми, мотивируя свою просьбу тѣмъ, „что церкви святая удобнѣе и приличнѣе наполнять такими чинами, нежели какъ прежде, по необходимости, въ разсужденіи въ причтѣ церковномъ недостатка, крѣпостныхъ и помѣщичьихъ людей и крестьянъ въ церковный причетъ опредѣлять ³⁾. Запрещая дѣтямъ духовенства выходить изъ духовнаго званія, правительство въ то же время ревниво оберегало духовное вѣдомство и отъ наплыва въ послѣднее лицъ другихъ сословій. Это нужно сказать въ особенности относительно лицъ податныхъ классовъ, которымъ положительно закрытъ былъ доступъ къ духовному званію. Если и бывали исключенія изъ общаго правила, то въ случаяхъ только крайней

¹⁾ И. С. З. т. VIII, № 6066.

²⁾ Тамъ же, т. VIII №№ 5882 и 6066.

³⁾ И. С. З. т. XII, № 8904.

нужды въ кандидатахъ священства, напр. въ Астрахани въ 1769 г., за смертію множества священнослужителей отъ мороваго повѣтрія ¹⁾). Строгость правительства при опредѣленіи на церковныя должности податныхъ людей простирались даже на церковниковъ, если они какимъ-нибудь образомъ имѣли несчастіе попасть въ подушный окладъ по прежнимъ разборамъ, — съ нихъ вѣрно было брать по указу 1725 г., подушныя деньги, а дѣтей ихъ оставлять за помѣщиками ²⁾). Правда, постановленія о церковникахъ принимали иногда благопріятное для нихъ направленіе ³⁾, но не надолго; — правительство въ 1761 г. вновь опредѣлило — посвящать церковниковъ, записанныхъ въ оклады, только въ тѣхъ случаяхъ, когда общества, къ которымъ они приписаны, или ихъ помѣщики обяжутся платить за нихъ окладъ до будущей ревизіи ⁴⁾).³ Такимъ образомъ, ко времени открытія Екатерининской комиссіи сословная замкнутость и обособленность великорусскаго духовенства была во всей силѣ: выходъ изъ послѣдняго дѣтямъ духовныхъ былъ воспрещенъ; равнымъ образомъ не дозволенъ былъ и входъ въ среду него лицамъ другихъ сословій. — Хотя замкнутость великорусскаго духовенства и была отчасти въ его интересахъ, но послѣднее вовсе не желало обособленности отъ другихъ сословій. Напротивъ, оно просило и домогалось, чтобы дозволенъ былъ доступъ къ духовному званію лицамъ всѣхъ сословій, всѣхъ состояній и положеній. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ виду ясности свидѣтельствъ синодскаго наказа и дополнительныхъ пунктовъ къ послѣднему 4-хъ великорусскихъ архіереевъ. По мнѣнію великорусскаго духовенства, „должно дать позволеніе“ на доступъ въ среду его прежде всего „людямъ свѣтскимъ“ „изъ всякихъ чиновъ“, „кто пожелаетъ и достоинъ будетъ“, при чемъ свѣтское общество, выдѣлившее изъ своей среды извѣстныхъ „чиновъ“, „не только за то не пренебрегало ими, но даже и за честь оное имъ вмѣняло“. По крайней мѣрѣ, для духовенства было бы желательно издать въ этомъ

1) „Приходское духовенство въ Россіи“... П. В. Знаменскаго стр. 95.

2) П. С. З. т. VII №№ 4802 и 4804.

3) Напр., указъ 1741 г., — т. XII № 8981.

4) Напр. т. XIII № 9781; т. XV № 11336.

смыслѣ какое-либо правительственное „повелѣніе“¹⁾. Очевидно, приходское духовенство не чуждо было сознанія собственнаго достоинства. Это тѣмъ болѣе характерно, что ко времени царствованія императрицы Екатерины II духовное званіе очень понизилось въ глазахъ другихъ, особенно дворянскихъ и свѣтскихъ лицъ, подѣ вліяніемъ враждебнаго Церкви и духовенству направленія западно-европейской мысли. Допуская въ свою среду „лицъ изъ всякихъ свѣтскихъ чиновъ“, духовенство предъявляло къ послѣднимъ и нѣкоторыя требованія, безъ которыхъ невозможенъ былъ для нихъ доступъ къ священнымъ степенямъ. Эти требованія, впрочемъ, не особенно высоки: нужно было, чтобы кандидатъ священства изъ свѣтскихъ „былъ бы по достаточеству въ грамотѣ исправенъ, а по добродѣтели достоинъ“²⁾. Смущаться доступомъ въ духовное званіе изъ лицъ свѣтскихъ нечего, — это въ порядкѣ вещей и имѣеть за себя „дозволеніе всѣхъ временъ христіанской Церкви, такъ и примѣръ союзныхъ державъ“³⁾. Какія разумѣются здѣсь союзныя державы, трудно опредѣлить съ точностію. Если западно-европейскія державы, находившіяся въ добромъ сѣгласіи съ правительствомъ Екатерины II, — то подобная ссылка православнаго епископа на примѣръ инославныхъ державъ не можетъ не показаться странною. Впрочемъ, въ то время — въ періодъ увлеченія всѣмъ западнымъ — данное явленіе не особенно можетъ казаться удивительнымъ. Въ вѣкъ Екатерины II большинство русскихъ устремлялось въ Западную Европу за доказательствами своихъ мыслей, положеній и мнѣній. Даже такой ревнитель и носитель Православія, какимъ, безъ сомнѣнія, былъ преосвященный Гавріиль, и тотъ явился въ Дирекціонную комиссію съ массою всевозможныхъ справокъ, статистическихъ данныхъ и т. д. относительно положенія католическаго духовенства во Франціи⁴⁾.

¹⁾ Сб. И. Р. И. О. т. 48. Наказъ отъ Св. Синода глава „о священно-и-церковно служителяхъ“ п. 2, стр. 47. Пункты преосвященнаго Гавріила, — п. 17, стр. 418. Пункты преосвящ. Сильверста, п. 20, стр. 428.

²⁾ Сб. т. 48; п. 20 преосвящ. Сильверста, стр. 428.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Рукопись № 415, л. 409—423. Здѣсь подробно указано, сколько при извѣстныхъ католич. церквахъ полагается служителей, сколько у нихъ пахатной

Великорусское духовенство желало доступа въ его среду не однимъ только „свѣтскимъ чиновнымъ“ людямъ. Его желанія въ этомъ отношеніи гораздо шире: въ духовное званіе могутъ вступать, по его мнѣнію, и изъ купечества, и ихъ подушнаго оклада, и вообще „изъ всякаго званія и чина людей“¹⁾, подѣ условіемъ выше означеннымъ. Правительству при этомъ нечего беспокоиться тѣмъ обстоятельствомъ, что за выходомъ въ духовное званіе можетъ уменьшиться число платящихъ единицъ страны. Выбывшіе элементы можно замѣнить элементами—изъ его среды, которые почему-либо не годны для прохожденія духовнаго служенія. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ прежде всего „худогрмотные“ или „малогрмотные“²⁾, каковыхъ, какъ можно судить по имѣющимся свидѣтельствамъ³⁾, было очень немало среди лицъ духовнаго сословія. Малограмотность приходскаго духовенства, невыгодная для послѣдняго сама по себѣ, стала особенно замѣтнѣ въ вѣкъ Екатерины II, когда отрицательныя теоріи передовыхъ европейскихъ мыслителей хлынули цѣлыми потоками въ высшее русское общество и, казалось, готовы уже были потопить его прежнія вѣрованія въ волнахъ западнаго атеизма и соединенныхъ съ послѣднимъ другихъ ученій. Нужна была большая степень грамотности и начитанности среди духовныхъ руководителей народа; чтобъ сколько-нибудь сдерживать натискъ отрицательныхъ европейскихъ ученій. Выказывая полную готовность выдѣлнть изъ среды своей всѣ „худогрмотные“ элементы, оно настойчиво просило о возможно большемъ распространеніи школъ и среди духовенства и среди народа. Особенно горячо ратовалъ о народномъ просвѣщеніи преосвященный Гавріиль. По его проекту „при всякой градской и сельской церкви“ должны быть открыты приходскія школы, гдѣ бы можно было получать первоначальное образованіе въ духѣ Православной Церкви⁴⁾.

земля; количество доходовъ и подробныя статистическія цифровыя данныя относительно французскихъ архіепископовъ и епископовъ. Очевидно, пр. Гавріиль рѣшилъ сражаться съ противниками ихъ же оружіемъ, т. е., ссылаясь на французскія же данныя, на что ссылались обыкновенно либеральныя депутаты комиссін. Нельзя не признать разумными такіе приемы борьбы съ противникомъ.

1) Сб. И. Р. И. О. т. 43, стр. 47 и 428.

2) Тамъ же.

3) „Церковно-гражданскія законоположенія“. Н. Руновскаго, стр. 9.

4) Сб. т. 43, стр. 418, пунктъ Гавріила, п. 14.

Съ неменьшею также готовностію духовенство предлагало выдѣлять изъ своей среды и обратить въ платежныя единицы и лицъ т. н. „подозрительныхъ“¹⁾, разумѣя подъ ними, конечно, самые неблагонадежныя, безнравственные элементы. Предложенія духовенства нельзя не признать практичными и выгодными для него. Принимая въ свою среду людей съ призваніемъ, оно взамѣнъ ихъ отдавало отъ себя такихъ лицъ, которыя менѣе всего пригодны для прохожденія духовнаго служенія. И правительственный интересъ мало страдалъ:—исключенные изъ духовнаго званія всѣ т. н. „худогрмотные“ могли быть хорошими плательщиками; не выгоднымъ для правительства могъ быть, пожалуй, переходъ въ подушный классъ т. н. „подозрительныхъ“, которые могли остаться таковыми же и по переходѣ въ новое сословіе. Все же въ послѣднемъ они могли быть болѣе полезными гражданами, чѣмъ въ духовномъ званіи, потому что здѣсь всегда представлялась возможность найти для нихъ болѣе подходящее занятіе и трудъ.

Духовенство, изъявляло готовность выдѣлить изъ своей среды и еще классъ личностей, которыя при нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ могли оказаться не совсѣмъ удобными для прохожденія духовнаго званія. Это тѣ, гонимые судьбою, священники и діаконы, которые вдовѣли „въ непрестарѣлыхъ годахъ“, не имѣя возможности, по канонамъ Православной Церкви, вступать вторично въ бракъ. Духовенство екатерининскаго времени при разсужденіи объ участи вдовыхъ священно-служителей становится на болѣе гуманную точку зрѣнія, чѣмъ на какой стояли его предшественники. Оно предлагаетъ законодательной комиссіи дозволить молодымъ вдовцамъ духовнаго званія *вторично* вступать въ бракъ безъ всякаго препятствія, предоставляя имъ право, по ихъ желанію, опредѣлиться и „въ свѣтскіе чины и въ военную службу, кто куда способенъ окажется, не ставя же ни въ какой порокъ бывшаго ихъ въ духовенствѣ обращенія, и производить бы ихъ въ чины по порядку и по достоинству и по заслугамъ, дабы они отъ другихъ никакой отличности не имѣли и тѣмъ бы ревностию службы свои оказывали“²⁾. Впрочемъ, нужно замѣтить, что

¹⁾ Сб. стр. 47. Наказъ Св. Синода п. 2. Пункты Свѣвѣстра п. 20, стр. 428.

²⁾ Сб. т. 48, стр. 48. Наказъ Св. Синода, п. 3.

предложеніе Св. Синода имѣло уже за собою правительственный указъ отъ 30 апрѣля 1724 г., по которому высшее церковное управленіе „обнадеживало вдовыхъ поповъ и дьяконовъ, которые учились въ школахъ и могли послужить въ проповѣди слова Божія, что по вступленіи во второй бракъ и по снятіи священства они могутъ быть при архіерейскихъ домахъ учителями и у дѣлъ въ духовныхъ совѣтахъ и управленіяхъ“¹⁾. Синодскій наказъ и ссылается на петровскій указъ 1724 г. Но нельзя не видѣть, что предложеніе перваго далеко оставило позади распоряженіе Преобразователя Россіи. Тамъ только еще первыя попытки, робкіе шаги, здѣсь же требованіе рѣшительнаго и яснаго узаконенія по данному вопросу. Правительство петровскаго времени только „обнадеживало“ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ, духовенство же екатерининскаго времени настойчиво просило, чтобы „духовные“ вдовцы, вступившіе во второй бракъ, допускаемы были въ свѣтскіе чины и въ военную службу“ безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій. Очевидно, здѣсь сказалось вліяніе либеральнаго духа времени и идей западно-европейскихъ мыслителей.

Наконецъ, духовенство охотно отказывалось и еще отъ одной группы лицъ своей среды, которыя могли только компрометтировать духовное званіе. Это—священнослужители, лишеныя за разныя вины сана, и т. н. самоставы, клирики и монахи, безъ указа постриженныя, или волочащіеся и своевольно бродящіе, безмѣстные и подозрительные; всѣхъ подобныхъ, „яко въ тѣхъ чинахъ быть недостойныхъ“, духовенство съ радостію уступало и „въ свѣтскія команды“, и „изъ нихъ самоставовъ... въ погонщики безъ выслуги вѣчно“, „а прочихъ молодыхъ въ солдаты, а негодныхъ на поселеніе“²⁾.

Такимъ образомъ, духовенство далеко было отъ мысли о замкнутости и обособленности своего сословія. Оно съ готовностію принимало въ свою среду и „изъ свѣтскихъ всякихъ чиновъ, кто пожелаетъ и достоинъ будетъ“³⁾, и „изъ купечества и подушнаго оклада“⁴⁾, выдѣляя въ другія сословія съ

1) П. С. З. т. VII, № 4499.

2) Сб. т. 43, стр. 48. Наказъ Св. Синода.

3) Тамъ же, стр. 47, 418 и 428.

4) Тамъ же.

большою охотою изъ своей среды всѣ тѣ личности, которыя почему-либо признаны имъ непригодными для прохожденія духовнаго званія.

Настаивая на принципѣ сословной незамкнутости, духовенство, естественно, не желало примыкать къ какой либо одной изъ существовавшихъ тогда въ русскомъ обществѣ сословныхъ группъ, не исключая и дворянства. Въ противномъ случаѣ былъ бы невозможенъ самый доступъ въ его среду лицамъ другихъ сословій, потому что изъ дворянъ едва-ли бы кто согласился принять духовное званіе, если бы послѣднее причислено было, напр. къ среднему—мѣщанскому классу русскаго общества; равнымъ образомъ и лицамъ прочихъ сословій—мѣщанскаго, крестьянскаго и др. вовсе невозможно было бы вступить въ ряды духовенства, если бы оно принадлежало къ дворянскому сословію. Одни, слѣдовательно, не пошли бы въ духовное званіе потому, что этотъ переходъ унижалъ бы ихъ въ общественномъ мнѣніи, другимъ и не позволили бы, потому что принятіе духовнаго сана слишкомъ возвысило бы ихъ, освобождая къ тому же отъ всѣхъ почти повинностей ихъ прежняго состоянія. Нужно было, чтобы духовенство *выдѣлилось въ особое привилегированное сословіе*, доступъ въ которое былъ бы такъ или иначе возможенъ для лицъ всѣхъ другихъ сословій. Такъ и взглянула на дѣло, какъ увидимъ ниже, *духовно-гражданская* коммиссія. Разсуждая, къ какому изъ трехъ извѣстныхъ государственныхъ родовъ (высшее, среднее и низшее) „приличнѣе всего причислить“ духовное сословіе, коммиссія пришла къ заключенію, что „не можно духовенство ни къ какому роду особливо изъ трехъ извѣстныхъ государственныхъ родовъ причислить, а пристойнѣе будетъ помѣстить подъ первымъ родомъ, подъ именемъ чина духовнаго, или *совсѣмъ отнести ко исключительнымъ положеніямъ, означающимъ въ уложенъе особенно, яко ко вѣмъ тремъ родамъ принадлежащій чинъ*“, „ибо духовенство все вообще ни по родамъ, изъ коихъ оно составлено быть можетъ, ниже по великому различію достоинства сановъ ихъ равными правами и преимуществами снабдить нельзя, а и пользоваться не могутъ, а имѣть будетъ духовный чинъ особливые свои на классы или статьи раздѣ-

ленія, по коимъ, какъ почести, такъ и преимущества или выгоды имъ означены быть имѣютъ, кои будучи весьма и между собою различны; слѣдовательно, другихъ государственныхъ родовъ съ правами и давно ни мало сходствовать не будутъ и не могутъ“¹⁾. Подобную же мысль проводилъ и Преосвященный Гавріиль въ Дирекціонной комиссіи, когда протестовалъ противъ причисленія духовенства къ среднему, мѣщанскому сословію. Настаивая, чтобы доступъ къ духовному званію былъ рѣшительно дозволенъ для лицъ всѣхъ сословій, „изъ всякаго“, по его словамъ, „чина“, преосвященный депутатъ въ основаніе своихъ разсужденій полагалъ ту совершенно справедливую мысль, что по идеѣ въ духовномъ служеніи „наслѣдства нѣтъ“, да и не должно быть, „а одно взыскивается достоинство“²⁾. Поэтому и не можетъ быть рѣчи о причисленіи духовенства къ какому либо изъ существующихъ государственныхъ родовъ; оно должно занимать особое, самостоятельное и, конечно, привилегированное положеніе, „не можетъ причестся роду“³⁾.

Настаивая на исключительномъ положеніи духовнаго сословія, къ которому возможенъ былъ бы доступъ лицамъ всѣхъ другихъ сословій, духовенство однако желало сохранить за собою свободу выбора кандидатовъ на священноцерковнослужительскія мѣста; просило, чтобы избраніе и назначеніе духовныхъ лицъ было исключительно дѣломъ епархіальныхъ епископовъ. Подобное предложеніе великорусскаго духовенства, естественно, выдвигаетъ старый вопросъ о способахъ избранія духовныхъ лицъ въ XVIII в. Судя по многимъ имѣющимся даннымъ способы избранія священнослужителей въ екатерининское время не было строго опредѣленными и установившимися. Въ древней допетровской Руси избраніе кандидатовъ на всѣ священно-церковно-служительскія должности къ приходскимъ церквамъ принадлежало, какъ извѣстно, самимъ прихожанамъ; избирались лица не одного только духовнаго происхожденія, но и другихъ сословій, лишь бы они были грамотными и „не зазорнаго поведенія“. Эта свобода выбора

1) Рукопись № 415, л. 324.

2) Тамъ же, л. 210.

3) Тамъ же.

кандидатовъ священства съ теченіемъ времени стала ослабѣвать, и при Петрѣ 1-мъ впервые получила ограниченіе. По законамъ Преобразователя Россіи можно было ставить священнослужителей къ приходамъ помимо всякихъ приходскихъ выборовъ, вслѣдствіе чего замѣщеніе „должностей священныхъ“, между прочимъ, и сдѣлалось наследственнымъ. Трудно сказать, какой порядокъ опредѣленія на церковныя должности былъ употребителенъ на практикѣ въ XVIII в., на огромномъ пространствѣ Россіи, въ различныхъ мѣстахъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій отношенія между ними были чрезвычайно разнообразны. Но не трудно опредѣлить, какъ относилось само духовенство къ тому или иному порядку замѣщенія свободныхъ священнослужительскихъ мѣстъ. Матеріалы Комиссіи не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что духовенство *не желало* стараго допетровскаго порядка избранія кандидатовъ на духовныя должности. Заявленія въ этомъ родѣ встрѣчаются и въ синодскомъ наказѣ и въ дополнительныхъ пунктахъ нѣкоторыхъ изъ великорусскихъ архіереевъ ¹⁾. Ясно выраженное желаніе великорусскаго духовенства подробно и обстоятельно имъ мотивируется. Не говоря уже о томъ, что выборы прихожанами кандидатовъ священства не всегда были удачными при существованіи „поддаиваній“ и т. п., вслѣдствіе чего членами клира становились и „худогрмотные“ и „подозрительные“, „и непотребные выбирались на степени священства“ ²⁾; допетровскіе выборные порядки не нравились духовенству главнымъ образомъ потому, что отдавали послѣднее всецѣло въ руки помѣщиковъ и другихъ богатыхъ прихожанъ до потери самостоятельности даже въ такихъ дѣлахъ, гдѣ бы духовенство должно быть совершенно независимо. Независимость и самостоятельность приходскаго духовенства были очень рѣдкими явленіями въ данный періодъ. Напротивъ, богатый прихожанинъ, самодуръ—помѣщикъ дѣлалъ все, что было ему угодно, вторгаясь даже въ такія сферы, гдѣ не должно быть мѣста никакому посторон-

1) Сб. т. 43. Наказъ Св. Синода, п. 1—2, стр. 47. Пункты Преосвящ. Афанасія, п. 6, стр. 423—425 и 428.

2) Тамъ же, стр. 47—48 и 428.

нему вліянію. Такова, напр., область отправления церковныхъ службъ и обрядовъ. Здѣсь, кажется, уже все должно зависѣть отъ настоятеля-священника. Однако помѣщики находили возможнымъ и сюда простирать свое вліяніе, конечно, въ ущербъ авторитету приходскаго пастыря, приказывая послѣднему „литургіи въ господскіе и праздничные дни не во время начинать, а весьма поздно дни и дожидать ихъ (помѣщиковъ) до половины дни—приходу въ церковь“¹⁾. Не послушаться „бѣдному“ приходскому священнику было нельзя, потому что такому ослушнику помѣщикъ „причинялъ разныя озлобленія“, заставлявшія священника волей-неволей удовлетворять прихоти его всесильнаго прихожанина²⁾. Вторженіемъ въ чисто обрядовую церковную область не ограничивались притязанія своевольныхъ помѣщиковъ-прихожанъ. Они простирались гораздо дальше. Сознвая свою силу и могущество, помѣщики нерѣдко принуждали приходскаго священника „сводить незаконные браки“, за совершеніе которыхъ духовенство „претерпѣвало штрафы за преступство правилъ“³⁾. При этомъ въ средствахъ и способахъ „принужденій“ не было большого разбора и стѣсненія:—пускались въ дѣло не только „угрозы“, но даже „и побои“, что и заставило „малодушныхъ, священниковъ“ соглашаться на самыя противозаконныя и не позволенныя едѣдки⁴⁾. Помѣщики-прихожане пытались даже законодательнымъ путемъ закрѣпить свое вліяніе и власть надъ приходскимъ духовенствомъ. Съ предложеніемъ подобнаго рода выступилъ галицкій депутатъ Юрій Лермонтовъ въ одномъ изъ засѣданій Большой Коммисіи, воспользовавшись чтеніемъ существовавшихъ узаконеній о духовенствѣ. Указавъ на злоупотребленія приходскаго духовенства „вѣдомостями объ исповѣдовавшихся, вступившихъ въ бракъ, новорожденныхъ и умершихъ“, галицкій депутатъ, вмѣстѣ съ предложеніемъ вовсе

1) Сб. т. 43, стр. 430—431, пункты Пр. Цорфвирія, п. 1. Очевидно въ епархіи Бѣлгородской злоупотребленія помѣщиковъ были обычнымъ явленіемъ, когда Преосвященный заявляетъ о нихъ на первомъ мѣстѣ, говоря, что „церкви свитія въ его епархіи не свободны“.

2) Сб. т. 43, стр. 430—431.

3) Сб. т. 43, стр. 429. Пункты Сильвестра, п. 23.

4) Тамъ же.

уничтожить эти вѣдомости, за исключеніемъ „краткихъ исповѣднхъ“, рекомендовалъ собранію узаконить мѣру, могущую, по его мнѣнію, значительно сдерживать произволь и злоупотребленія приходскаго духовенства. Это—выдача священникамъ „отъ прихожанъ, за подписью сихъ послѣднихъ, *аттестатовъ*, по которымъ епархіальный архіерей можетъ имѣть свѣдѣнія о поведеніи каждаго священника ¹⁾. Священники должны были представлять эти аттестаты „своему архіерею въ назначенное время“; въ противномъ случаѣ они „лишались священническаго сана, кромѣ тѣхъ, кои не могутъ сего исполнить за болѣзнію“ ²⁾. Не трудно видѣть, къ чему вело предложеніе галицкаго депутата, если бы оно было узаконено. Оно ставило въ полную зависимость приходскаго священника отъ помѣщика—прихожанина, потому что послѣдній былъ полновластнымъ господиномъ въ приходѣ при существовавшемъ тогда крѣпостномъ строѣ жизни. Предложеніе Лермонтова вызвало оживленныя пренія, побудивъ высказаться еще двухъ депутатовъ,—одного отъ козаковъ Хоперской крѣпости, другого—отъ дворянъ Сумскаго уѣзда. Первый вполнѣ согласился съ мнѣніемъ галицкаго депутата, только еще подробнѣе обрисовавъ злоупотребленія приходскаго духовенства указанными вѣдомостями ³⁾. Другой же, т. е. депутатъ Сумскаго дворянства, соглашаясь, что указанные злоупотребленія существуютъ въ дѣйствительности, не находилъ однако нужнымъ отмѣнить означенныя вѣдомости. Напротивъ, послѣднія, какъ весьма полезныя, нужно оставить, но только установить для нихъ строго опредѣленныя „одинаковыя формы, которыя въ печатныхъ экземплярахъ разослать по всѣмъ приходамъ“ ⁴⁾. Нѣтъ

1) Сб. т. 14, стр. 35.

2) Сб. т. 14, стр. 35.

3) Сб. стр. 35—36. По заявленію депутата Андрея Алейникова „дѣйствительно есть такіе священники, которые изъ одного сребролюбія нѣкоторыхъ прихожанъ своихъ, не исповѣдающихся и не причащающихся Св. Таинъ, записываютъ въ своихъ вѣдомостяхъ исповѣдниками и причастниками.

4) Сб. т. 14, стр. 37—38. По свидѣтельству сумскаго депутата С. Домашнева, священники обращали исповѣдныя вѣдомости въ орудіе мести прихожанамъ. „Иногда деревенскіе поны, будучи въ ссорѣ съ кѣмъ нибудь изъ крестьянъ, показывали объ нихъ въ вѣдомостяхъ, что они не исповѣдались, хотя это и несправедливо. Отъ этого производится съ нихъ напрасное взысканіе положеннаго по указамъ штрафа“.

у Сумскаго депутата (съ которымъ согласилось большинство дворянъ) и согласія на учрежденіе предложенныхъ Лермонтовыми аттестатовъ для священниковъ, выдаваемыхъ прихожанами за ихъ подписью¹⁾. Во всякомъ случаѣ, предложеніе галицкаго депутата служило знаменіемъ времени, и побуждало приходское духовенство изыскивать всевозможныя мѣры къ приобрѣтенію себѣ свободы и независимости отъ крѣпостниковъ—помѣщиковъ. Подобное стремленіе тѣмъ болѣе законно и естественно, что служители алтаря очень часто подвергались всевозможнымъ оскорбленіямъ со стороны своихъ вліятельныхъ прихожанъ. Мы видѣли уже выше, что помѣщики нерѣдко „пускали въ дѣло“ „побой“, когда принуждали священниковъ къ какому-либо противозаконному дѣйствію. Но и не при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ кулачная расправа была нерѣдкою. Жалобы на буйство помѣщиковъ встрѣчаются въ пунктахъ всѣхъ четырехъ епархіальныхъ архіереевъ. Преосвященный Порфирій свидѣтельствуется, что „многіе помѣщики и обыватели безвинно нападали на священно—и—церковнослужителей, причиняютъ имъ разныя притѣсненія и побои немилосердные“²⁾. О случаяхъ „немилосердныхъ побоевъ“ свидѣлствуютъ также и Аѳанасій Ярославскій³⁾ и Сильвестръ Переяславльскій⁴⁾. Нечего и говорить, конечно, о другихъ, менѣе грубыхъ оскорбленіяхъ, — они составляли обычное, явленіе въ жизни беззащитнаго приходскаго священника, роная его на каждомъ шагу въ глазахъ пасомыхъ⁵⁾. Не удивительно потому, что само собою возникалъ вопросъ о чести духовнаго лица, о гарантіяхъ его личностей свободы и безопасности. Но чѣмъ было оградить духовную персону отъ произвола и притѣсненій богатыхъ и сильныхъ прихожанъ? Оставалось одно средство—судь, и къ нему-то взываетъ духовное сословіе екатерининскаго времени. Нельзя сказать, чтобы правительство ничего не предпринимало для огражденія духовныхъ лицъ отъ произвола и притѣсненій богатыхъ прихожанъ—помѣщиковъ. Съ указаніями въ этомъ родѣ мы встрѣчаемся и въ XVIII в., не говоря

1) Тамъ же.

3) Сбор. т. 48, стр. 424.

2) Сбор. т. 48, стр. 432.

4) Сбор. т. 48, стр. 428.

5) Сб. т. 48, стр. 424, 428—429 и 432.

уже объ Уложеніи Алексѣя Михайловича. Но подобныя судьбища у свѣтскихъ властей мало достигали цѣли,—последніе рѣшали дѣло очень пристрастно и больше въ пользу представителей своего сословія ¹⁾. Пристрастіе судей было настолько велико, что духовенство считало даже совершенно бесполезнымъ обращаться за удовлетвореніемъ въ различныя присутственныя мѣста ²⁾. Приходскому священнику иногда „и невозможно было вступать въ судебныя дѣла по свѣтской командѣ“, „ибо могла учиниться во отправленіи церковныхъ и мірскихъ требъ крайняя остановка“ ³⁾; кромѣ того, легко можно было подвергнуться штрафу, если, напр., упущеніе послѣдуетъ, хотя бы и невольное, „въ высокаторжественные и вѣкторіальныя дни, такожь и государственныя панихиды“, вслѣдствіе чего священники „и оставались обиженными“ ⁴⁾. Если же иногда „обиженный“ священникъ и получалъ какое либо удовлетвореніе въ судѣ, то это не могло много сдерживать произволь обидчика, по причинѣ ничтожности и легкости наказаній. Изъ пунктовъ великорусскаго духовенства видно, какія наказанія налагались на обидчиковъ. Это незначительные денежные штрафы, уплатить которые богатому прихожанину ничего не стоило ⁵⁾. Между тѣмъ, эта легкость наказанія, или вѣрнѣе полная безнаказанность только „подбодряли“ помѣщиковъ, побуждая ихъ къ дальнѣйшимъ безобразіямъ и буйствамъ ⁶⁾. Что въ такомъ положеніи могло предпринять великорусское духовенство? Чѣмъ оно просило комиссію оградить его отъ произвола сильныхъ и богатыхъ прихожанъ? Прежде всего, духовенство предложило *увеличить* до очень значительныхъ размѣровъ *денежные штрафы*, которымъ подвергались, по рѣшенію суда, обидчики духовныхъ лицъ. По уложенію Алексѣя Михайловича, размѣры взысканій были неодинаковы, различной величины, смотря по важности общественнаго положенія обидимаго. Въ общемъ они были невелики, и къ тому же нисколько не возвышали духовныхъ персонъ сравнительно съ другими членами общества. Преосвященный Ярославскій Аѳанасій подробно останавливается на денеж-

1) Сб. т. 43, стр. 428.

2) Сб. т. 43, стр. 432.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же.

5) Сб. т. 43, стр. 429.

6) Тамъ же.

ныхъ штрафахъ, налагаемыхъ Уложеніемъ, и поясняетъ, что они не въ состояніи были обуздать сильныхъ мірянъ и возвысить духовное званіе ¹⁾. 87 ст. Уложенія полагалось, — „городскихъ соборныхъ церквей протопопамъ, протодіаконамъ, попамъ и діаконамъ за безчестье править противъ ихъ денежныхъ окладовъ“; 88—„приходскихъ церквей, къ которымъ руги нѣтъ, попамъ и дьяконамъ—противъ городскихъ соборныхъ поповъ и дьяконовъ—въ полы“, и 89—„уѣзднымъ и безмѣстнымъ попамъ—по 5 рублевъ“ ²⁾. Первые двѣ статьи (87 и 88) ни въ какомъ случаѣ не могли сдерживать произвола прихожанъ-помѣщиковъ, потому что духовенство многихъ соборныхъ церквей никакого жалованья не получало, и естественно было въ ведоумѣніи, гдѣ и какого имъ можно было искать удовлетворенія. Слѣдовательно, законъ не достигалъ своей цѣли, и былъ не болѣе, какъ мертвая буква ³⁾. За безчестье уѣздныхъ и безмѣстныхъ священниковъ назначалось наказаніе очень ясное и опредѣленное,—въ размѣрѣ 5 рублей. Но оно было ужъ очень невелико и даже меньше, чѣмъ за безчестье „посадскихъ тяглыхъ лучшихъ людей“, за оскорбленіе которыхъ по 94 ст. X гл. Уложенія полагалось—по 7 руб.; среднихъ—по 6 руб. меньшей статьи—5 руб. и ямскихъ охотниковъ 5 рублей ⁴⁾. Преосвященный Афанасій справедливо указываетъ, что примѣненіе этихъ денежныхъ взысканій за безчестье уѣздныхъ и безмѣстныхъ священниковъ роняло престижъ послѣднихъ въ глазахъ „подлыхъ людей“; вліятельнымъ же прихожанамъ помѣщикамъ давало полную возможность безнаказанно оскорблять лицъ духовнаго званія, когда и какъ имъ вдумается, ибо уплатить денежный штрафъ въ размѣрѣ 5 руб. богатому человѣку ничего не стоило ⁵⁾. Обуздать помѣщика-прихожанина можно, по мнѣнію Преосвященнаго, только въ томъ случаѣ, если денежной штрафъ за обиды и увѣчья всѣхъ безъ различія духовныхъ особъ будетъ назначенъ такой же, какой взыскивается по Уложенію за оскорбленіе „другихъ луч-

¹⁾ Сб. т. 43, стр. 424—425.

²⁾ П. С. З. т. I, гл. X, стр. 25.

³⁾ Сб. т. 43, стр. 424—425. Пункты Афанасія, п. 8.

⁴⁾ П. С. З. т. I, стр. 25.

⁵⁾ Сб. т. 43, стр. 424.

шихъ людей“¹⁾, или „другой, кромѣ денежнаго взыскапія, наиболѣе чувствительнѣйшій штрафъ, каковой по указу Ея Императорскаго Величества повелѣно будетъ“²⁾. На увеличеніи денежныхъ штрафовъ, какъ лучшаго средства сдержать произволь прихожанъ-помѣщиковъ, настаивалъ и преосвященный Переяславскій Сильвестръ³⁾.

Преосвященный же Бѣлоградскій Порфирій съ своей стороны рекомендовалъ еще мѣру, уже чисто церковнаго, каноническаго характера, которою можно было бы, по его мнѣнію, предохранить духовенство отъ различныхъ обидъ и оскорбленій. Указавъ, что священнику судиться „по свѣтской командѣ“, по извѣстнымъ уже намъ причинамъ, и неудобно и бесполезно, Порфирій, сославшись на каноны вселенской церкви, предложилъ „въ прекращеніе такого озорничества, ежели кто священника, діакона и церковно-причетниковъ напрасно обезчеститъ или обругаетъ всенародно поносительными словами, такового отлучить отъ входа церковнаго, и, пока онъ ихъ не удовольствуется и предъ церковію, и предъ собраніемъ народа, о прощеніи у нихъ не испроситъ, до входа церковнаго не допускать, и оное изысковать словесно, а не судомъ“⁴⁾, т. е., говоря другими словами, предлагалъ подвергнуть церковному отлученію всѣхъ „озорниковъ“. Проектъ Преосвященнаго Бѣлоградскаго нельзя не признать анахронизмомъ своего времени. И въ самомъ дѣлѣ. Церковное отлученіе могло имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если бы епитиміи и публичныя покаянія были еще въ силѣ. Между тѣмъ Церковь, въ силу требованій жизни, давно уже ихъ оставила, и вернуться къ нимъ было положительно невозможно, особенно же въ вѣкъ

1) За безчестіе лучшихъ людей, напр., бояръ, окольныхъ, стольниковъ и др. налагалось тяжелое тѣлесное наказаніе—битье кнутомъ и кромѣ того тюремное заключеніе на двѣ недѣли. П. С. З. т. I, гл. X, Уложеніе—ст. 91, 92 и 93.

2) Сб. т. 43, стр. 424—425.

3) Сб. т. 43, стр. 424—425.

4) Сб. т. 43, стр. 432—433. Порфирій ссылается на СХХІ гл. Номоканона „яко не достоинъ просту укорить священника или бить, или поношати, или вдеветати, или обличати въ лице, аще убо и истинна суть. Аще же постигаетъ сіе творити, да проклянется мірскій, да отиѣщется изъ церкви: разлученъ бо есть отъ святаго Троицы, и посланъ будетъ во іудино мѣсто, писано бо есть: князь людей твоихъ да не речеши зла; такожде и настоятеля безчествуя“.

Екатерины, когда все церковное подвергалось самой беспощадной критикѣ и отрицанію со стороны образованнаго русскаго общества. Во всякомъ случаѣ предложеніе Преосвященнаго Порфирія обречено было на полную безуспѣшность въ законодательной комиссіи.

Наряду съ ясно выраженными желаніями относительно мѣръ огражденія духовенства отъ безчестій мы встрѣчаемся и съ предложеніями неопредѣленными и туманными. Въ этихъ послѣднихъ высказывалось заявленіе, чтобы чины духовнаго сословія, и не только одни они, но даже ихъ жены и дѣти, были гарантированы и „отъ оскорбленій“, и „отъ боя и увѣчій“ законами, „чтобъ учинено было надлежащее законоположеніе“, но рѣшительно нѣтъ никакого указанія, въ чемъ должно состоять это „законоположеніе“, чѣмъ можно было сдержатъ сильныхъ и вліятельныхъ прихожанъ. Такая неопредѣленность находится въ синодскомъ наказѣ въ главѣ „о выгодахъ, принадлежащихъ священнослужителямъ“ 1).

Вопросъ о гарантіяхъ чести и личнаго достоинства лицъ духовнаго сословія, естественно, приводитъ къ другому, близко перваго касающагося,—къ вопросу о судѣ великорусскаго духовенства. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи существовали очень ясныя и опредѣленныя узаконенія, подробно разграничивавшія сферы вліянія и подсудности дѣлъ гражданскаго и церковнаго судовъ. Мы считаемъ излишнимъ говорить объ этомъ, тѣмъ болѣе, что и само духовенство не настаивало на какомъ-либо измѣненіи существовавшаго судопроизводства. Оно охотно подчинялось дѣйствующему законодательству, изъявляя полную готовность судиться у свѣтскихъ властей по всѣмъ „важнымъ и криминальнымъ (уголовнымъ) и казеннымъ дѣламъ“ 2). Но съ своей стороны пыталось убѣдить депутатовъ комиссіи внести въ законы о судѣ духовенства такія статьи, которыя могли бы предупредить злоупотребленія свѣтскихъ судей по отношенію къ духовнымъ лицамъ, попавшимъ на скамью подсудимыхъ. Въ судебной практикѣ нерѣдко бывали такіе случаи, что лицъ духовнаго сословія, обвиняемыхъ или даже только подозрѣвае-

1) Сб. т. 43, стр. 49, п. 4.

2) Сб. т. 43, стр. 48, 429 и 432.

мыхъ, въ совершеиіи какого-либо уголовнаго преступленія, „забирали“, безъ предварительнаго сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ и „до изслѣдованія о нихъ духовныхъ правительствъ“, подъ арестъ, въ тюрьму, и здѣсь не только „держали ихъ со злодѣями, но и къ истязаніямъ простирали по сыщиковымъ инструкціямъ“ ¹⁾. При этомъ, что особенно возмущало велико-русское духовенство, „истязуемые“ не были еще „лишены чиновъ своихъ“ ²⁾, такъ что тѣлесныя наказанія „претерпѣвалъ“ носитель божественной благодати, пастырь и учитель народа. Подобные поступки, по свидѣтельству преосвященнаго Сильвестра, приводили къ частымъ недоразумѣніямъ между духовными и свѣтскими властями, но послѣднія обыкновенно мало обращали вниманія на протестъ первыхъ и дѣлали свое дѣло ³⁾. Избѣжать взаимныхъ неудовольствій и въ то же время избавить подсудимыхъ изъ духовенства „отъ истязаній“, по мнѣнію преосвященнаго, можно только при одномъ условіи, чтобы предварительное разслѣдованіе представлено было „въ духовныя правительства“, гдѣ можно было ожидать большаго безпристрастія. Если слѣдствіе обнаруживало виновность члена клира въ какомъ-либо уголовномъ преступленіи, съ него снимали священныя санъ и отдавали въ „свѣтскія команды“, гдѣ можно было поступать съ преступникомъ со всей строгостью законовъ ⁴⁾. Преосвященный Сильвестръ не настаивалъ на безусловномъ освобожденіи духовныхъ лицъ отъ тѣлесныхъ наказаній вообще, но только говорилъ о томъ, чтобы священнослужители не были подвергнуты „истязаніямъ“ въ то время, когда они не были еще „лишены чиновъ своихъ“ ⁵⁾. Такая же просьба есть и въ синодскомъ наказѣ ⁶⁾ и въ пунктахъ преосвященнаго Порфирія ⁷⁾. Любопытно поэтому, почему представители духовнаго сословія обошли молчаніемъ вопросъ о совершенномъ освобожденіи духовныхъ лицъ отъ тѣлесныхъ наказаній, хотя бы послѣднія и налагались за какое либо преступленіе. Это молчаніе тѣмъ болѣе странно,

1) Сб. т. 43, стр. 429.

2) Тамъ же.

3) Сб. т. 43, стр. 429.

4) Тамъ же.

5) Сб. т. 43, стр. 429.

6) Сб. т. 43, стр. 48.

7) Сб. т. 43, стр. 432.

что въ царствованіе Екатерины II вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ духовенства неоднократно поднимался въ Св. Синодѣ, члены котораго старались, во что бы то ни стало, добиться отъ правительства уничтоженія „позорныхъ эзекуцій“. Такъ, въ 1766 г. Св. Синодомъ поданъ былъ Императрицѣ докладъ, въ которомъ высшій органъ церковнаго управленія, ходатайствуя о сокращеніи числа молебствій въ вѣкторіальныя дни и т. д., вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ и о смягченіи наказаній священноцерковнослужителей за опущеніе этихъ молебствій по какимъ-либо причинамъ. На докладѣ послѣдовала милостивая резолюція Императрицы Екатерины II ¹⁾, пользуясь чѣмъ Св. Синодъ въ слѣдующемъ 1767 г. издалъ указъ, запрещающій наказывать тѣлесно священниковъ и іеромонаховъ ²⁾. Въ 1777 г. указомъ Св. Синода освобождены были отъ тѣлесныхъ наказаній и дьяконы ³⁾. Освобожденные *de jure* отъ позорныхъ наказаній, священнослужители *de facto* не мало еще страдали отъ нихъ, такъ что въ царствованіе Императора Павла I-го, Св. Синодъ снова принужденъ былъ ходатайствовать объ отменѣ тѣлесныхъ наказаній, чего и достигъ благополучно, хотя и не надолго ⁴⁾. Можетъ быть, при общей грубости нравовъ, духовенства не рассчитывало на успѣхъ своего предложенія, почему и обошло молчаніемъ вопросъ о тѣлесномъ наказаніи членовъ клира.

Съ такимъ же непонятнымъ фактомъ молчанія мы встречаемся и при обсужденіи *имущественныхъ правъ* церкви и духовенства. Главнымъ источникомъ содержанія великорусскаго духовенства, высшаго и монастырскаго, служили, какъ извѣстно, церковныя вотчины, секуляризованныя правительствомъ Екатерины II въ 1764 г. Архіереи, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могли забыть объ отнятыхъ у нихъ имѣніяхъ, тѣмъ болѣе, что со времени секуляризаціи послѣднихъ прошло такъ не много времени, впрочемъ вполне уже достаточнаго для того, чтобы дать почувствовать все значеніе и силу совершившагося факта. При той свободѣ, какая предоставлена была депутатамъ законодательной комиссіи въ изъясненіи нуждъ и недостат-

1) П. С. З. т. 17, № 12618.

2) П. С. З. т. 18, № 12909.

3) П. С. З. т. 19, № 13609.

4) П. С. З. т. 24, № 17624.

ковъ своего положенія и состоянія, можно было ожидать, что вопросъ о секуляризованныхъ вотчинахъ такъ или иначе всплыветъ на поверхность и послужитъ предметомъ разсужденій членовъ комиссіи. Но этого не случилось. Даже въ наказахъ духовенства нѣтъ рѣшительно никакого намека на секуляризацію церковныхъ имѣній, а тѣмъ болѣе—реставрацію ихъ. Очевидно, великорусскимъ архіереямъ слишкомъ памятна была судьба защитника имущественныхъ правъ церкви—Арсенія Маціевича, и никто изъ нихъ, очевидно, не желалъ испытать одиночное тюремное заключеніе, въ которомъ томился злополучный протестантъ правительственныхъ стремленій Екатерины II. Боязнь сковала уста великорусскихъ архіереевъ, подписавшихъ синодскій наказъ и составившихъ дополнительные къ нему пункты, и въ послѣднихъ нѣтъ ни слова не только объ имущественныхъ правахъ епископовъ, но даже и монастырей великорусскихъ. Какъ будто во всей Великороссіи не было ни епископовъ, ни монастырей! Какъ будто послѣдніе предназначены были правительствомъ къ совершенному упраздненію, такъ что имъ и не нужны были никакія имущественныя права!!

Благоразумно умалчивая объ имущественномъ правѣ епархіальныхъ архіереевъ и монастырей, указы великорусскаго духовенства довольно подробно останавливаются на имущественныхъ правахъ *приходскаго духовенства*, предлагая комиссіи провести нѣсколько законодательныхъ мѣръ въ защиту его матеріальныхъ интересовъ. Средства къ содержанію великорусскаго приходскаго въ XVIII в. были различны. Однимъ изъ главныхъ источниковъ доходовъ сельскаго духовенства служили земли—пахотная и сѣнокосная, которою надѣлены были приходскія церкви послѣ секуляризаціи церковныхъ имѣній. Правила, по которымъ церкви приходскія надѣлялись землей, изложены въ т. н. „Межевой инструкціи“, имѣющей силу даже до настоящаго времени ¹⁾. Нормою признаны были 30 десятинъ пахотной земли и 3—сѣнокосной, что, по мнѣнію правительства, было вполне достаточно для

¹⁾ П. С. З. т. XVII, № 12570.

обеспеченія сельскихъ причтовъ. Земли, которыя должны были отойти къ сельскимъ церквамъ, получались съ двухъ сторонъ, или изъ прежнихъ церковныхъ дачъ, отобранныхъ правительствомъ, или изъ вотчинъ помѣщиковъ, владѣльцы которыхъ (вотчинъ) принадлежали къ извѣстной церкви, какъ ея прихожане. Последнее обстоятельство и служило причиною многихъ недоразумѣній между сельскимъ причтомъ и помѣщиками. Не говоря уже о томъ, что помѣщики старались отводить причту самыя худшія и непригодныя для обработки земли ¹⁾, многіе безцеремонно захватывали потомъ церковныя земли, обращая ихъ въ свою собственность, и селили на нихъ своихъ крѣпостныхъ. Жалуются на подобныя злоупотребленія преосвященные Гавріиль ²⁾ и Порфирій ³⁾, особенно послѣдній, подробно описывая всѣ „безобразія“ крѣпостниковъ—помѣщиковъ. Бывали случаи, когда злоупотребляли не только своевольные помѣщики, но и „чиновники казеннаго вѣдомства“. Последніе мало того, что не вездѣ спѣшили надѣлать сельскія церкви землей, не смотря на ясно опредѣленное узаконеніе правительства Екатерины II ⁴⁾, но даже позволили себѣ „подъ церковь жалованныя и данныя отъ прихожанъ земли“ отбирать „въ казенное вѣдомство“, что приносило немалый ущербъ сельскимъ причтамъ, „ибо причетники безъ земли содержать себя съ женами и дѣтьми не могутъ“ ⁵⁾. Духовенство и просить законодательную комиссію выработать карательныя мѣры, могуція сдерживать произвольное своевольныхъ прихожанъ—помѣщиковъ, предварительно отобравъ отъ нихъ насильно отнятыя церковныя земли. Относительно средствъ защиты оба іерарха, по существу, согласны между собою, предлагая *установить штрафы* на любителей чужой собственности, съ тою только разницею, что у Гавріида не опредѣляется, въ чемъ должны состоять штрафы и какъ они должны быть велики ⁶⁾; преосвященный же Порфирій высказывается болѣе ясно и опредѣленно. По его мнѣнію, штрафы должны быть *не денежные*, легко и безъ ущерба уплачиваемые винов-

1) П. С. З. т. XVIII, № 12925.

2) Сб. т. 43, стр. 418.

3) Сб. т. 43, стр. 431.

4) Сб. т. 43, стр. 431.

5) Тамъ же.

6) Сб. т. стр. 43, 418, п. 11—12.

ными, а *натурою*, что болѣе „отяготительно“ для помѣщиковъ—грабителей. Дѣло въ томъ, что, захватывая церковныя земли, помѣщики обыкновенно селили на нихъ своихъ крѣпостныхъ, „построя свои дворы“ и др. строенія, такъ что новопріобрѣтенный участокъ земли превращался въ „жилое селеніе“ со всѣми необходимыми для сельскаго хозяйства постройками и принадлежностями. Понятно, что „обзаведеніе хозяйствомъ“ стоило владѣльцу и трудовъ и значительныхъ денегъ. Преосвященный Порфирій и предлагаетъ комиссіи узаконить, чтобы захваченныя у церкви земли возвращаемы были причтамъ „съ состоящимъ на церковной землѣ всякимъ строеніемъ, что окажется вмѣсто владѣннаго,“ кромѣ живущихъ на оной землѣ поселенныхъ крестьянъ, которыхъ помѣщикамъ вывести однихъ, безъ строенія, въ самой скорости“ ¹⁾.

Признавая необходимымъ владѣніе землею, безъ которой „изъ доходовъ однихъ, по указу опредѣленныхъ, священникъ и причетникъ содержаться съ женами и дѣтьми не могутъ“ ²⁾, великорусское духовенство однако тяготилось землепашествомъ и др. сельскими работами, находя ихъ неудобными для себя. Занятіе земледѣліемъ не нравилось духовнымъ лицамъ по многимъ причинамъ. Прежде всего оно отвлекало священнослужителей отъ ихъ прямыхъ обязанностей, соединенныхъ съ званіемъ пастыря церкви. „Бѣлое священство въ уѣздахъ пропитаніе получаютъ по большей части отъ земель, почему необходимо и упражняются въ земледѣльствѣ: пахутъ пашню, сами ходятъ за сохою, сами косятъ сѣно, сами навозъ вывозятъ на пашни и прочія крестьянскія исправляютъ работы сами; будучи обременены такими попеченіями, не могутъ они не только въ чтеніи священнаго писанія и въ обученіи народа упражняться, но и большую часть года отвлекаются отъ должнаго Божіей службы; и часто самыхъ требъ, исправленія“ ³⁾. Понятно, что подобныя неблагопріятныя условія не могли не отражаться невыгодно на интеллектуально-моральномъ образѣ приходскаго священника. Здѣсь, по свидѣтельству преосвященнаго Аѳанасія, вполне оправдывалась русская

¹⁾ Сб. т. 43, стр. 431, п. 2.

²⁾ Сб. стр. 421, п. 1 сравн. 433, п. 9 и 49, п. 2.

³⁾ Тамъ же.

пословица: „съ кѣмъ поведешься, того и наберешься“, „ибо оное бѣлое священство по земледѣльству принуждены обращеніе имѣть и обращаться всегда почти между крестьянствомъ, съ которымъ по большей части *навыкаютъ грубости нравовъ*, такъ что не тѣатся сами себя *вести въ добромъ порядкѣ и чистотѣ*“¹⁾. Самая внѣшность сельскаго священника много проигрывала, благодаря „постоянному обращенію его между крестьянствомъ“, „ибо въ земледѣльствѣ упражняющійся священникъ какъ ни въ чемъ отъ рядового крестьянина по наружности не разнится, такъ ни осанки по чину своему не имѣетъ“²⁾, отъ чего, между прочимъ, и „непочтеніе къ нему отъ свѣтскихъ“³⁾. Непосильныя земледѣльческія работы побуждали также сельскаго священника заискивать у своихъ прихожанъ, что, несомнѣнно, вело за собою далеко не желательныя послѣдствія. Сознавая свою силу, одни изъ прихожанъ „закосячиваютъ въ безстрашіи, не имѣя совѣстей своихъ побудителя, другіе смѣлство берутъ раскольничать отъ принужденнаго бѣдностію священническаго молчанія“⁴⁾. Наконецъ, перспектива трудовой жизни, какою неизбѣжно становилась жизнь почти cadaго сельскаго священника, заставляла многихъ кандидатовъ священства, особенно „ученыхъ“—кончавшихъ духовныя семинаріи, „отклоняться“ отъ званія сельскаго пастыря и искать болѣе легкаго и лучше оплачиваемаго труда. Это и естественно, потому что образованные кандидаты священства „съ самаго малолѣтства до совершеннаго возраста продолжаютъ ученіе въ семинаріи, а къ земледѣльчеству ни искусства или способностей, ни силъ къ тому, по изнурительности чрезъ ученіе, не имѣютъ“⁵⁾, „да и привычки къ оному сдѣлать отнюдь не могутъ“⁶⁾. За неимѣніемъ „ученыхъ“ кандидатовъ священства приходилось ставить къ сельскимъ церквамъ т. н. „худогранныхъ“ и „подозрительныхъ“, которые, конечно, не въ состояніи были сколько-нибудь порядочно проходить священническое служеніе. Указанныя причины побуждали великорусское духовенство изыскивать средства къ

1) Тамъ же.

2) Сб. т. 43, стр. 428, п. 21..

3) Сб. т. 43, стр. 421, п. 1.

4) Сб. т. 42, стр. 428, п. 21.

5) Сб. т. 43, стр. 421, 428 срав. 49.

6) Сб. т. 43, стр. 421, п. 1.

устраненію неблагопріятныхъ для пастырской дѣятельности условій жизни сельскаго священства. Преосвященные Гавріиль и Порфірій пришли къ мысли о необходимости воздѣлыванія земли сельскаго духовенства прихожанами, что дало бы возможность послѣднему беспрепятственно исполнять свои прямыя, пастырскія обязанности. Различіе у нихъ только въ степени полноты и ясности самыхъ проѣктовъ. Преосвященный Гавріиль, горячо ратуя за освобожденіе сельскаго духовенства отъ всѣхъ земледѣльческихъ работъ, предлагаетъ принципиальное рѣшеніе вопроса, не заботясь о частностяхъ. Онъ проситъ комиссію узаконить, „чтобъ во всѣхъ селахъ и городкахъ, гдѣ церкви имѣются и при нихъ пахотная земля есть, оная пахана и съ сѣнокосомъ огороживана и съ нея все въ гумно убираемо было приходскими жителями, а священно—и церковно-служители упражнялись бы исправно только въ должностяхъ своихъ“¹⁾. Но какъ и на какихъ условіяхъ могло быть выполнено это предложеніе, у преосвященнаго Гавріила нѣтъ никакого разъясненія. Подробнѣе и яснѣе развиваетъ эту мысль преосвященный Порфірій. По его мнѣнію, необходимо обязать помѣщика или прихожанъ, если они „пожелаютъ въ деревняхъ своихъ строить вновь святыя церкви“, „опредѣлить священнику двухъ мужиковъ съ лошадьми, съ телѣгами и всею папешною сборуею, и двѣ бабы для исправленія домовыхъ и полевыхъ всякихъ работъ у него, а безъ того святыхъ церквей и не дозволить строить“²⁾. Мысль преосвященныхъ Гавріила и Порфірія была чужда двумъ другимъ великорусскимъ архіереямъ—Аѳанасію Ярославскому и Сильвестру Переяславскому. Не находя возможнымъ заставить прихожанъ, хотя бы и законодательнымъ путемъ, обрабатывать землю сельскихъ причтовъ, преосвященные предлагаютъ совершенно уничтожить этотъ источникъ содержанія приходскаго духовенства и замѣнить его „ругою“. По мнѣнію Аѳанасія, „опредѣлить на ругу“ должно всѣ приходскія церкви, „расположа оную съ числа приходскихъ дворовъ или душъ такъ, чтобы они т. е. (сельскій причтъ) неоскудное могли имѣть пропитаніе“³⁾. При этомъ „руга“ должна быть „довольною и неоскудною“⁴⁾.

¹⁾ Сб. т. 48, стр. 418.

²⁾ Сб. т. 48, стр. 433.

³⁾ Сб. т. 43, стр. 421.

⁴⁾ Сб. т. 43, стр. 427.

Кромѣ доходовъ отъ земледѣлія и руги, однимъ изъ главныхъ источниковъ содержанія приходскаго духовенства въ XVIII в. была плата за совершаемыя имъ требы. Вознагражденіе за требоисправленіе не было строго опредѣленнымъ,—каждый причтъ могъ по своему произволу устанавливать извѣстную своеобразную таксу, что вело къ большимъ злоупотребленіямъ, развивая въ то же время самое низкое попрошайничество во всѣхъ его неприглядныхъ видахъ и формахъ ¹⁾. Злоупотребленія платой за требы было слишкомъ обыкновеннымъ явленіемъ того времени, чтобы могло укрыться отъ начальства, въ лицѣ епархіальныхъ архіереевъ. Изыскивались средства къ искорененію этого печальнаго явленія русской церковно-общественной жизни. По мнѣнію преосвященнаго С.-Петербургскаго, уничтожить зло можно только при одномъ условіи,—это, „если положить съ cadaго двора по чинамъ и жалованью обывателей *извѣстную годовую плату*, дабы священники за исправляемыя ими потребности духовныя платежи, развѣ самовольнаго подаявія, недомагалися“ ²⁾. Предложеніе преосвященнаго Гавріила нельзя не признать разумнымъ и далеко опередившимъ его время. Замѣна платы за требоисправленіе опредѣленнымъ годовымъ жалованьемъ и въ наше время составляетъ предметъ вождѣлнй приходскаго духовенства. Осуществленная на дѣлѣ, эта практическая мѣра могла бы, несомнѣнно, значительно повысить и самосознаніе приходскаго священника и поднять авторитетъ его въ глазахъ общества, что вѣроятно не замедлило бы отразиться благопріятно на его пастырской дѣятельности. Отстаивая свои личныя и имущественныя права, великорусское духовенство просило также комиссію освободить его отъ тѣхъ многочисленныхъ „повинностей“, которыя ему приходилось нести. Повинности эти были разнообразны. Прежде и, кажется, болѣе всего духовенство недовольно было тѣмъ, что дома его верѣдко служили „мѣстомъ постоевъ воинскихъ ко-

¹⁾ Правда, въ 1765 г. правительство въ первый разъ установило опредѣленную и общую таксу для оплачиванія требъ. Но эта правительственная мѣра мало помогла искорененію злоупотребленій въ требоисправленіяхъ: духовенство по прежнему находило возможность брать больше, чѣмъ полагалось таксой.

²⁾ Сб. т. 43, стр. 417, ч. Б.

мандтъ“. Это тѣмъ болѣе не нравилось ему, что, по закону, жилища духовныхъ лицъ освобождены были отъ такого рода повинности. Мы имѣемъ въ виду сенатскій указъ отъ 19 октября 1724 г., которымъ „дворы протопоповъ, поповъ и діаконъ дѣйствительно при церквахъ служащихъ“ запрещалось занимать постоемъ ¹⁾. Любопытно при этомъ, чѣмъ мотивировалось изданіе сенатскаго указа. Правительство нашло необходимымъ предоставить духовенству указанную льготу только потому, что „постояльцы“ могли „мѣшать должному отправленію правила къ священнослуженію“ ²⁾. Свободное отъ постоевъ de jure, приходское духовенство фактически несло эту непріятную повинность, п. ч. полиція, обязанная распредѣлять войска по квартирамъ, не обращала вниманія на правительственное распоряженіе и по прежнему ставила солдатъ въ дома священнослужителей. Жалобы на злоупотребленія и незаконныя дѣйствія блюстителей общественнаго порядка столь многочисленны и краснорѣчивы, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ ихъ дѣйствительности ³⁾. И сама полиція откровенно заявляла комиссіи свое неудовольствіе по поводу известнаго намъ сенатскаго указа, предлагая вовсе отменить льготное для духовенства правительственное распоряженіе ⁴⁾. Впрочемъ, ею допускалось небольшое исключеніе для нѣкоторыхъ священнослужительскихъ домовъ: полиція великодушно рекомендовала комиссіи „отъ постоя“ уволить священниковъ и діаконъ, если оны не больше двухъ покоевъ имѣютъ въ домахъ своихъ, а ежели больше, то на излишніе покои ставить“ ⁵⁾. Духовенство, прося освободить священнослужительскіе дома отъ постоевъ, въ основаніе своего ходатайства приводило тѣ же самыя мотивы, что и сенатскій указъ, т. е. то же „помѣшательство за постоемъ приготовленію себя къ священнослуженію“ ⁶⁾, съ добавленіемъ впрочемъ, что

¹⁾ П. С. З. т. VII № 4579. Этому указу предшествовалъ сенатскій же указъ отъ 25 сентября 1724 г., по которому освобождались отъ постоя дома священниковъ только въ одномъ Петербургѣ № 4571. ²⁾ Тамъ же.

³⁾ Сб. т. 43, стр. 49, п. 1; стр. 417, п. 1 и 87; стр. 432, п. 5.

⁴⁾ Сб. стр. 321. Наказъ отъ полиціи, п. 160.

⁵⁾ Сб. т. 43, стр. 321. Наказъ отъ полиціи, п. 160.

⁶⁾ Сб. т. 43, стр. 432, п. 5.

„бываетъ еще разореніе священнослужителямъ отъ постоевъ“¹⁾. Кромѣ постоевъ, приходское духовенство тяготилось и другими общественными повинностями. Городское—было педовольно тѣмъ, что его заставляли мостить и чистить улицы около его домовъ и исполнять нѣкоторыя полицейскія службы²⁾; сельское,—что его „принуждаютъ по проѣзжимъ дорогамъ противъ церквей и (даже) пустыхъ церковныхъ мѣстъ, а особливо противъ дворовъ ихъ, къ помощенію мостовъ и гатей“³⁾. Несеніе этихъ общественныхъ „повинностей“ было „разорительно“ для духовенства „въ разсужденіи его недостатка и малаго жалованья“⁴⁾, особенно для сельскаго, тѣмъ болѣе, что во многихъ мѣстахъ замѣчался большой недостатокъ въ лѣсномъ строительномъ матеріалѣ, „гдѣ и дрова дорогою покупаются цѣною“⁵⁾. Не даромъ же смоленское духовенство, уже во время самыхъ засѣданій комиссіи, просило преосвященнаго Гавріила, чрезъ своего епархіальнаго архіерея, провести въ законодательномъ собраніи мѣру, сдерживающую ревность полиціи, которая и „писменными чрезъ консисторію и словесными приказами“ заставляла духовенство мостить около ихъ домовъ улицы и переулки, „что исполнить ово не въ состояніи по причинѣ скудости⁶⁾ доходовъ, дороговизны припасовъ“ и т. д., „ослушники же забирались подъ караулъ“⁶⁾. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта со стороны комиссіи, духовенствомъ предложенъ былъ своего рода компромиссъ: оно просило дозволить ему заимствовать извѣстныя денежныя субсидіи „изъ церковныхъ доходовъ“, „а гдѣ оныхъ нѣтъ“, выполнить общественныя обязанности „коштомъ всѣхъ принадлежащихъ къ церкви прихожанъ“⁷⁾.

Наконецъ, приходское духовенство указываетъ комиссіи еще на одну повинность, особенно тяжелую для него. Это—подати съ банъ духовныхъ лицъ, которыя (подати) „взимались безъ упущенія“. Можно думать, что великорусское духовен-

1) Тамъ же.

2) Тамъ же, стр. 49, п. 1; стр. 417, п. 1; стр. 424, п. 7.

3) Сб. т. 48, стр. 424, п. 7.

4) Сб. т. 48, стр. 49, п. 1.

6) Рукопись № 415, л. 156.

5) Сб. т. 48, стр. 424, п. 7.

7) Сборн. т. 48, стр. 49, п. 1.

ство сильно тяготилось этой пошлиною. Иначе нельзя объяснить происхожденія извѣстнаго уже намъ прошенія, поданнаго преосвященному Гавріилу съ своеобразною характерною надписью: „голосъ отъ всего бѣлаго священства“¹⁾. Прошеніе — безъ подписей, анонимное, и безъ обозначенія времени его подачи. Однако можно положительно утверждать, что оно выражаетъ дѣйствительныя нужды духовнаго сословія, п. ч. тѣ же самыя жалобы, которыя слышатся „въ голосѣ всего бѣлаго священства“, указываются и преосвященнымъ Аѳанасіемъ въ дополнительныхъ къ синодскому наказу пунктахъ²⁾, и смоленскимъ духовенствомъ въ прошеніи своему епархіальному архіерею—преосвященному Парфенію³⁾. „Бѣлое священство“ начинаетъ свой „голосъ“ пріятными воспоминаніями о старомъ добромъ времени, когда „по узаконеніямъ государственнымъ въ Россіи, какъ и въ прочихъ христіанскихъ государствахъ, бѣлое священство, яко посвященное наслѣдству Богу и никакихъ промысловъ не имѣющее, *отъ всякихъ податей было уволено*“, и съ прискорбіемъ указываетъ на указы Преобразователя Россіи отъ 1705⁴⁾ и 1724 г.г.⁵⁾, которыми (указами) „повелѣно со всѣхъ домовыхъ бань съ тѣхъ людей, кои имѣютъ пожитку на 50 руб., сбирать въ кассу по 1 рублю, а кои имѣютъ меньше 50 руб., а они въ подушный окладъ не положены, съ тѣхъ по 15 коп. въ годъ“. Духовенство, жалуясь на тяжесть означенной пошлины, болѣе возмущалось злоупотребленіями, которыя допускались полиціею при „взыманіи банной подати“. Какъ видно изъ „голоса всего бѣлаго священства“, „всѣ состоящія у священниковъ бани, хотя бы тѣ священники на 50 руб. пожитку имѣли или нѣтъ, положены въ рублевый, а прочихъ церковно-служителей въ—пятнадцати копѣечный окладъ, который и взымается безъ упущенія“⁶⁾. Кромѣ того, полиція злоупотребляла еще и тѣмъ, что „взимала съ вновь назначенныхъ священниковъ платежи за бани ихъ предшественниковъ (неуплаченные) съ такою строгостію, что священниковъ, не желавшихъ платить долги своихъ пред-

1) Рукопись, л. 154.

2) Сб. т. 43, стр. 424, п. 7.

3) Рукопись № 415, л. 155.

4) П. С. З. т. IV, №№ 2011 и 2058.

5) П. С. З. т. VI, № 4616.

6) Рукопись № 415, л. 154.

шественниковъ, брали подъ караулъ и держали тамъ до тѣхъ поръ, пока не доимки не были уплачены“¹⁾). Неудивительно поэтому, что духовенство просить совершенно освободить его отъ „банной подати“. Просьба тѣмъ болѣе естественна, что „многіе изъ уѣздныхъ священниковъ едва себя содержатъ“, да и городское духовенство, даже соборное, по причинѣ скудости доходовъ и дороговизны продуктовъ, было тоже не совсѣмъ обеспеченнымъ и матеріально достаточнымъ²⁾).

Изъ представленнаго очерка можно видѣть, чего просило и домогалось отъ Екатерининской законодательной комиссіи великорусское приходское духовенство, какъ извѣстная сословная группа. Нельзя не замѣтить, что всѣ усилія его направлены были къ тому, чтобы какъ нибудь и сколько нибудь „добиться“ отъ правительства улучшенія своей участи въ смыслѣ болѣе вѣрнаго и надежнаго матеріальнаго обеспечения, при которомъ возможно было бы болѣе сносное, чѣмъ прежде, его положеніе среди другихъ сословій. Всѣ предложенія его мотивировались болѣе или менѣе идеально: духовенство домогалось извѣстныхъ правъ главнымъ образомъ въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы при улучшенномъ положеніи имѣть возможность въ дѣйствительности выполнять тѣ высокія и великія обязанности, которыя необходимо соединены съ званіемъ приходскаго пастыря. По крайней мѣрѣ, эта тенденція замѣтна въ дополнительныхъ къ синодскому наказу пунктахъ, и особенно у пресвященнаго Гавріила. Послѣдній готовъ былъ, кажется, освободить приходскихъ священниковъ рѣшительно отъ всѣхъ матеріальныхъ заботъ, лишь бы они исправно и ревностно занимались обученіемъ народа и путемъ школьнымъ, и проповѣдью церковной и вліяніемъ нравственной своей личности на пасомыхъ³⁾). Нельзя также не видѣть, что основныя предложенія великорусскаго приходскаго духовенства отличались и большою странностію. Рѣшительно протестуя противъ нѣкоторыхъ злоупотребленій административныхъ лицъ и помѣщиковъ—прихожанъ, наносившихъ ущербъ его личнымъ и матеріальнымъ интересамъ, духовенство въ другихъ своихъ заявленіяхъ воз-

1) Рукопись л. 155.

2) Тамъ же.

3) Сб. т. 43, стр. 417—420.

вышло голосъ вообще очень робко, предоставляя самой комиссіи, по усмотрѣнію ея членовъ, выработать то или иное положеніе, благопріятное для духовнаго сословія ¹⁾. И по самому содержанію предложенія великорусскаго духовенства очень странны. Далѣе подтвержденія прежнихъ законовъ, такъ или иначе благопріятныхъ для него, представители духовнаго сословія *почти не шли*: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отстаивались личныя и имущественныя права, духовенство почти всегда приводило въ основаніе своихъ заявленій тѣ или иные указы, благопріятные для него, но не выполнявшіеся въ дѣйствительности. О новыхъ какихъ-либо сословныхъ правахъ и привиллегіяхъ оно и думать не смѣло. Этому не благопріятствовали ни взгляды правительства, ни самый духъ либеральнаго Екатерининскаго времени. Свободный доступъ лицамъ всѣхъ сословій въ духовное званіе, защита личности духовныхъ персонъ отъ обидъ и оскорбленій вліятельныхъ и богатыхъ прихожанъ—помѣщиковъ при болѣе или менѣе „сносномъ“ матеріальномъ обезпеченіи,—вотъ, можно сказать, все, къ чему сводились *ria desideria* великорусскаго духовенства отъ законодательнаго собранія. Въ этомъ отношеніи оно составляло полную противоположность сословнымъ предложеніямъ малороссійскаго духовенства.

Викторъ Крыловъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Сб. т. 43 стр. 49—50.

Отецъ Серафимъ, іеромонахъ Саровской пустыни, пустынно-житель и затворникъ, его жизнь и подвиги.

„Русь святая, православная“,—говоримъ мы про свою родину. И не напрасно!

Православная Русь, свято хранившая и хранящая свою вѣру, воспитала многіе сонмы подвижниковъ вѣры и благочестія, истинныхъ послѣдователей ученія Христа, не мудрствовавшихъ лукаво, ради Христа претерпивавшихъ всѣ невзгоды и превратности міра и уносившихся душою въ небесную высь, откуда чаяли себѣ награды. „Ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитающееся и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ“, говоритъ о такихъ подвижникахъ вѣры и благочестія св. апостоль Павелъ (Евр. 11, 38). И теперь, несмотря на увеличивающуюся суету міра, не перестаютъ появляться у насъ эти дивныя столпы подвижничества, великіе люди духа.

Объ одномъ изъ такихъ дивныхъ подвижниковъ—о Серафимѣ, іеромонахѣ Саровской пустыни, пустынножителѣ и затворникѣ и будетъ нашъ краткій и быскуственный рассказъ. О. Серафимъ почилъ въ 1-й половинѣ XIX столѣтія и какъ при жизни творилъ чудеса, такъ и по смерти не забываетъ грѣшнаго міра. Чудеса, творимыя имъ „по кончинѣ“, неисчислимы и обратили вниманіе вышей духовной власти Св. Синода, а Вѣнценосный Монархъ, Государь Императоръ, въ 1902 году далъ повелѣніе о скорѣйшемъ окончаніи начатаго въ Св. Синодѣ дѣла о прославленіи благоговѣйнаго старца Серафима Саровской пустыни іеромонаха. Тѣло праведнаго старца было освидѣтельствовано и найдено нетлѣннымъ и Св. Синодъ 29 января 1903 г. въ своемъ „дѣяніи“ обнародовалъ

слѣдующее свое рѣшеніе: 1) „благоговѣйнаго старца Серафима, почивающаго въ Саровской пустыни, признать въ ликѣ святыхъ, благодатію Божіею прославленныхъ, а всечестныя останки его—святыми мощами и положить оныя въ особоуготованную усердіемъ Его Императорскаго Величества гробницу для поклоненія и чествованія отъ притекающихъ къ нему съ молитвою; 2) службу преподобному отцу Серафиму составить особую, а до времени составленія таковой, послѣ дня прославленія памяти его, отправлять ему службу общую преподобнымъ, память же его праздновать какъ въ день преставленія его, 2 января, такъ и въ день открытія святыхъ его мощей, и 3) объявить о семъ во всенародное извѣстіе отъ Святѣйшаго Синода“.

Газета „Свѣтъ“, печатаемая въ № 33 за 1903 г. „дѣяніе Св. Синода 29 янв. 1903 года“, въ предисловіи къ нему говоритъ: „Желаніе православныхъ христіанъ, чтившихъ въ теченіе долгихъ лѣтъ чистую память саровскаго старца о. Серафима, исполнено“.

„Мощи старца осмотрѣны митрополитомъ Московскимъ, высокопреосвященнымъ Владиміромъ въ соупутствіи другихъ духовныхъ лицъ. Чудеса, исходившія на вѣрующихъ, искавшихъ предстательства старца Серафима, провѣрены и удостоенны“.

„Старецъ признанъ въ ликѣ святыхъ Господнихъ, и 19 іюля сего года послѣдуетъ торжественное открытіе мощей преподобнаго отца Серафима, Саровекаго чудотворца“.

Что скажутъ теперь невѣрующіе и отступники отъ православной вѣры, идущіе вслѣдъ неприванныхъ учителей, вверивъ и вкось толкующихъ ученіе Христово; чѣмъ объяснятъ они прославленіе и нетлѣніе мощей преп. Серафима; что скажутъ новое, въ оправданіе своего невѣрія?

По великой Божіей милости является у насъ еще новый молитвенникъ и предстатель за насъ у престола Божія. „Православный народъ въ глубинѣ своего сердца, говоритъ въ „дѣяніи Св. Синода“, чтитъ блаженнаго старца истиннымъ угодникомъ Божіимъ и вѣруетъ, что и по отшествіи своемъ изъ сего міра, онъ не оставляетъ своимъ предстательствомъ предъ Господомъ всѣхъ притекающихъ къ нему“. Его имя,

какъ при жизни, такъ и по смерти наполнило всѣ концы святой Руси и на вѣки запечатлѣлось въ устахъ и сердцахъ благочестиваго православнаго русскаго народа.

Г л а в а I.

Саровская пустынь и ея подвижники.

„Много монастырей поставлено отъ князей, отъ бояръ и отъ богатства великаго, но не таковы они какъ поставленные слезами, пощениемъ, молитвою и бдѣниемъ.“
(Слова преп. Нестора Лѣтописца въ житіи пр. Антонія Печерскаго).

Среди вѣкового тѣнистаго лѣса, верхушками своихъ деревьевъ возносящагося въ небесную высь, стоитъ тихая иноческая обитель. Стоитъ она вдалекѣ отъ мірской суеты въ пустынномъ безмолвіи густаго лѣса. Обитель эта—общезительная Саровская пустынь. Находится она въ Тамбовской епархіи въ Темниковскомъ уѣздѣ, на границахъ Тамбовской и Владимірской губерній, на разстояніи отъ г. Москвы въ 400, а отъ Нижняго Новгорода въ 170 верстахъ.

Расположилась обитель на горѣ между двумя рѣками Саровкою и Сатисомъ. Мѣстность эта въ отдаленныя времена была населена мордвою—народомъ финскаго племени. И доселѣ сохранились тамъ курганы—мордовскія могилы, а также и слѣды ихъ сооруженій, въ видѣ напр. ямъ и другихъ углубленій въ почвѣ. Мордва до татарскаго нашествія платила дань Рязанскимъ и Владимірскимъ великимъ князьямъ.

Въ 1298 году татары подъ предводительствомъ князя Бехмета покорили мордву и надо полагать тогда же, на горѣ, гдѣ теперь находится обитель, между рѣками Саровомъ и Сатисомъ, они основали свой городъ Сараклычъ. Сараклычъ назывался царственнѣйшимъ городомъ, занималъ довольно большое пространство и со всѣхъ четырехъ сторонъ былъ сильно укрѣпленъ. Вѣроятно здѣсь часто происходили битвы татаръ съ окрестнымъ населеніемъ, такъ какъ тамъ находимы были, въ землѣ, скелеты и предметы воинскаго вооруженія: копья, стрѣлы, сабли и пр.

Послѣ знаменитой Куликовской битвы татары, просидѣвшіе въ Сараклычѣ 90 лѣтъ, принуждены были уйти оттуда, тѣснимые окрестными жителями, которые не считали ихъ уже непобѣдимыми, съ того времени, какъ Мамай съ своими пол-

чищами позорно бѣжалъ съ Куликова поля. Ушли татары за рѣку Мокшу и разсѣялись по тамошнимъ селеніямъ.

Сараклычъ опустѣлъ. Мѣсто, гдѣ стоялъ онъ, заросло густымъ лѣсомъ, который заселили обыкновенные жители лѣсовъ—дикіе звѣри. Окрестные жители назвали опустѣвшее мѣсто: „Старое Городище“. Три столѣтія оно было необитаемо.

Исторія Саровской пустыни вотъ что говоритъ о мѣстѣ, гдѣ стоялъ Сараклычъ: „Лѣсъ великій, и древа, дубы и сосны, и прочія поросли, и въ томъ лѣсу живуще многіе звѣрие—медвѣди, рысь, лоси, лисицы, куницы; а по рѣчкамъ Сатису и Сарову—бобры и выдры. И мѣсто то незнаемо бысть отъ челоуѣкъ, кромѣ бортниковъ—мордвы“. Такова была та мѣстность до основанія Саровской пустыни.

Основаніе Саровской пустыни положено было въ самомъ началѣ XVIII столѣтія въ 1700 году, іеромонахомъ Исаакіемъ въ схимѣ Іоанномъ. Къ обители этой вполнѣ приложимы вышеприведенныя слова лѣтописца Нестора. Она дѣйствительно поставлена слезами, постомъ, молитвою и бдѣніемъ и стяжала бдльшую славу, чѣмъ монастыри, поставленные отъ богатства. Мѣсто, на которомъ она стоитъ, еще прежде возникновенія на немъ обители, было возлюблено Богомъ и о будущей славѣ его предвѣщали дивныя небесныя знаменія.

Первыми поселенцами того мѣста въ послѣдней половинѣ XVII вѣка были иноки Θεодосій, Герасимъ и Илларионъ, одинъ послѣ другого подвизавшіеся здѣсь. Имъ открыто было Богомъ посредствомъ чудныхъ и видѣній о великой будущности мѣста ихъ подвиговъ. Каждый изъ нихъ недолго жилъ здѣсь, но уходя въ другія мѣста, по опредѣленію Промысла Божія, они прорекали о будущей славѣ оставляемаго мѣста.

Въ 1664 году пришелъ на старое Городище Пензенскій инокъ Θεодосій. Поставивъ келью на валу бывшаго города, онъ сталъ подвизаться здѣсь. Ему первому было открыто Господомъ объ имѣющей быть славѣ мѣста его подвиговъ. Часто по ночамъ онъ видѣлъ отверстое небо и оттуда сходилъ необычайный свѣтъ, озарявшій всю гору. Иногда на гору сходилъ съ неба огненный лучъ и слышался трезвонъ многихъ колоколовъ. Объ этихъ чудныхъ видѣніяхъ Θεодосій расска-

зываетъ жителямъ ближняго села Кременка, къ которымъ онъ часто ходилъ проповѣдывать Слово Божіе.

Стараніями доблестнаго подвижника Исаакія была построена первая деревянная церковь въ густой чащѣ дремучаго бора и 16 іюня того же 1706 года освящена во имя Пресвятой Богородицы Живоноснаго Ея Источника.

Промыслъ Божій помогаль въ устройствѣ первой церкви и во время постройки ея чудными явленіями указывалъ на будущую славу сооружающейся обители. 16 мая уже были готовы стѣны, 17-го поставленъ на кровлѣ церкви крестъ. И вотъ въ полдень 17 числа раздался съ колокольни необычайно громкій колокольный трезвонъ; между тѣмъ на колокольнѣ не было ни одного колокола. Утро 17 мая было пасмурное; передъ полуднемъ небо прояснилось и когда мастеровые, докончивъ отдѣлку главы, стали работать внутри церкви, внезапно озарилъ постройку необычайный свѣтъ и послышался трезвонъ множества колоколовъ, продолжавшійся около часу времени.

Ко дню освященія церкви 16 іюня собралось нѣсколько тысячъ богомольцевъ. Любители благолѣпія храмовъ Божіихъ снабдили новоустроенную церковь, въ достаточномъ количествѣ, необходимою церковною утварью и колоколами. Благотворители принесли даже пищу для столь многочисленнаго народнаго собранія. Стараніемъ боголюбцевъ церковь украшена была благолѣпно и во вновь учержденную обитель стали приходить любители иноческой жизни. „И собрашася, говоритъ древняя рукописная исторія Саровской пустыни, тамо жити монахи, пользы ради души своея, постпическаго житія въ прославленіе имени Божія чиновнымъ Церкви Господней установленнымъ пѣніемъ“.

„Вся бо восхотѣша тамо пребывати, говоритъ далѣе исторія объ уставѣ обители и благоискусно монашествовати: угождати же Всевышнему Богу потщашася различными образы: въ чистотѣ душѣ и тѣлесѣ своихъ пребываху, целомудренное избраша житіе, горящее духомъ, Господеви во еже имѣти непрестанную молитву, постъ нелицемѣрный, въ нищетѣ благодушіе, во всемъ благоразсудное воздержаніе и царицу добродѣтелей разсужденіе, тоже въ заповѣдяхъ Господнихъ, въ церковномъ благочестивомъ преданіи и ученіи истинамъ Церкви,

и въ послушаніи ея быти, безъ всякаго смышленія своего и возсылати благодареніе Господу Богу день и ночь; отлучающіяся же святія Церкви, единыя православныя и единого ея мудрованія и чиновнаго всѣхъ тайнъ установленія, развратники вся отвергати. И тако уставивша житіе общее и положиша себѣ въ уставъ, да во всю 1-ю седмицу Св. Вел. Поста исправляется непрестанно пѣніе во дни и нощи по чину обители неусыпающихъ, якоже писано въ житіяхъ св. отецъ: *Оеодора Студита и Маркела изъ обители неусыпающихъ*“. Это и донынѣ свято соблюдается въ Саровской обители, причемъ съ 1-й нед. Вел. поста и до Великой субботы, женщинамъ возбраненъ входъ въ монастырь.

Высокопреосвященный Стефанъ Яворскій остался весьма доволенъ уставомъ обители и прислалъ ей благословенную грамоту и посланіе въ стихахъ весьма назидательное по духу и изложенію. Вотъ его содержаніе:

„Божією милостію смиренный Стефанъ митрополитъ Рязанскій и Муромскій, Саровской пустыни настоятелю и еже о Христвъ съ братією“.

Братіе, блюдитесь, черну нося ризу
 Имѣйте смиреніе, око держа низу,
 Убѣгайте гордыни, тщеславія злаго,
 Еже погубляетъ всѣмъ небесно благо.
 Зависть, славолубіе и гнѣвъ отлагайте;
 Постомъ и молитвою оныхъ прогоняйте;
 Лицемерства, лѣности лишитесь тщитесь;
 Но смиренно постися въ; молитвахъ трудитесь;
 Едины и общее всѣмъ вамъ да будетъ;
 Не сумнятесь, понеже Богъ васъ не забудеть.
 Высшій братъ надъ низшимъ не высокоумствуй,
 Но всегда себѣ равна быти умствуй.
 Сиде образъ показа и Христось Собою,
 Аще, рекъ, кто въ васъ вѣщій, да будетъ слугою
 Сего ради благость, миръ въ васъ да пребываетъ;
 Кротость, воздержаніе въ васъ да подноряетъ.
 Имѣйте же наипаче любовь между собою
 Истину, а не лестну, съ совѣстью благою;
 Сид бо васъ представитъ небесному трону,
 И дастъ некончаемой радости корону.

Во окончаніи же сего моего завѣщанія миръ и благословеніе вамъ оставляю“.

На новоустроенную Саровскую обитель обратила вниманіе

императрица Анна Иоанновна и указомъ отъ 25 октября 1730 года навсегда утвердила во владѣннн обителью земли, сѣнокосы, рыбныя ловли и др. угодья. По полученнн указа, въ обители положили, ежегодно, съ тѣхъ поръ, совершать 25 октября, всеобщее бдѣнне и благодарственное молебствне, что и нынѣ совершается.

Устроивъ обитель, 80-лѣтнн стар. Иоаннъ принялъ схиму и сталъ готовиться къ близкому исходу. Но промыслъ Божнй пустилъ старцу подвергнуться напасти. Одинъ изъ придворныхъ Анны Иоанновны поступилъ въ Саровскую обитель и принесъ съ собою копню манифеста императора Петра Великаго, по которому должна была наследовать дочь Петра Елисавета. Онъ проговорился о томъ нѣкоторымъ изъ братнн и въ числѣ ихъ сподвижнику Иоанна, старцу Ефрему. Узнавъ о манифестѣ, Иоаннъ вмѣстѣ съ Ефремомъ посовѣтовали послушнику не держать у себя этой бумаги. По своей преданности къ будущей императрицѣ послушникъ не хотѣлъ истребить документа и упросилъ скрыть его въ церкви подъ великою тайною. Однако тайна эта не укрылась отъ недоброжелателей Иоанна, которые не замедлили оклеветать его предъ императрицей.

Это было въ послѣднне годы царствованн Анны Иоанновны, когда было сильно развито подозрѣнне въ государственной измѣнѣ. Въ Саровъ прибыли чиновники тайной канцелярнн,—судилища политическихъ преступниковъ того времени; помышлявшнй о близкой кончинѣ иеросхимонахъ Иоаннъ былъ закованъ въ цѣпи вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Ефремомъ и неосторожнымъ послушникомъ. Послѣ недолгихъ сборовъ, узниковъ приготовились вести въ столицу. Узнавъ объ этомъ преемникъ Иоанна строитель Дорофей и вся братнн Саровская, едва упросили чиновниковъ позволить имъ проститься съ первоначальникомъ. Иеросхимонаха Иоанна и ученика его Ефрема вывели за ворота обители и поставили саженьяхъ въ 10 отъ ограды, при чемъ спереди и сзади стали солдаты. Братнн было велѣно выйти къ узникамъ, но не подходить къ нимъ близко и не говорить имъ ни слова. Плачь братнн и бряцанне кандаловъ узниковъ нарушало мертвую тишину. Сотворивъ три земные поклона предъ св. вратами обители, Иоаннъ бла-

гословилъ осиротѣвшую братію и поклонился ей трижды въ землю; братія отвѣтила ему земнымъ поклономъ и рыданіемъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, престарѣлый іеросхимонахъ Іоаннъ скончался 4 іюля 1737 г. и былъ погребенъ при церкви Преображенія Господня, что въ Котловской. Печальная участь постигла Ефрема. Его лишили священства и сослали въ Оренбургъ, гдѣ онъ 16 лѣтъ пробылъ пономаремъ при крѣпостной церкви. По Божіему Промыслу открылась невинность старца Ефрема и его съ честію возвратили въ 1754 г. въ Саровскую пустынь, возвративъ отнятый санъ священства, а въ 1758 г. его избрали въ настоятели пустыни. Онъ проводилъ строгую подвижническую жизнь, за что былъ любимъ и уважаемъ многими; святитель Тихонъ Задонскій былъ съ нимъ въ перепискѣ. И понынѣ въ Саровской пустыни хранится портретъ его съ слѣдующею научительною надписью:

Не Сиріяъ ты, но Русскій ты Ефремъ.
Саровской пустыни броя еси и шлемъ.

Воздвигнутая трудами первоначальника Іоанна, Саровская пустынь, по блаженномъ успеніи ея основателя, расцвѣла и пріобрѣла широкую извѣстность. Не имѣя святынь, кромѣ чудотворнаго образа Богоматери Живоносного Ея Источника, Саровъ сталъ цѣлю богомолій. Строгое исполненіе монастырскаго устава, умиленные, долгія службы церковныя и толковое пѣніе по чину Аѳонской горы—умиляющее сердце и возносящее душу въ горняя,—все это издавна привлекало и привлекаетъ, безчисленное число богомольцевъ и слава обители, упрочившаяся со дня основанія ея, не померкла и донинѣ.

„О сей пустыни по справедливости можно сказать словами ея описателя іеромонаха Авеля, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ это примѣрная пустынь“¹⁾.

О томъ, что пустынь Саровская и прежде пользовалась широкою извѣстностію, находимъ указаніе въ одной старинной рукописи, хранившейся въ бібліотекѣ графа М. Толстого. Вотъ, что читаемъ тамъ о Саровѣ: „Въ помянутомъ (Томниковскомъ)

¹⁾ Авторъ книги: „Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки, въ ней подвизавшіеся. Записки, собранныя Троицкой Сергіевой Лавры іеромонахомъ Авелемъ. Изданіе въ пользу Саровской пустыни съ приложеніемъ десяти портретовъ общаго вида Сар. пуст. и трехъ ея храмовъ. Москва 1853 года“.

уѣздѣ имѣется пустыня въ великихъ непроходимыхъ мѣстахъ, и именуемая Саровская, отдаленная весьма отъ селеній мирскихъ со всѣхъ сторонъ, имѣющая начальствующаго строителя.

„Обитель оная въ недавнихъ весьма годахъ составила при р. Саровѣ именуемой, на мѣстѣ, гдѣ въ прежнія лѣта имѣлся нѣкоторый Косимовскаго царства городъ, назыв. Сатисъ (Сараклычъ), и потомъ много лѣтъ бывшій въ упустѣніи. Пребывающіе въ той обители монахи и бѣльцы житіе имѣютъ воздержное и крѣпкое, пищу и одежду общую, и болѣе упражняются въ трудахъ, между ими самъ строитель первенство имѣетъ во всякомъ дѣлѣ. Чинъ монастырскій взятъ изъ Флорищевой пустыни, сущія въ Гороховскомъ уѣздѣ. Въ той Саровской пустыни вотчинъ никакихъ, кромѣ лѣсу на темной земли не имѣется, но довольствуются отъ подаянія Христолюбцевъ, которыя христіанцы премного туго снабдѣваютъ, не токмо свят. церкви потребными, но и братіи па пищу и одежду весьма не скудно“.

Обитель расположилась среди чудной природы. Ея окрестности дивны. Здѣсь природа щедро надѣлила своими дарами глухія дебри. Въ живописныхъ долинахъ, въ глубинѣ дремучаго лѣса, между деревьями и горами бьютъ самородные ключи, изъ которыхъ весело, журча по долинѣ, струятся ручейки. Очаровательно и отраднo журчатъ горные источники, и своимъ пріятнымъ журчаніемъ оглашаютъ безмолвную тишину пустыни.

Живописные берега р. Саровки, покрытые березою, дубомъ и липою, очаровываютъ посѣтителя и манятъ его къ себѣ, а овраги, поросшіе соснами, своимъ дикимъ видомъ наводятъ задумчивость, безъ словъ говорятъ о суетѣ міра и красѣ пустынной жизни.

Такъ дивно прекрасна мѣстность, въ которой расположена пустынь Саровская. Нѣтъ возможности описать внѣшнія красоты пустыни, вадо ихъ видѣть. Ей всего болѣе прилично названіе „русской Эиваиды“. И не только съ внѣшней стороны она красива, но и съ внутренней украшена подвигами добродѣтельныхъ мужей подвижниковъ вѣры и добродѣтели, драгоценныхъ камней „русской Эиваиды“. Настоятели Саровской пустыни („строители“) были по истинѣ достойнѣйшими руководителями Христова стада, имъ ввѣреннаго.

Преемники первоначальника Іоанна просіяли подвигами какъ звѣзды, освѣщая житейскій сумракъ суеты и руководя врученныхъ ихъ попеченію людей къ солнцу правды—Христу Богу. И изъ управляемаго ими сонма иноковъ вышло много великихъ подвижниковъ вѣры, благочестія и добродѣтели, своими подвигами сравнившихся съ древлепрославленными подвижниками. Рядъ этихъ подвижниковъ завершаетъ іеромонахъ Серафимъ, описаніе подвиговъ котораго и будетъ теперь служить главнымъ предметомъ нашего очерка ¹⁾).

Г л а в а II.

Происхожденіе и первые годы жизни подвижника Серафима до поступленія въ Саровскую обитель.

Великій избранникъ Божій, подвижникъ Саровской пустыни, іеромонахъ Серафимъ, пустынножитель и затворникъ, родился въ г. Курскѣ въ 1759 году, въ ночь съ 19 на 20 число іюля мѣсяца, и во св. крещеніи нареченъ былъ Прохоромъ. Родители его Исидоръ и Агафія по фамиліи Мошнины принадлежали къ купеческому сословію, были богаты и благочестивы. Исидоръ занимался въ качествѣ подрядчика постройкою каменныхъ домовъ и храмовъ Божіихъ: онъ имѣлъ собственные кирпичные заводы близъ г. Курска. Онъ и супруга его были богобоязненны, милосерды къ нищимъ и творили много добрыхъ дѣлъ. Благотворя нуждающимся, Агафія особенно любила устраивать судьбу бѣдныхъ дѣвушекъ сиротъ, выдавая ихъ замужъ и готовя имъ приданое, что требовало, разумѣется, не малыхъ заботъ.

У благочестивой четы Прохоръ не былъ единственнымъ сыномъ: у нихъ былъ еще старшій сынъ Алексѣй, потомство котораго существуетъ и теперь.

¹⁾ Вотъ имена ихъ, неизгладимыя на скрижаляхъ исторіи русскаго иночества: преемникъ Іоанна и сподвижникъ его іеромонахъ Дорофей въ схимѣ Дмитрій († 1747 г.), благочестивый союзникъ Іоанна, строитель Ефремъ († 1778 г.), благоговѣйный Пахомій, преемникъ Ефрема († 1794 г.), смиренный игумень Исаія († 1807 г.), правдивый игумень Нифонтъ († 1847 г.), ревностный игумень Исаія 2-й—вотъ достойные преемники дивнаго старца Іоанна. Изъ подвижниковъ благочестія просіили равноангельными подвигами: дивный Назарій, игумень великаго пустыннаго Балаама—древней свитыци далекаго суроваго Сѣвера, ревностные иноки: Пятыривъ и Іоакимъ, смиренный іеросхимонахъ Дорофей, Иларіонъ, іеродіаконъ Александръ, великій схимонахъ Маркъ.

Когда Прохору исполнилось три года, скончался добродѣтельный отецъ его, радѣвшій до самой кончины своей о созиданіи храмовъ Божіихъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Исидоръ взялся строить въ родномъ гор. Курскѣ великолѣпную церковь во имя преподобнаго Сергія Радонежскаго по плану знаменитаго архитектора Растрелли ¹⁾. Въ 1762 году окончена была нижняя церковь во имя преп. Сергія и въ тотъ же годъ Исидоръ скончался; умирая онъ завѣщалъ женѣ своей окончить постройку.

Благочестивая Агафія, по смерти мужа, всю себя посвятила воспитанію малютки Прохара, на которомъ еще въ раннемъ дѣтствѣ почилъ благодать Божія. Господь предназначилъ его съ дѣтства быть сосудомъ Своимъ избраннымъ.

Въ дѣтствѣ съ Прохоромъ случились два событія, ясно доказавшія, что Господь измлада возлюбилъ его и охранялъ на всѣхъ путяхъ его. Однажды, когда Прохору было семь лѣтъ, мать его Агафія, осматривая работы по сооруженію вышеупомянутой Сергіевской церкви, взяла его съ собой на верхъ строившейся тогда колокольни. Увлеченная осмотромъ работъ и отдавая приказанія рабочимъ, Агафія и не замѣтила, что Прохоръ отлучился отъ нея и нечаянно подошедши къ краю, оступился и упалъ съ высоты строящагося зданія на землю. Можно вообразить себѣ ужасъ матери, когда она увидѣла, что мальчика нѣтъ возлѣ нея! Она полагала, что мальчикъ, упавъ съ такой высоты, разбился и умеръ. Поспѣшно сошла она внизъ, но къ великому изумленію и радости увидѣла, что Прохоръ стоитъ на землѣ цѣлъ и невредимъ.

О, какъ горячо возблагодарила она Бога за его дивную милость, явленную на ея сынѣ и какъ истинно вѣрующая христіанка она не могла не видѣть въ этомъ событіи дѣйствія несповѣдимаго Промысла Божія!

Возрастая тѣломъ, Прохоръ укрѣплялся духовно подѣ руководствомъ добродѣтельной воспитательницы матери и, по достиженіи 10 лѣтняго возраста, поступилъ въ училище для обученія грамотѣ, гдѣ проявилъ необычайныя способности и прилежаніе въ ученіи. Но вотъ мальчика внезапно постигла тяжелая болѣзнь. Ученіе должно было прекратиться и родные

¹⁾ Церковь эта нынѣ соборъ.

не чаяли уже видѣть его здоровымъ. Въ это время вторично было явлено на немъ дѣйствіе Промысла Божія. Въ самую трудную пору болѣзни въ сонномъ видѣніи явилась ему Пречистая Матерь Божія и общала исцѣлить его. Пробудившись, Прохоръ рассказалъ видѣніе матери.

Обѣщаніе свое Царица Небесная скоро исполнила. Въ одинъ изъ крестныхъ ходовъ несли по улицамъ гор. Курска чудотворную икону Знаменія Богоматери въ Коренную. Крестный ходъ проходилъ по той улицѣ, гдѣ былъ домъ Мошниной. Внезапно пошелъ сильный дождь. Чтобы перейти на другую улицу, крестный ходъ для сокращенія пути и избѣжанія грязи направился черезъ дворъ Мошниной. Агафія, пользуясь этимъ случаемъ, вынесла больного изъ дома, приложила его къ чудотворной иконѣ и поднесла подъ нея осѣненіе. Послѣ этого выздоровленіе отрока пошло своимъ чередомъ, скоро онъ совсѣмъ выздоровѣлъ и вмѣстѣ съ матерью возблагодарилъ Небесную Исцѣлительницу, столь чудеснымъ образомъ пришедшую исцѣлить его. Такъ дивно исполнила обѣщаніе Свое Царица Небесная.

Послѣ этого ученіе мальчика пошло своимъ чередомъ. Выучившись грамотѣ, онъ принялся съ жаромъ читать душеспасительныя книги; по нимъ онъ учился благочестію, изъ нихъ почерпалъ уроки доброй христіанской жизни.

Старшій братъ Прохора Алексѣй занимался торговлею и имѣлъ большую лавку въ родномъ городѣ, въ которой торговалъ предметами необходимыми въ крестьянскомъ быту. Онъ хотѣлъ было и Прохора приучить къ торговлѣ, для чего взял его въ лавку въ помощь себѣ, но къ торговлѣ не лежала душа мальчика; онъ бросилъ это занятіе и углубился еще болѣе въ чтеніе духовно-нравственныхъ книгъ.

Въ Курскѣ въ то время жилъ какой то Христа ради юродивый, имя котораго забыто теперь. Сей подвижникъ Христовъ, уроженецъ гор. Курска, съ малыхъ лѣтъ посвятилъ себя на служеніе Богу, избравъ трудный подвигъ юродства. Онъ сдружился съ Прохоромъ и возбудилъ въ немъ любовь къ монашеству.

Благоговѣя предъ святостію иноческаго житія, Прохоръ вознамѣрился оставить міръ. Желая не себѣ только, но и дру-

гимъ спасенія, онъ старался склонить къ отреченію отъ міра и другихъ. Среди купеческаго сословія родного города онъ нашелъ сочувствующихъ своему благому намѣренію; пять молодыхъ людей безповоротно рѣшили отречься отъ суетнаго міра. Иванъ Ивановичъ Дружининъ, Иванъ Степановичъ Безходарный, Алексѣй Степановичъ Меленинъ и двое другихъ молодыхъ людей готовы были идти, по его указанію, въ монастырь.

И вотъ, когда Прохору исполнилось 17 лѣтъ, онъ рѣшился оставить мірскую суету. Желаніе работать Богу созрѣло въ Прохорѣ и онъ сталъ просить благословенія матери на иноческую жизнь.

Тяжело было матери разставаться съ любимымъ сыномъ, но избранный имъ путь былъ настолько высокъ, что препятствовать ему она не могла. Какъ вѣрующая богобоязненная христианка, она и сама пламенѣла любовью къ Богу. Потому могла ли она воспрепятствовать благому намѣренію сына? Но мысль о томъ, что онъ не будетъ присутствовать при ея послѣднихъ минутахъ и погребеніи, огорчала ее.

„Ты бы меня прежде похоронилъ, а потомъ и шелъ бы въ монастырь“,—говорила она любимому сыну.

Но любовь къ Богу была не одолима въ Прохорѣ. Замѣчая это, благочестивая Агафія не стала далѣе прекословить осуществленію намѣренія своего сына.

Слава о подвижнической жизни иноковъ Саровской пустыни дошла до Прохора. Въ пустынь этой подвизалось много курскихъ уроженцевъ и тогдашній настоятель ея Пахомій происходилъ изъ купеческаго сословія гор. Курска. Въ эту то пустынь и намѣрился отправиться Прохоръ. Но прежде всего ему хотѣлось поклониться чтимымъ Кіевскимъ святынямъ, побывать въ Лаврѣ Кіевопечерской и отыскать какого-либо старца подвижника, чтобы у него испросить совѣта и благословенія на предлежащій подвигъ. Тогда только онъ рѣшался работать Богу.

Будучи внимателенъ къ себѣ, благодаря полученному правильному воспитанію на началахъ вѣры, Прохоръ поступалъ во всемъ осмотрительно и такой важный шагъ въ жизни своей, какъ поступленіе въ иночество, онъ не рѣшался сдѣлать

самостоятельно, безъ совѣта опытнаго мудраго мужа, испытаннаго жизнiю инока.

Получивъ благословенiе матери, и выхлопотавъ увольненiе отъ купеческаго общества гор. Курска, Прохоръ со своими единомысленниками, вышеупомянутыми купцами, отправился въ Кiевъ. Четверо изъ нихъ удостоились впоследствии иноческаго чина и одинъ только Меленинъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, остался въ мiрѣ, такъ какъ по кончинѣ родителей его у него на попеченiи осталось пять младшихъ братьевъ и три сестры его.

Съ помощiю Божiею благополучно прибылъ Прохоръ со своими спутниками въ Кiевъ,—древнюю колыбель вѣры Христовой. Первымъ долгомъ они послѣшили поклониться Печерской святынѣ,—мощамъ преподобныхъ отецъ Печерскихъ. Отъ лаврскихъ монаховъ Прохоръ узналъ, что въ уединенной Китаевской пустынѣ, недалеко отъ Кiева, спасается прозорливый затворникъ схимонахъ Досифей, великiй подвижникъ того времени.

Великою радостью исполнилась душа Прохора и онъ съ своими спутниками полетѣлъ къ старцу. Переступивъ пороги его келли, онъ упалъ къ его ногамъ и, цѣлуя ихъ, испрашивалъ у него благословенiя на избранный имъ путь и совѣта на то, въ какой изъ монастырей поступить.

Блаженный Досифей, провидя благодать Божiю, почившую на Прохорѣ, благословилъ его на избранный имъ подвигъ; благословляя его спутниковъ, преподалъ имъ наставленiя и утвердилъ ихъ въ благомъ намѣренiи послѣдовать Прохору. Отпуская Прохора, послѣ долгой бесѣды съ нимъ, старецъ Досифей напутствовалъ его такими словами:

„Гряди чадо Божiе и пробуди въ Саровской обители; мѣсто сіе будетъ тебѣ во спасенiе; съ помощiю Божiею, тамъ окончишь ты и свое земное странствованiе. Св. Духъ, сокровище всѣхъ благихъ, управитъ живнъ твою во святынѣ. Въ Саровѣ и настоятель Пахомiй богоугодной жизни, послѣдователь преподобныхъ отецъ нашихъ Антонiя и Θεодосiя“.

Благоговѣйнымъ трепетомъ исполнилась душа Прохора. Простившись съ старцемъ и получивъ его благословенiе, онъ вышелъ съ спутниками изъ его келли съ просвѣтленною душею и желанiе оставить мiрскую суету овладѣло имъ еще сильнѣе.

Отговѣвшись и приложившись еще разъ къ мощамъ Кіево-Печерск. чудотв., Прохоръ оставилъ Кіевъ и возвратился въ Курскъ къ матери. Двое изъ его спутниковъ пошли тогда же въ указанную Досифеемъ Саровскую пустынь, а двое вернулись съ нимъ домой.

Въ домѣ матери Прохоръ пробылъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, готовясь въ далекій путь въ Саровскую пустынь. Насталъ часъ разставанья съ матерью. Тяжелы были эти минуты, но благочестивая мать не прекословила благому желанію сына. Сперва по русскому обычаю посидѣли, затѣмъ Прохоръ всталъ помолился на иконы и поклонился въ ноги матери. Мать благословила его большимъ мѣднымъ крестомъ и отпустила его, напутствовавъ наилучшими пожеланіями.

Г л а в а III.

Поступленіе Серафима въ Саровскую обитель и жизнь его до постриженія въ иночество.

Съ посохомъ въ рукахъ и съ мѣднымъ крестомъ—благословеніемъ матери на шеѣ, Прохоръ отправился въ Саровскую пустынь. Съ нимъ отправились и двое изъ вышеупомянутыхъ купцовъ.

Наканунѣ праздника Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы 21-го ноября 1778 года, прибылъ Прохоръ въ Саровскую пустынь. Стоя вечеромъ того дня у всенощной въ соборной церкви пустыни, онъ поразился благолѣпіемъ церковной службы. Умиленность и веторопливость службы, стройное пѣніе монаховъ, столповое по чину Аѳонской горы, наполнили душу Прохора святыми чувствами и будущій подвижникъ возблагодарилъ Бога, что онъ пришелъ въ это мѣсто.

Строитель пустыни іеромонахъ Пахомій, мужъ благоговѣйный и святой жизни, радушно принялъ Прохора и назначилъ его въ послушаніе строгому подвижнику старцу Іосифу.

Ревностно, съ любовію проходилъ Прохоръ послушаніе; сперва былъ келейникомъ у старца Іосифа, потомъ трудился въ хлебнѣ, просфорнѣ, столярнѣ и пономарилъ. Кромѣ того, онъ исполнялъ послушаніе будильщика, предъ началомъ заутрени, обходя келліи братіи легкимъ стукомъ въ дверь и молитвою

Иисусовою возвѣщалъ о времени идти въ церковь. Всякіе виды послушанія, возлагаемыя властями монастыря, Прохоръ проходилъ съ удивительнымъ терпѣніемъ, радостью и любовью. Всякое дѣло онъ дѣлалъ съ молитвою; трудился ли въ хлѣбнѣ, просфорнѣ, столярнѣ, исполнялъ ли обязанности будильщика и пономоря, всегда на устахъ его была молитва Иисусова: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“. Постояннымъ занятіемъ онъ старался охранить себя отъ скуки, этой опасной духовной болѣзни. „Болѣзнь сія врачуется, говорилъ онъ впослѣдствіи, молитвою, воздержаніемъ отъ празднословія, посильнымъ рукодѣліемъ, чтеніемъ слова Божія и терпѣніемъ, потому что и рождается она отъ малодушія и праздности и празднословія“.

Въ Храмъ Божій онъ приходилъ по примѣру древнихъ подвижниковъ раньше всѣхъ, а уходилъ позже всѣхъ. Все свободное отъ послушаній время онъ проводилъ за чтеніемъ Библии и другихъ душеспасительныхъ книгъ. Онъ читалъ Шестоднѣвъ Св. Василія Великаго, Лѣствицу Св. Іоанна Лѣствичника, бесѣды Св. Макарія Великаго, Добротолубіе и др. кнѣги. Особенно любилъ онъ читать Четыи Минеи св. Димитрія Ростовскаго.

Кромѣ чтенія книгъ, въ часы досуга, Прохоръ занимался вырѣзкою изъ кипариснаго дерева небольшихъ крестиковъ для раздачи богомольцамъ въ благословеніе отъ обители. Въ столярномъ дѣлѣ онъ былъ искусенъ и въ росписаніи братіи монастыря одинъ изъ всѣхъ названъ „Прохоръ—столяръ“.

Въ дремучемъ лѣсу Саровскомъ жили любители, безмолвія иноки пустынножители; изъ нихъ наиболѣе извѣстны были Назарій, бывший игумень Валаамскій и Саровскій іеросхимонахъ Маркъ. Живя въ уединенныхъ келліяхъ, они въ тишинѣ безмолвнаго лѣса работали Богу. Примѣръ ихъ нашель въ Прохорѣ ревностнаго подражателя. Благоговѣя предъ высотою ихъ подвиговъ, онъ испросилъ благословеніе настоятеля поселиться въ лѣсу и съ разрѣшенія великаго Пахомія построилъ себѣ въ лѣсу небольшую келлію.

Уединеніе любилъ онъ всею душею. „Если, говорилъ онъ впослѣдствіи, не всегда можно пребывать въ уединеніи и молчаніи, живя въ монастырѣ и занимаясь возложенными отъ

настоятеля послушаніями, то хотя нѣкоторое время, остающееся отъ послушанія, должно посвящать на уединеніе и молчаніе. И за это малое Господь Богъ не оставитъ ниспослать на тебя богатую свою милость“.—Такъ высоко ставя уединеніе, Прохоръ совѣтоваль всѣмъ проходить его.

Строитель Пахомій и казначей Іосифъ любили Прохора. Для нихъ онъ былъ какъ сынъ родной и Прохоръ привязался къ старцамъ истинною сыновнею любовію.

Объ этомъ онъ вспоминаль, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ: „Блаженной памяти, отцы наши: Пахомій и казначей Іосифъ, мужи святые, любили меня, какъ свои души, и ничего ими отъ меня не потаено и о томъ, что для своей души и для меня полезно, пеклися“.—Желая возможно болѣе пребывать въ молитвѣ, Прохоръ исполняль правило св. Пахомія Великаго. Отъ долгаго бодрствованія у него развилась головная боль, но неутомимый подвижникъ не смущался тѣмъ и еще болѣе предавался подвигамъ и молитвѣ.

Въ 1780 году Прохоръ опасно заболѣль. Недугъ, такъ предполагали—водянка, мучилъ его три года, причемъ половину этого времени страдалецъ провелъ въ постели. Слегши въ постель, онъ не ропталъ, но всецѣло покорился волѣ Божіей, надѣясь на помощь Господа.

Около одра страдальца находился постоянно старецъ Іосифъ, а въ свободные часы посѣщаль больного и строитель Пахомій. Здѣсь то и сказаласть ихъ великая любовь къ Прохору. Они ухаживали за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ. У постели болящаго находилась вмѣстѣ съ ними и третій, любившій его безгранично старецъ, подвижникъ Исаія, бывшій затѣмъ строителемъ пустыни по кончинѣ Пахомія.

Терпя благодушно болѣзнь, Прохоръ настолько всецѣло предалъ себя Богу, что отказался даже отъ помощи врача, когда предложили ему это,—видя трудный оборотъ болѣзни. „Я предалъ себя отче святой“, сказалъ онъ строителю Пахомію, истинному Врачу душъ и тѣлесъ, Господу нашему Іисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша разсудить, снабдите меня, убогаго, Господа ради, небеснымъ врачевствомъ“ (т. е. причастіемъ Св. Тайнъ).

Старецъ Іосифъ съ радостью исполниль желаніе болящаго

и отслужилъ о здравіи его всенощное бдѣніе и литургію. Вся братія собралась помолиться о выздоровленіи больного. Прохоръ былъ приобщенъ Св. Таинъ въ своей келліи на одрѣ.

По причащеніи Св. Таинъ, Прохоръ уснулъ и, какъ рассказывалъ онъ впослѣдствіи одной инокинѣ Дивѣвскаго монастыря, въ сонномъ видѣніи ему предстала, какъ нѣкогда въ дѣтскомъ возрастѣ, Пречистая Богоматерь съ апостолами Петромъ и Іоанномъ Богословомъ. Возложивъ на голову болящаго Свои пречистыя руки, Владычица неба и земли обратясь лицомъ къ Богослову сказала: „Этотъ Нашего рода“. Въ ту же самую минуту вода, наполнявшая тѣло больного, вылилась чрезъ образовавшееся въ боку его отверстіе и онъ выздоровѣлъ. Въ память дивнаго исцѣленія осталась до самой смерти его впадина въ той части тѣла, откуда вылилась вода.

Послѣ болѣзни Прохоръ сталъ опять проходить возложенныя на него послушанія. По волѣ строителя онъ отправился сборщикомъ на постройку больничнаго храма въ честь преподобн. Савватія и Зосимы Соловецкихъ, строившагося на мѣстѣ той келліи, гдѣ онъ лежалъ больнымъ. Обходя города и села, онъ пришелъ въ свой родной городъ Курскъ. Благочестивой матери своей онъ не засталъ уже въ живыхъ. Братъ его Алексѣй принялъ его радушно и далъ нескудное пожертвованіе на обитель. Помолившись горячо на могилѣ матери, Прохоръ отбылъ изъ Курска въ обитель.

Въ благодарность за свое дивное исцѣленіе Прохоръ собственными руками сдѣлалъ кинарисный престолъ въ церковь преп. Савватія и Зосимы и съ того времени какъ храмъ былъ освященъ (17 августа 1786 года) и до самой кончины онъ причащался Св. Таинъ въ этомъ храмѣ, въ память облагодѣяніи Царицы Небесной. Церковь преп. Савватія и Зосимы существуетъ и теперь. Она помѣщается въ больничномъ зданіи внизу, а вверху ея находится церковь въ честь Преображенія Господня.

Г. Н. Корсунъ.

(Продолженіе будетъ).

в Ученіе Канта объ антиноміяхъ чистаго разума.

Вопросъ объ „антиноміяхъ чистаго разума“, при рѣшеніи космологической проблемы, былъ вопросомъ, надъ которымъ задумывалась уже философская мысль древней Греціи. Имѣли ли міръ пространственную, и временную границу, или же существуетъ вѣчно и простирается въ безконечность? Дѣлима ли матерія до безконечности, или же существуютъ нѣкоторые абсолютно простые элементы ея—атомы? Можно ли признавать, въ рядѣ причиннаго и случайнаго бытія какое-либо свободное и необходимое бытіе? Вотъ вопросы, въ которые нашъ разумъ, повидимому, чѣмъ болѣе вдумывается, тѣмъ съ большимъ правомъ отвѣчаетъ и „да“ и „нѣтъ“. „Такимъ образомъ, разумъ видитъ себя раздвоеннымъ, въ противорѣчій съ самимъ собою,—состояніе, по замѣчанію Канта, радующее скептика, критическаго же философа повергающее въ безпокойство и раздумье“¹⁾. Предъ философомъ возникаютъ двѣ нелегкія проблемы: 1) выяснитъ причину этого страннаго гносеологическаго факта,—вывести его изъ организациі нашихъ познавательныхъ способностей и 2) рѣшить вопросъ, какъ примирить этотъ фактъ принципіальнаго разлада въ нашемъ разумѣ съ требованіемъ единой объективной истины,—„остается ли при этомъ противорѣчій и какимъ образомъ открыть для разума путь къ достовѣрности“? 2) Если Зенонъ былъ первымъ софистомъ, который пользовался этимъ фактомъ противорѣчій разума самому себѣ, какъ доказательствомъ его несостоятель-

1) Прологомены... (Переводъ Соловьева), § 52.

2) Критика чистаго разума (перев. Соколова)... 305 стр.

ности въ поискахъ за объективною истиною, то Кантъ былъ первымъ философомъ, который далъ этому вопросу объ антиноміяхъ чистаго разума вполне научную постановку. Самъ Кантъ придавалъ этому вопросу важное значеніе въ системѣ своей философіи. „Не изслѣдованія о бытіи Божіемъ, писалъ онъ къ Garve, но антиноміи чистаго разума въ первый разъ пробудили меня изъ догматической дремоты и побудили къ критикѣ самаго разума“¹⁾. „Я желаю, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—чтобы критическій читатель занялся преимущественно этою антиноміею, такъ какъ повидимому сама природа создала ее, чтобы остановить разумъ въ его дерзкихъ предпріятіяхъ и принудить къ самоиспытанію“²⁾. Ученіе Канта объ антиноміяхъ чистаго разума, *implicite* заключаая въ себѣ всю доктрину трансцендентальнаго идеализма, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ главный боевой пунктъ, съ котораго Кантъ направляетъ свою убійственную критику догматической философіи. Соответственно этой двойственности задачъ, которыя Кантъ преслѣдовалъ въ этомъ отдѣлѣ своей „Критики“ и самый трактатъ объ антиноміяхъ раздѣляется на двѣ части: 1) постановку проблемы и изложеніе антиномій съ догматической точки зрѣнія, съ цѣлію „представить ихъ въ ихъ ослѣпительномъ, но ложномъ блескѣ“³⁾, и 2) рѣшеніе отмѣченныхъ выше вопросовъ—объ условіяхъ, причинѣ и конечномъ гносеологическомъ значеніи этой антиноміи, съ критической точки зрѣнія.

Характерною чертою философіи трансцендентальнаго реализма, на почвѣ которой возникаютъ космологическія антиноміи, является догматическое убѣжденіе въ полномъ соответствіи нашего познанія съ объективною дѣйствительностію, некритическое отождествленіе познаваемыхъ нами явленій съ вещами въ себѣ. Правда, сознаніе глубокаго различія между непосредственно представляющеюся дѣйствительностію и подлинною сущностію вещей всегда было живо въ философской мысли, но философія, вмѣсто того, чтобы посмотрѣть прямо въ

1) Vaibinger. Kommentar zu Kants Kritik. r. Vern. II B. 515 p.

2) Прологомены... § 52.

3) Критика чистаго разума... 297 стр.

глаза этому факту, констатировать принципиальную относительность (субъективизмъ) нашего познанія, стремилась къ примиренію разлада въ нашемъ сознаніи между чувственною стороною бытія и его метафизическою сущностію. Такія тенденціи къ метафизическому объединенію познанія ко времени Яанта приняли два основныя направленія въ школахъ Лейбница и Локка. Если интеллектуалистъ Лейбницъ указывалъ источникъ познанія истинно-сущаго въ разсудкѣ, искусственно превратилъ всё явленія въ чисторазсудочные объекты (умопостигаемыя монады), и на самое чувственное познаніе смотрѣлъ лишь какъ на смутное разсудочное, то сенсуалистъ Локкъ отдавалъ предпочтеніе чувственному познанію, и съ меньшими натяжками, чѣмъ Лейбницъ, пытался свести всё разсудочныя понятія на чувственныя воспріятія, какъ ихъ элементы. Но ни Лейбницъ, ни Локкъ строго не различали между явленіями и вещами въ себѣ, и на познаваемые объекты смотрѣли, какъ на самыя вещи.

Исходя изъ того взгляда, что формы, законы и идеи нашего духа имѣютъ непосредственное приложеніе къ вещамъ въ себѣ, сторонники догматической метафизики, въ частности, на пространство и время смотрѣли, какъ на объективное бытіе, или какъ на свойства и опредѣленія внѣ насъ лежащей дѣйствительности. Пространство разсматривалось или какъ нечто совершенно *in genereis*, не зависящее отъ бытія, не какъ вещь, но мѣсто для вещей, и, поэтому, необходимое условіе ихъ существованія, или какъ система объективныхъ отношеній вещей, — *ordre de coexistence* (Лейбницъ). Подобнымъ образомъ и время понималось, какъ особаго рода реальность, существующая, съ одной стороны, независимо отъ вещей въ собственномъ смыслѣ, а съ другой, и отъ нашей мысли. Не менѣе реальное значеніе имѣетъ и наше разсудочное познаніе, распредѣляющее опытный матеріалъ по присущимъ нашему духу категоріямъ. Отрицать объективное значеніе за категоріями — значитъ открывать дверь абсолютному скептицизму. Да отрицать ихъ не станетъ ни одинъ здравомыслящій чело-вѣкъ. Кто, напр., станетъ утверждать, будто категорія причинности, выражающая, что не бываетъ дѣйствія безъ при-

чины, не имѣеть объективнаго значенія? Наконецъ, философія некритическаго реализма приписывала реальное значеніе и всѣмъ „необходимымъ“ идеямъ нашего разума. Къ числу такихъ идей, отъ которыхъ мы не можемъ отрѣшиться никакими умствованіями, принадлежитъ идея міра, какъ даннаго цѣлаго, или космоса, которая какъ бы врождена намъ, подобно идеѣ Бога, какъ абсолютнаго бытія,—души, какъ простаго принципа (носителя) психическихъ явленій, и которая, ergo, имѣеть несомнѣнно объективное значеніе. Отрицать объективность этихъ идей, какъ самоочевидныхъ свидѣтельствъ нашего самосознанія, значить въ корнѣ подрывать достовѣрность нашего познанія,—таковъ любимый аргументъ въ защиту этихъ понятій у сторонниковъ трансцендентальнаго реализма.

Становясь на почву догматической метафизики, Кантъ предлагаетъ защитникамъ этой философіи задачу, которая по своимъ условіямъ не выходитъ за предѣлы ихъ компетентности, но предъ которою самымъ блестящимъ образомъ должно обнаружиться ея банкротство. Такимъ пробнымъ камнемъ некритическаго реализма и являються пресловутыя космологическія проблемы о конечности или безконечности міра по пространству, времени и причинности (условности), которыя нашъ разумъ одинаково склоненъ рѣшать и въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ. „Хорошо, обращается Кантъ къ философамъ—догматикамъ, если вы претендуете въ вашей метафизикѣ на знаніе самой дѣйствительности, если ваши стройныя системы являются точнымъ отраженіемъ бытія, то вы обязательно должны разрѣшить эти противорѣчивые вопросы, ибо дѣйствительность не можетъ противорѣчить себѣ самой“.

Трудности этихъ проблемъ сводятся къ уставовкѣ отношенія идей безконечнаго и безусловнаго къ міровому бытію. Корень этихъ трудностей, представляющихся даже неустранимыми антиноміями, лежитъ въ самой организаціи нашихъ познавательныхъ способностей. Съ одной стороны, наше чувственное познаніе убѣдительно говоритъ намъ, что синтезъ или цѣль міровыхъ явленій (условій)—безконечна, какъ въ пространственномъ и временномъ отношеніи, такъ и съ точки зрѣнія ихъ причинности и условности. Съ другой стороны, нашъ ра-

разумъ „въ синтезѣ условій, производимомъ въ формѣ ряда, и притомъ регрессивно“, настойчиво „ищетъ безусловнаго, которое всегда заключается въ абсолютной цѣлокупности ряда“, ибо нашъ разумъ убѣжденъ, что „для даннаго обусловленнаго данъ и весь рядъ подчиненныхъ ему условій“. Хотя онъ не знаетъ, „возможна ли такая полнота и на чувственной почвѣ, но идея этой полноты заключается въ разумѣ, безразлично къ возможности или невозможности соединять адекватно съ нею эмпирическія понятія“ ¹⁾.

Если матеріальный принципъ космологическихъ антиномій заключается въ разладѣ между чувственно-разсудочномъ познаниемъ, идущимъ въ регрессивномъ рядѣ условій (явленій) въ безконечность, и требованіемъ разума—мыслить безусловную полноту этого ряда, то формальный ихъ принципъ, опредѣляющій число и логическую форму антиномій, также выводится Кантомъ изъ „самой природы нашего разума“ ²⁾. По мнѣнію Канта, всякая трансцендентальная иллюзія чистаго разума (т. е. мнимо-объективныя идеи души, міра и Бога) основывается на діалектическихъ умозаключеніяхъ, схему которыхъ логика даетъ въ трехъ формальныхъ видахъ умозаключенія вообще, подобно тому какъ категоріи имѣютъ свою логическую схему въ четырехъ функціяхъ сужденій ³⁾. Въ частности, космологическая идея, требующая вообще безусловнаго единства объективныхъ условій въ явленіи, ставится Кантомъ въ параллель съ гипотетическимъ умозаключеніемъ, а каждый изъ указанныхъ четырехъ видовъ космологической идеи соответствуетъ четыремъ рубрикамъ категорій. Параллель между гипотетическимъ умозаключеніемъ и космологическою идеєю Кантъ усматриваетъ въ томъ, что въ основѣ какъ того, такъ и другой лежитъ законъ основанія, выражающійся въ формулѣ: „если дано А (обусловленное), то должно быть дано и В (условіе)“. Этотъ же законъ основанія опредѣляетъ и выборъ отдѣльныхъ категорій разсудка, возводимыхъ разумомъ, „освобождающимъ разсудочныя понятія отъ ограниченій возможнаго опыта“, въ трансцендентальныя идеи. Въ трансцендентальныя

¹⁾ Критика чистаго разума... 302 стр.

²⁾ Прологомены... § 51.

³⁾ Критика ч. разума... 296 стр.

идеи обращаются „только тѣ категоріи, въ которыхъ синтезъ представляетъ рядъ, и притомъ подчиненныхъ (а не соподчиненныхъ) условій для даннаго безусловнаго“ ¹⁾. Такою категоріею прежде всего является категорія количества, которая, по отношенію къ космологической проблемѣ, будучи возведена до безусловнаго, даетъ идею о безконечномъ синтезѣ прошедшаго времени и окружающаго міръ пространства. По идеѣ разума, все прошедшее время, какъ условіе даннаго мгновенія, должно быть мыслимо, какъ данное“ ²⁾.

Категорія количества можетъ быть обращена въ трансцендентальную идею и по отношенію къ пространству. Правда, по отношенію къ пространству, повидимому, не можетъ быть рѣчи о взаимной (цѣлокупной) обусловленности его частей (подобно тому, какъ настоящій моментъ времени обусловливается истеченіемъ предшествующаго времени), „такъ какъ пространство представляетъ изъ себя агрегатъ, а не рядъ, ибо всѣ его части даются одновременно“ ³⁾. Но если въ самомъ пространствѣ не имѣется необходимыхъ условій для цѣлокупнаго регрессивнаго синтеза, то такія условія представляются въ его „измѣреніи“, ибо каждое ограниченное пространство можетъ быть рассматриваемо, какъ обусловленное, „поскольку оно предполагаетъ другое пространство, какъ условіе, своихъ границъ“ ⁴⁾. Такимъ образомъ, изъ категоріи количества получается космологическая идея „безусловной полноты въ составленіи даннаго цѣлаго всѣхъ явленій“. Категорія качества въ космологической проблемѣ имѣетъ приложеніе къ реальности въ пространствѣ, или матеріи. Само собою разумѣется, что матерія, какъ нѣчто обусловленное, составленное

¹⁾ Критика ч. разума... 297—8 стр. Такъ какъ основное требованіе разума сводится къ положенію: „если дано обусловленное, то дана и вся сумма условій“, то понятно, что это требованіе имѣетъ приложеніе лишь къ восходящему ряду условій, а не нисходящему. „Ибо только условія для даннаго обусловленнаго уже предполагаются, и какъ бы даются“, а „относительно слѣдствій можно и не заботиться, прекращается-ли ихъ рядъ, или вѣтъ; и вообще здѣсь вопросъ объ ихъ цѣлокупности не есть предположеніе разума“. Другими словами, разумъ требуетъ полноты лишь „регрессивнаго синтеза“, а не „прогрессивнаго“ (Критика чист. разума... 298—9 стр.).

²⁾ Критика ч. разума... 299 стр.

³⁾ Ibidem, 299 стр.

⁴⁾ Ibidem, 300 стр.

изъ частей, представляетъ благоприятныя условія для регрессивнаго синтеза, отъ котораго разумъ требуетъ абсолютной цѣлокупности, и поэтому категория качества легко обращается въ космологическую идею, требующую „абсолютной полноты *дѣленія* даннаго цѣлаго въ явленіи“. Наконецъ, что касается категорій реальныхъ отношеній между явленіями (категорій, помѣщенныхъ у Канта подъ рубриками *relatio* и модальности), то изъ нихъ только двѣ представляютъ нужныя условія для превращенія въ идеи разума—это категоріи причинности и случайности. Категория причинности „даетъ рядъ причинъ для даннаго дѣйствія; въ ней отъ дѣйствія, какъ обусловленнаго, можно подниматься къ причинамъ, какъ условіямъ“. Поэтому нашъ разумъ съ полнымъ правомъ обращаетъ эту категорію въ требованіе „абсолютной полноты въ *возникновеніи* явленія вообще“. Подобнымъ же образомъ, категория случайности, заключающая въ себѣ мысль, что „случайное въ существованіи всегда должно быть разсматриваемо, какъ обусловленное“ другимъ условіемъ, которое въ свою очередь—„другимъ, высшимъ“, съ полнымъ правомъ обращается въ требованіе (идею) „абсолютной полноты *зависимости* существованія, измѣняемаго въ явленіи“¹⁾. Эти открытыя Кантомъ трансцендентальныя идеи въ переводѣ на болѣе конкретный языкъ и суть идеи—ограниченности міра по пространству и времени, существованія недѣлимыхъ элементовъ матеріи (атомовъ), свободы и безусловно необходимаго Существа. Эти идеи разума, разсматривающія міръ, какъ законченное цѣлое, въ своемъ столкновеніи съ чувственно-разсудочнымъ познаніемъ, которое нигдѣ въ мірѣ не находитъ этой законченности, а всюду видитъ лишь безконечныя ряды временныхъ, пространственныхъ, причинныхъ и условныхъ явленій, и образуютъ тотъ радикальный разладъ въ нашемъ познающемъ духѣ, который Кантъ назвалъ „антиномією чистаго разума“. Какъ та, такъ и другая стороны, отстаивая правильность своего пониманія міровой жизни, выставляютъ *contra* утвержденій противника одинаково сильныя аргументы, по своему значенію взаимно уничтожающіе другъ друга.

¹⁾ Ibid. 301 стр.

Сущность доказательствъ антиноміи сводится къ слѣдующему. Тезисъ 1-й антиноміи гласитъ: „міръ имѣетъ начало во времени и заключенъ въ границахъ въ пространствѣ“. Если допустить (гласитъ доказательство), что міръ не имѣетъ начала во времени, то необходимо признать, что до каждаго настоящаго момента времени прошла вѣчность (т. е. безконечный рядъ всѣхъ отдѣльныхъ моментовъ времени). Если же въ минувшей вѣчности прошли *всѣ* возможные моменты времени, то значить прошелъ уже и настоящій моментъ. Получается, такимъ образомъ, внутреннее противорѣчіе. Значитъ, если настоящій моментъ существуетъ (что несомнѣнно), то только подъ тѣмъ условіемъ, если міръ существуетъ конечное время. Доказательство 2-й половины тезиса состоитъ въ указаніи на то внутреннее логическое противорѣчіе, въ которое намъ неминуемо придется встать, если мы допустимъ противоположное тезису положеніе, что міръ по пространству есть *безконечное данное цѣлое*. Корень противорѣчія заключается въ томъ, что мы, съ одной стороны, должны мыслить міръ, какъ данное цѣлое, а съ другой, какъ данное безконечное. Такъ какъ міръ, какъ цѣлое, не данъ намъ въ непосредственномъ созерцаніи, то и мыслить его мы можемъ лишь путемъ послѣдовательнаго, и притомъ цѣлостнаго (поскольку онъ есть цѣлое) синтеза его частей; или „законченнаго“ сложенія единицъ¹⁾. Теперь, если міръ есть цѣлое безконечное, то этотъ послѣдовательный цѣлостный синтезъ постулируетъ безконечное время, необходимое „при перечисленіи всѣхъ вмѣстѣ существующихъ вещей, что невозможно“. По этому и міръ, какъ цѣлое, по протяженію въ пространствѣ не безконеченъ, но заключенъ въ границахъ.

¹⁾ Правда, въ созерцаніи мы можемъ представить полноту „даннаго разомъ одновременно“, безконечно-протяженнаго міра,—именно „посредствомъ умственнаго движенія отъ цѣлаго къ его частямъ“. Но возможность такого представленія еще не является достаточнымъ „оправданіемъ“ понятія о мірѣ, какъ цѣломъ безконечно протяженномъ въ пространствѣ. Разсудочное оправданіе понятія возможно лишь посредствомъ логическаго анализа его признаковъ. Но этотъ анализъ вскрываетъ въ данномъ понятіи внутреннее противорѣчіе. Признакъ „цѣлости“, міра предполагаетъ возможность полнаго синтеза его частей, а признакъ его, безконечности предполагаетъ что „этотъ синтезъ долженъ образовать нескончаемый рядъ“. (Крит. чист. разума... 312, 314 стр.)

Антитезисъ 1-й антиноміи утверждаетъ безконечность міра какъ по времени, такъ и пространству. Сущность доказательства обѣихъ частей антитезиса сводится къ выясненію невозможности мыслить абсолютно пустое время, предшествующее возникновенію міра, и абсолютно пустое пространство, окружающее міръ. Если допустить, что міръ существуетъ конечное время, то ему должно предшествовать „пустое“ время, въ которомъ ничего не существуетъ и ничего не происходитъ. Но самое возникновеніе міра есть происшествіе. Въ пустомъ времени, такимъ образомъ, происхожденіе міра—невозможно. Такова же аргументація и 2-й половины антитезиса. Если допустить, что міръ—по пространству ограниченъ, то придется признать не только отношеніе вещей въ пространствѣ, но и „отношеніе ихъ къ пространству“. Но если міръ есть „абсолютное цѣлое, внѣ котораго нѣтъ предмета для созерцанія“, то „пустое“ пространство, окружающее міръ, есть чистое „ничто“. Но отношеніе къ „ничто“, а стало быть и ограниченіе міра пустымъ пространствомъ—невозможно.

Тезисъ 2-й антиноміи гласитъ: „всякая сложная сущность состоитъ изъ простыхъ частей, и вообще существуетъ только простое, или сложное изъ него“. Доказательство этого тезиса съ неумолимою логикою приводитъ насъ къ тому выводу, что если мы будемъ отрицать существованіе недѣлимыхъ, простыхъ субстанцій, то „у насъ не будетъ существовать ни сложныхъ, ни простыхъ частей, т. е. не останется ничего, никакой сущности“. Въ самомъ дѣлѣ, разъ мы не допускаемъ существованія простыхъ субстанцій, *eo ipso* не допускаемъ существованія и сложныхъ, ибо сложные тѣла, по самому понятію, должны быть сложны изъ простыхъ; а разъ нѣтъ ни сложныхъ, ни простыхъ тѣлъ,—значитъ вообще нѣтъ никакихъ тѣлъ. Получается, такимъ образомъ, чистѣйшій абсурдъ. „Отсюда непосредственно слѣдуетъ, что вещи въ мірѣ вообще суть простыя существа, что сложность есть внѣшнее состояніе ихъ, и что, хотя намъ не удастся вполне выдѣлить и уединить составныя сущности, тѣмъ не менѣе разумъ долженъ представлять ихъ себѣ, какъ первые субъекты всякаго сложенія, и, слѣдовательно, какъ простыя сущности“.

Антитезисъ 2-й антиноміи доказываетъ, что „ни одна изъ сложныхъ величинъ въ мірѣ не состоитъ изъ простыхъ частей“. Предположимъ, что сложная вещь (или сущность) состоитъ изъ простыхъ частей. Такъ какъ сложеніе возможно только въ пространствѣ, то „необходимо предположить, что изъ какого количества частей состоитъ нѣчто сложное, изъ такого же состоитъ и занимаемое имъ пространство“. Но пространство состоитъ не изъ простыхъ частей, но изъ пространствъ, и значить дѣлимо до бесконечности. Поэтому, каждая часть субстанціи, въ силу своей пространственной протяженности, является также бесконечно сложной по своей сущности.

Третья антиномія касается вопроса объ естественной причинности и свободѣ. Тезисъ утверждаетъ, что „причинность по законамъ природы не есть единственная. Для объясненія явленій въ мірѣ необходимо допустить еще причинность черезъ свободу“. Въ самомъ дѣлѣ, сужденіе, что все въ мірѣ совершается только по законамъ природы, и слѣд.—условно, въ своей неограниченной всеобщности противорѣчитъ самому себѣ, ибо, съ одной стороны, оно утверждаетъ, что „ничто не совершается безъ достаточной а priori опредѣленной причины“, а съ другой оно выражаетъ, что въ мірѣ есть только условное, а не первое начало причинности. Выходитъ, что міровая жизнь есть рядъ причинъ и дѣйствій, но самъ этотъ рядъ не имѣетъ для себя причины. Значить, необходимо допустить особаго рода причинность свободы, *causa sui*, обладающую абсолютною самодѣятельностію, въ силу которой она можетъ сама по себѣ начинать рядъ дѣйствій.

Антитезисъ 3-й антиноміи утверждаетъ, что „свободы нѣтъ, но все въ мірѣ совершается по законамъ природы“, и убѣдительно доказываетъ немыслимость свободы, которая „противорѣчитъ закону причинности“, „нарушаетъ связь и порядокъ міровыхъ событій“, исключаетъ „единство опыта“, слѣдовательно ни въ какомъ опытѣ не встрѣчается“, и, значить, „представляетъ пустую мысленную вещь“.

4-я антиномія трактуетъ о безусловно-необходимомъ Существовѣ. Аргументація какъ тезиса, такъ и антитезиса этой антиноміи существенно сходны съ предыдущей. Тезисъ, утвер-

ждающій бытіе необходимаго Существа, доказываетъ свое положеніе въ формѣ такого силлогизма: всѣ явленія въ мірѣ—условны; но каждое обусловленное предполагаетъ полный рядъ условій вплоть до вполне безусловнаго, какъ основанія всѣхъ условій; значитъ, это нѣчто необходимое должно существовать.

Антитезисъ 4-й антиноміи, оспаривающій бытіе безусловно-необходимаго принципа міра, въ своей аргументаціи, подобно предыдущей антиноміи, исходитъ изъ понятія о неограниченномъ господствѣ закона причинности. Если допустить, что безусловно необходимое бытіе составляетъ отдѣльная часть міра, отдѣльный рядъ его явленій, то его существованіе, понятно, противорѣчитъ закону причинности. Если же необходимымъ бытіемъ является весь міръ въ его цѣломъ, то такое допущеніе страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ, ибо „если ни одна изъ частей міра не обладаетъ въ себѣ необходимымъ существованіемъ“, то и совокупность этихъ частей не можетъ быть таковою. Наконецъ, нельзя допустить безусловно-необходимой причины міра и внѣ міра, ибо, какъ причина міровыхъ измѣненій во времени, она должна бы и сама относиться къ совокупности явленій, т. е. къ міру, а это противорѣчитъ нашему предположенію.

Представивъ, такимъ образомъ, наглядно „всю діалектическую игру космологическихъ идей“, и призвавъ догматиковъ—философовъ безсильными вскрыть ихъ ошибку, Кантъ приступаетъ къ разрѣшенію этого неизбежнаго, повидимому, разлада въ нашемъ познаніи со своей критической точки зрѣнія. Прежде всего, спрашивается, разрѣшимъ ли вообще этотъ вопросъ о внутреннемъ разладѣ нашего разума? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть данъ утвердительный. Разъ этотъ вопросъ касается лишь природы нашего познанія, то „никакія ссылки на неизбежное невѣдѣніе и глубинную задачу (не освобождаютъ отъ обязанности отвѣчать на это основательно и сполна¹⁾). Разумъ долженъ сумѣть—отдать себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ законахъ и функціяхъ. Правда, здѣсь дѣло, повидимому, касается и эмпирическаго матеріала, а въ такомъ случаѣ вѣрность и самая возможность рѣшенія про-

¹⁾ Критика ч. разума... 347 стр.

блемы ставится въ зависимость отъ правильности собраннаго матеріала, и вообще случайныхъ условій опыта, но—только повидимому. Эмпирической міръ здѣсь является, т. о., лишь поводомъ, по которому обнаруживается „антиномія чистаго разума“, сама же она возникаетъ „только изъ идеи созданія разума, который, слѣдовательно, не можетъ отъ этого вопроса уклониться и сослаться на какой-то неизвѣстный предметъ“¹⁾.

Уже изъ самой природы проблемы видно, какимъ путемъ должно идти къ ея разрѣшенію. Такъ какъ разрѣшенія космологическихъ задачъ о конечности и безконечности міра нельзя найти ни въ какомъ опытѣ, ибо никогда міровое цѣлое не можетъ быть объектомъ нашего представленія, то для рѣшенія этой проблемы нашъ разумъ долженъ обратиться къ „самоиспытанію“, —разсмотрѣть „тотъ фундаментъ познанія“, на которомъ основывается наша антиномія. Рѣшеніе вопроса, значитъ, должно быть не догматическое, а критико-скептическое.

Обращаясь къ критическому разсмотрѣнію спора между тезисами и антитезисами, мы видимъ, что какъ тѣ, такъ и другіе представляютъ собою извѣстнаго рода сужденія, подкрѣпленныя доказательствами. Слѣд., ихъ судебный процессъ всецѣло входитъ въ компетенцію разсудка, нашей судящей и умозаключающей способности, и долженъ рѣшаться на основаніи его законовъ. Между прочимъ, основнымъ требованіемъ разсудочнаго познанія является условіе, что только такіе объекты могутъ быть разсудочными понятіями; которые представляютъ полный синтезъ своихъ частей; въ противномъ случаѣ эти объекты не могутъ быть поняты разсудкомъ. „Если мы предположимъ такой объектъ, полный синтезъ котораго требуетъ болѣе частей, нежели сколько ихъ дано въ объектѣ, то такой объектъ не подходитъ подъ разсудочное понятіе; онъ слишкомъ малъ для этого понятія. Если мы предположимъ такой объектъ, данныя части котораго никогда не могутъ быть взяты въ полной совокупности, то и такой объектъ не подходитъ ни подъ какое разсудочное понятіе: онъ слишкомъ великъ для этого понятія“²⁾. Но таковы именно всѣ сужденія тезисовъ и антитезисовъ. Если тезисы

1) Ibid. 348—50 стр.

2) Куно Фишеръ. Исторія новой философіи, III т. 471—2 стр.

предполагають ограниченную вселенную, то такое понятіе слишкомъ узко для разсудка; для понятія вселенной онъ требуетъ болѣе частей, чѣмъ сколько ихъ дано во всякой ограниченной вселенной. Объектъ антитезисовъ, которые предполагають неограниченную вселенную, напротивъ, оказывается слишкомъ великъ для разсудочнаго понятія. Такимъ образомъ, положенія какъ тезисовъ, такъ и антитезисовъ, оказываются предъ судомъ разсудка одинаково невозможными.

Выяснивши матеріальную (принципіальную) ошибку утвержденій антиномій, какъ мнимыхъ разсудочныхъ сужденій, теперь нужно раскрыть матеріальную ошибку (иллюзію) тѣхъ доказательствъ, которыми онѣ подтверждаютъ свои положенія. Разгадку космологической діалектики Кантъ указываетъ въ паралогизмѣ основного умозаключенія всѣхъ антиномій. Всѣ положенія антиномій, какъ мы видѣли, основываются на слѣдующемъ умозаключеніи: если дано условное, то данъ и полный рядъ его условій; но условное дано; значитъ, дана и волнота его условій. Несмотря на очевидную формальную правильность этого силлогизма, онъ представляетъ діалектической софизмъ, т. н. *sophisma figurae dictionis*. Каждая изъ посылокъ этого умозаключенія—правильна, но онѣ не могутъ быть связаны (подчинены) между собою, ибо трактуютъ о различныхъ предметахъ. Большая посылка утверждаетъ, что условное предполагаетъ рядъ всѣхъ своихъ условій. Это положеніе—совершенно вѣрно, поскольку оно „береть обусловленное въ трансцендентальномъ значеніи чистой категоріи“¹⁾, какъ требованіе нашей мысли, независимо отъ условій чувственности. 2-я посылка: „условное дано“—также справедлива, но она трактуетъ уже объ условномъ, данномъ не въ мысли, а въ явленіи, посредствомъ воззрѣнія. 1-я посылка, значитъ, говоритъ о вещи въ себѣ, предметѣ, независимо отъ нашей чувственности, а 2-я объ явленіи, которое есть лишь наше представленіе. 1-я посылка говоритъ: „если дано условное въ себѣ (не какъ явленіе, а какъ умопостигаемый предметъ), то дано и мірозданіе“. 2-я посылка говоритъ: „условное дано не въ себѣ, а какъ явленіе“. Если же средній членъ (въ нашемъ случаѣ

1) Критика чист. разума, 361 стр.

условное) понимается въ посылкахъ въ различныхъ смыслахъ, то получится *quaternio terminorum*, при которомъ невозможно никакое умозаключеніе. Но этотъ паралогизмъ—„не искусственный обманъ, но вполне естественная ошибка обычнаго разума“¹⁾. Избѣжать этой діалектической иллюзіи можно лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ строго различать между вещами въ себѣ и явленіями,—если будемъ помнить, что міръ, какъ цѣлое, не давъ намъ ни въ какомъ умозрѣніи,—что мы можемъ знать лишь ограниченный рядъ явленій въ тѣсныхъ предѣлахъ нашего опыта,—словомъ, если будемъ стоять на точкѣ зрѣнія трансцендентальнаго идеализма.

Выяснивъ основную матеріальную ошибку, какъ утвержденій, такъ и доказательствъ космологической діалектики, критическое изслѣдованіе ея теперь обращается къ разсмотрѣнію ея формально-логической стороны. Теперь на очереди стоитъ вопросъ: къ какому типу логическихъ сужденій должно отнести утвержденія тезисовъ и антитезисовъ—къ противорѣчающимъ или противоположнымъ? Если ихъ положенія, утверждающія: „міръ конеченъ“ и „міръ безконеченъ“ суть сужденія противорѣчающія (A и $\text{non } A$), то одно изъ нихъ должно быть съ формально-логической точки зрѣнія правильнымъ, хотя бы со строго критической точки зрѣнія они и были сужденіями невозможными. Несмотря на то, что они по своей формулировкѣ (A и $\text{non } A$) представляются именно противорѣчающими сужденіями, они въ дѣйствительности лишь противоположныя сужденія, ибо, какъ показываетъ предыдущее изслѣдованіе, между ними можно поставить 3-е сужденіе, тогда какъ между сужденіями A и $\text{non } A$, по закону исключеннаго третьяго, *tertium non datur*. Въ самомъ дѣлѣ, тезисы и антитезисы, какъ мы видѣли, въ сущности утверждаютъ лишь то, что „каждая“ данная величина или ограничена или неограничена“. Здѣсь нѣтъ третьяго. Но основная ошибка антиномій въ томъ и заключается, что міръ не есть данная величина, ибо иначе величина (а также и пространство и время, поскольку величина можетъ существовать лишь въ нихъ однихъ) должна быть чѣмъ то даннымъ независимо отъ нашего

¹⁾ Критика чист. разума... 361 стр.

возврѣнія, сама по себѣ. Поэтому между всѣми сужденіями тезисовъ и антитезисовъ вполне можно поставить 3-е сужденіе. Такъ, между утверженіями 1-й антиноміи: „міръ, какъ данная величина, по времени и пространству—ограниченъ“, и „міръ, какъ данная величина, по времени и пространству,—не ограниченъ“, можетъ быть поставлено сужденіе: „міръ, какъ не данная величина и не могущая быть данной), по времени и пространству, ни конеченъ, ни безконеченъ“. Такимъ образомъ, оказывается, что антиноміи суть только противоположныя сужденія, которыя и въ логическомъ отношеніи могутъ быть оба ложными. Такія противоположныя сужденія, которыя имѣютъ лишь видимость противорѣчащихъ, Кантъ называетъ „діалектической оппозиціей“.

Но если космологическія идеи, порождающія антиноміи, оказываются несостоятельными ни съ матеріальной, ни съ формальной стороны, то возникаетъ вопросъ: какой же смыслъ онѣ имѣютъ въ нашемъ познаніи (ибо существованіе ихъ въ нашемъ разумѣ, при всей ихъ внутренней иллюзорности, психологически несомнѣнно)? Отвѣтъ на этотъ вопросъ Кантъ даетъ въ ученіи о „регулятивномъ принципѣ разума“. Хотя міръ никоимъ образомъ не данъ намъ, какъ цѣлое, а извѣстенъ лишь въ ограниченномъ кругѣ нашего опыта; однако космологическія идеи объ абсолютной полнотѣ и законченности мірозданія играютъ очень важную роль въ нашемъ познаніи: онѣ являются тѣмъ стимуломъ, который побуждаетъ насъ не замыкаться въ предѣлахъ уже познанныхъ нами условій (явленій), но постоянно расширять кругъ нашего познанія, для найденныхъ условій искать новыхъ и т. д. Будучи сами по себѣ, въ своемъ истинномъ значеніи, существенно-необходимыми въ составѣ нашего познанія, эти идеи являются источникомъ діалектическихъ противорѣчій лишь тогда, когда изъ регулятивныхъ принциповъ обращаются въ конститутивные, когда ихъ основное содержаніе формулируется такъ: „міръ данъ (а не заданъ), какъ цѣлое“.

Хотя предъ судомъ критическаго идеализма всѣ антиноміи оказываются несостоятельными, поскольку онѣ вообще основываются на томъ неправильномъ предположеніи, что міръ, какъ

цѣлое (вещь въ себѣ) данъ намъ въ явленіи, однако для однихъ антиномій эта ошибка оказывается роковою, непоправимой, а для другихъ она, при нѣкоторыхъ оговоркахъ и разъясненіяхъ, является лишь мнимой. Первыя двѣ, т. н. „математическія“ антиноміи, какъ мы видѣли, трактуютъ о величинѣ міра и о количествѣ его составныхъ частей. Будучи заняты величиннымъ (количественнымъ) опредѣленіемъ мірозданія, онѣ, понятно, заняты синтезомъ однороднаго, ибо „математическая связь необходимо предполагаетъ однородность соединяемаго“ ¹⁾, слагаемыхъ частей между собою и цѣлымъ. Мы не можемъ складывать версты съ годами, или пуды съ ведрами и т. п. Иначе дѣло обстоитъ съ двумя послѣдними, т. н., „динамическими антиноміями“, трактующими о причинной и условной конечности или бесконечности мірозданія. „Въ связи причинъ и дѣйствій однородность хотя и можетъ встрѣчаться, но она не необходима; ибо ея по крайней мѣрѣ не требуетъ понятіе причинности, гдѣ посредствомъ одного полагается нѣчто другое, совершенно отъ него отличное“ ²⁾, гдѣ причина можетъ относиться къ одному виду бытія, а дѣйствіе—къ другому. Это различіе между математическими и динамическими антиноміями имѣетъ громадное значеніе по отношенію къ вопросу объ ихъ истинности. Если математическія антиноміи высказываютъ сужденія о величинѣ мірозданія, онѣ высказываютъ абсурдныя сужденія: величина есть продуктъ возрѣнія, а міроздавіе—лишь идея, вещь въ себѣ. Ошибка ихъ, слѣд., состоитъ въ томъ, что онѣ „противорѣчащее въ себѣ (именно: явленіе, какъ вещь въ себѣ) представляютъ соединимымъ въ одномъ понятіи“ ³⁾. Для математическихъ антиномій нѣтъ выхода изъ этого противорѣчія. Динамическія антиноміи, повидимому, представляютъ такую же нелѣпость, ибо и онѣ судятъ о причинности (которая есть отношеніе лишь между явленіями) мірозданія (вещи въ себѣ), но для нихъ есть возможность сгладить эту нелѣпость. Если причина и дѣйствіе вообще неоднородны, то отчего не предположить, „чтобы они были со-

¹⁾ Прологомены... § 53.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, §§ 52—53.

вершено неоднородны, чтобы дѣйствіемъ было явленіе, а причину его составляла бы вещь въ себѣ, ... чтобы идея была *причиною* явленія, условіемъ чувственнаго бытія?"¹⁾ Кантъ утверждаетъ, что это не только возможно, но и дѣйствительно—такъ. Необходимость и свобода вполнѣ могутъ совмѣщаться въ міровомъ бытіи: „ложность предположенія динамическихъ антиномій состоитъ въ томъ, что соединимое представляется противорѣчащимъ“²⁾. Такимъ образомъ, если въ математическихъ антиноміяхъ и тезисы и антитезисы должны быть признаны ложными, то въ динамическихъ, наоборотъ, какъ тѣ, такъ и другіе, могутъ быть истинными.

Вопросъ о примиреніи принципа свободы съ всеобщимъ закономъ естественной причинности, по признанію самого Канта, является вопросомъ „въ высшей степени темнымъ“³⁾. Если допустить реальное существованіе свободы, „способности начинать состоянія изъ себя, независимо отъ законовъ природы“, въ мірѣ явленій,—это значитъ отрицать „основной законъ трансцендентальной аналитики о непрерывной связи всѣхъ событій чувственнаго міра по неизмѣннымъ законамъ“⁴⁾. Значитъ, нужно отнести свободу къ міру вещей въ себѣ. Различіе между вещами *an sich* и явленіями—необходимое условіе мыслимости свободы. „Свободы не спасти, если явленія суть вещи въ себѣ“⁵⁾. Но ясно, что „спасеніе“ свободы только тогда имѣетъ реальный смыслъ, если остается какая нибудь возможность связи этого принципа съ міромъ явленій. Возможность этой связи Кантъ выясняетъ въ ученіи объ „эмпирическомъ и умопостигаемомъ характерѣ“ вещей. Каждый предметъ по своей природѣ, т. о., двойственъ: одну (эмпирическую) сторону его составляетъ то, что доступно нашимъ чувствамъ, а другую (интеллигибельную т. е. умопостигаемую)—присущая предмету „способность, которая уже не есть предметъ чувственнаго созерцанія, но черезъ которую этотъ предметъ можетъ быть причиною явленія“⁶⁾. 1-я изъ указанныхъ сторонъ и составляетъ эмпирическій характеръ вещи, который вполнѣ подчиненъ за-

¹⁾ Куно-Фишеръ. Цит. соч. III т. 483 стр.

²⁾ Прологомены... § 53.

³⁾ Критика ч. разума... 387.

⁴⁾ Ibid., 384, 386 стр.

⁵⁾ Ibid. 386.

⁶⁾ Ibid. 388 стр.

конямъ естественной причинности, а 2-я—характеръ умопостигаемый, который хотя и является причиною эмпирическаго, но „самъ не стоитъ подъ условіями чувственности и самъ не есть явленіе ¹⁾“. Этотъ умопостигаемый характеръ и есть принципъ свободы, который, будучи трансцендентнымъ, является „причиною дѣйствій“ чувственнаго міра. Эта „причинность черезъ свободу“ ощутительнымъ образомъ открывается въ „разумѣ“ человѣка, съ его нравственнымъ закономъ, выражающимся въ формѣ безусловнаго „долженствованія“ ²⁾

Подобнымъ же образомъ разрѣшается и 4-я антиномія. Такъ какъ условное бытіе и условіе суть понятія различныя по роду, то они могутъ быть и существенно различны между собою по природѣ; слѣд., условное бытіе можетъ быть случайнымъ, тогда какъ условіе его будетъ совершенно необходимымъ бытіемъ. Но такъ какъ всѣ эмпирическія явленія представляются условнымъ бытіемъ, то необходимое существо должно быть бытіемъ, вѣмѣрнымъ (*ens extramundanum*). Такимъ образомъ, какъ тезисъ, такъ и антитезисъ 4-й антиноміи—оба правильны посколькy 1-й говоритъ о мірѣ вещей въ себѣ, а 2-й объ условномъ мірѣ явленій.

Résumé изложеннаго ученія Канта объ антиноміяхъ чистаго разума—такovo. Отвѣчая на 1-й изъ поставленныхъ вопросовъ, какъ объяснить разладъ разума съ самимъ собою въ космологической проблемѣ, составляетъ-ли овъ радикальное противорѣчіе его, или же только случайное,—Кантъ отвѣчаетъ: „да, четыре космологическія антиноміи имѣютъ корень въ самой природѣ нашего познающаго духа; этотъ разладъ неизбѣженъ, если нашъ разумъ беретъ разрѣшать метафизическія (трансцендентальные) вопросы о мірозданіи, какъ цѣломъ,—если мы

1) Ibid. 389 стр.

2) Хотя „умопостигаемый характеръ при данныхъ условіяхъ даетъ именно этотъ эмпирическій характеръ“, однако эти 2 стороны бытія обладаютъ полною самостоятельностью. Доказательство независимости принципа свободы отъ эмпирической причинности Кантъ указываетъ въ томъ, что мы порицаемъ преступника за совершенное злодѣяство, хотя бы оно обуславливалось обстоятельствами его воспитанія и среды. „Это порицаніе основывается на законѣ разума, при чемъ въ разумѣ видятъ причину, которая можетъ и должна опредѣлять поведеніе людей независимо отъ всѣхъ эмпирическихъ условій (ibid. 399—400 стр.).“

покидаемъ единственно доступную намъ область опытнаго знанія. Разрѣшеніе антиномій, въ которыя нашъ разумъ „неизбѣжно запутывается“ при этомъ предпріятіи, въ сущности сводится у Канта къ выясненію ихъ неразрѣшимости. На проблему о конечности и бесконечности міра (въ ея различныхъ формахъ) трансцендентальный идеализмъ налагаетъ строгое veto. Разумѣется, 2-й изъ намѣченныхъ у Канта вопросовъ, — сохраняется ли при этомъ раздвоеніи разума „путь къ достовѣрности“, уже не имѣетъ значенія, ибо касательно тѣхъ вопросовъ, гдѣ обнаруживается это раздвоеніе разума, не можетъ быть дано никакого отвѣта, ни истиннаго, ни ложнаго.

Справедливъ-ли этотъ строгій приговоръ Канта въ судебномъ процессѣ антиномій, безапелляціонно отказавшій въ искѣ обѣимъ тяжущимся сторонамъ, — и тезисамъ и антитезисамъ? Критико-скептическое рѣшеніе антиномій есть ли единственно-возможное? За отвѣтомъ на эти вопросы мы обращаемся къ позднѣйшей (послѣ—кантовской) исторіи философіи, не разъ пересматривавшей громкое и запутанное „дѣло“ о космологическихъ антиноміяхъ.

Въ ближайшее время послѣ Канта приговоромъ критическаго идеализма, повидѣмому, всѣ оставались довольны. Изъ всѣхъ пунктовъ кантовской философіи отдѣлъ объ антиноміяхъ всего менѣе вызывалъ возраженій¹⁾. Принципъ антиномій, какъ неизбежныхъ противорѣчій нашего духа, былъ принятъ Фризомъ, Фихте, Гегелемъ и др., и даже былъ положенъ въ основу ихъ философскихъ системъ. Но уже этотъ громкій успѣхъ кантовскихъ антиномій говорилъ не столько о внутренней жизненности этого ученія Канта, сколько объ его искусственности и односторонности. Если Кантъ выводилъ изъ „законовъ нашего разума“ лишь „четыре антимоніи, не болѣе и не менѣе“, то Гегель распространилъ этотъ законъ на все наше познаніе, которое все основано на принципѣ противорѣчія. Далѣе, если Кантъ находилъ антиноміи лишь въ нашемъ разумѣ, когда опъ регулятивные принципы познанія принимаетъ за конститутивные, то Гегель находилъ антиноміи

¹⁾ Ср. Шопенгауэръ. Міръ, какъ воля и представленіе. Перев. Черниговца, 153 стр.

въ самой природѣ, объявлялъ ихъ принципомъ міроваго бытія, которое развивается по діалектическому закону положенія, отрицанія и синтезиса¹⁾. Такимъ образомъ, ученіе Канта объ антиноміяхъ разума послужило основаніемъ для воздушнаго замка конструктивнаго идеализма. Конечно, нельзя обвинять Канта въ ошибкахъ его послѣдователей, но эта удивительная метаморфоза кантовскаго принципа показываетъ, что открытый Кантомъ „законъ разума“, на которомъ зиждутся 4 космологическія антиноміи, не можетъ претендовать на такую же самоочевидность, какъ логическіе законы тождества, противорѣчія и др.

Первымъ наиболѣе серьезнымъ критикомъ кантовскаго ученія объ антиноміяхъ былъ Шопенгауэръ²⁾. Шопенгауэръ, прежде всего, оспариваетъ тотъ формальный принципъ, изъ котораго Кантъ выводитъ свои антиноміи. Искусственность связи между схемою гипотетическаго заключенія и космологическою идеею, съ одной стороны, и между количествомъ категорій и числомъ антиномій, съ другой, является очевидною для каждаго непредубѣжденнаго критика. Самая схема категорій, выведенная Кантомъ изъ природы сужденія, оказывается очень сомнительною. Извѣстно, что число категорій, какъ до Канта, такъ и послѣ него, опредѣлялось почти каждымъ мыслителемъ различно (Шопенгауэръ, напр., всѣ категоріи свелъ къ субстанціи и причипности), что было бы, по крайней мѣрѣ, странно, если бы открытая Кантомъ схема категорій была какимъ либо объективнымъ „закономъ“ мышленія. По Шопенгауэру, если съ нѣкоторыми натяжками можно допустить выведеніе космологической идеи изъ категоріи количества, то никакъ нельзя оправдать выведеніе идеи о пространственной дѣлимости матеріи изъ категоріи качества. „Механическая, а не химическая, дѣлимость матеріи сводится какъ разъ къ ея количеству, а не качеству. Но (что и того больше) вся эта идея о дѣлимости матеріи вовсе не принадлежитъ къ слѣдствіямъ по закону основа-

¹⁾ Hegelъ. Логика § 58. Переволь Чижова. 198—9 стр.

²⁾ Существенно сходится во многихъ пунктахъ съ критикою Шопенгауэра взгляды Франца Эрхардта (F. Erhardt), брошюрою котораго „Kritik d. Kantisch. Antinomien lehre (Leipzig. 1888) мы пользовались.

вія, изъ котораго, какъ изъ содержанія гипотетической формы заключенія, должны вытекать всѣ космологическія идеи. Утвержденіе Канта, будто отношеніе частей къ цѣлому есть отношеніе условія къ условливаемому, т. е. отношеніе по закону основанія, — тонкій софизмъ“¹⁾. Такая же искусственность наблюдается въ формальномъ обоснованіи и динамическихъ антиномій Канта. Въ третью рубрику категорій (relatio), — говоритъ Шопенгауэръ, — слѣдовало бы помѣстить идею о 1-й причинѣ міра. Но Кантъ долженъ былъ²⁾ приберечь ее для 4-й — модальности, подъ которую онъ „втискиваетъ“ эту идею на томъ ложномъ соображеніи, что случайное (т. е. каждое слѣдствіе изъ своего основанія) посредствомъ 1-й причины становится необходимымъ. Вслѣдствіе этого, въ угоду симметріи, въ качествѣ 3-й идеи является понятіе свободы, равнозначущее понятію 1-й причины. 3-я и 4-я антиноміи представляютъ, такимъ образомъ, тавтологію³⁾. Будучи внесена въ угоду искусственной симметріи, 4-я антиномія между тѣмъ нарушаетъ естественную симметрію антиномій, привнося въ космологическую проблему онтологическій элементъ. Если сущность динамическихъ антиномій сводится къ противоположенію между условнымъ и безусловнымъ, то эта противоположность съ космологической точки зрѣнія въполнѣ исчерпывается 3-ею антиноміей (о причинности и принципѣ свободы). 4-я антиномія лишь поясняетъ природу этого принципа съ онтологической стороны. Но вопросъ, — безусловно ли необходимо это свободно дѣйствующее бытіе съ космологической точки зрѣнія, представляется излишнимъ, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ спеціально разсматривается Кантомъ при критикѣ онтологическаго доказательства бытія Божія³⁾.

Анатолій Орловъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Міръ, какъ воля и представленіе, 142—3 стр.

²⁾ Ibid. 142—4 стр.

³⁾ Ср. Erhardt. Op. cit. 35—38 pp.

Фридрихъ Ницше—„антихристъ“ въ новѣйшей философіи, Лоренца Фишера.

(Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію М. Воскресенскаго).

(Продолженіе *).

Другой и даже главный недостатокъ общепринятой морали состоитъ въ томъ, что она есть „мораль рабовъ“; она указываетъ людямъ выше земного на небесное, вѣчное, божественное, коротко говоря, она—религіозна; религіозна въ своемъ источникѣ и религіозна въ своей конечной цѣли. Это существенный ея недостатокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы подошли къ вопросу, какъ Ницше относился къ религіи въ третій періодъ своей философіи?

Съ этого времени, до конца своей жизни, Ницше былъ полнымъ атеистомъ, и потому онъ былъ отъявленнымъ врагомъ религіи, „Богъ мертвъ“, говоритъ Ницше, „да и всѣ боги—мертвы“! Это было для него, какъ мы уже слышали, настоящимъ евангеліемъ, отраднѣйшею вѣстцію, которую онъ часто сообщалъ своимъ послѣдователямъ съ великой радостію.

Но если Богъ для него мертвъ, въ такомъ случаѣ и небо и вѣчность естественно для него теряли свой смыслъ, и у него оставались еще только видимый міръ, земля и временное. Вотъ почему „небесное“ ему казалось „выдумкой больныхъ и умиравшихъ, которые презираютъ тѣло и землю“¹⁾. Потому-то онъ взывалъ къ своимъ послѣдователямъ: мое „я“ научило меня новой гордости, которой я научаю людей: не зарывать болѣе

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 8.

1) Zarathustra W. W. VI, 43.

головы въ песокъ небесныхъ вещей, а носить ее свободно, какъ принадлежащую землѣ и сообщающую землѣ смыслъ". Далѣе, онъ такъ проситъ и закликаетъ своихъ приверженцевъ: „силою вашей добродѣтели оставайтесь вѣрными землѣ, братья мои! Ваша щедрая любовь и ваше познаніе пусть служатъ смыслу земли“!

И эта религіозная, или лучше сказать, безрелигіозная точка зрѣнія Ницше подобно тому, какъ и его моральныя воззрѣнія, должна быть обязательной только для него и для высшихъ людей, собственно сверхчеловѣка, но отнюдь не для остального человѣчества, не для большинства. Напротивъ, онъ полагаетъ, что религія для большей части человѣчества составляетъ нѣчто весьма превосходное и знаменательное, почему онъ весьма рѣзко бичуетъ тѣхъ современниковъ, которые или вслѣдствіе своего „вольнодумства“ или вслѣдствіе своего вѣчнаго гешефтмахерства уклоняются отъ споспѣшествованія религіи. При этомъ онъ говорилъ рѣзкую правду въ глаза въ особенности религіозно-индифферентнымъ ученымъ и профессорамъ нашего времени. Послушаемъ снова самого Ницше:

„Между нѣмцами, уклонившимися отъ религіи, я нахожу вольнодумцевъ, но больше всего такихъ людей, которые старательно изъ рода въ родъ разрушали религіозныя инстинкты, такъ что они не знаютъ болѣе, какова польза религіи, и только съ какимъ то тупымъ удивленіемъ какъ бы заносятъ въ реестръ ея существованіе въ мірѣ. И они еще думаютъ, что съ нихъ этого вполне достаточно, эти молодцеватые люди, будто дѣло идетъ объ ихъ обычныхъ занятіяхъ, объ удовольствіяхъ, не говоря уже о „фатерландѣ“, газетахъ и семейныхъ обязанностяхъ. Кажется, у нихъ совершенно не остается времени для религіи; особенно для нихъ неясно, трактуется ли при этомъ о новомъ дѣлѣ или объ удовольствіи; ибо невозможно, говорятъ они себѣ, идти въ церковь, чтобы всецѣло испортить хорошее расположеніе духа. Они не враги религіозныхъ обычаевъ; если въ извѣстныхъ случаяхъ требуется участіе въ такихъ обычаяхъ, на примѣръ, со стороны государства, то они исполняютъ это требованіе подобно тому, какъ дѣлаютъ и многое другое, съ терпѣливой и скромной важно-

стію и безъ излишняго любопытства и неудовольствія; они подлинно слишкомъ далеки отъ того, чтобы находить для себя нужнымъ хотя бы только одно „за“ и „противъ“ въ такихъ вещахъ.

Къ этимъ равнодушнымъ принадлежитъ теперь большинство нѣмецкихъ протестантовъ среднихъ сословій, особенно въ рабочихъ, большихъ центрахъ торговли и оборота; также большинство трудолюбивыхъ ученыхъ и цѣлыхъ университетскихъ корпорацій (исключая теологовъ, существованіе и возможность которыхъ тамъ представляетъ психологу для рѣшенія все болѣе и болѣе трудную загадку). Набожные или только церковные люди уже рѣдко думаютъ о томъ, что если нѣмецкій ученый серіозно занимается проблеммой религіи, то въ этомъ заключается много доброй воли, можно сказать, самоотверженной воли. Вслѣдствіе всего своего ремесла (или, какъ было сказано, вслѣдствіе ремесленнаго трудолюбія, къ которому обязываетъ его научная совѣсть новѣйшаго времени), онъ склоненъ къ сознательной, почти благосклонной забавѣ въ отношеніи къ религіи, къ чему пока примѣшивается легкое пренебреженіе, вызываемое неискренностію, которую онъ предполагаетъ вездѣ, гдѣ признаютъ церковь. Ученому удастся только съ помощью исторіи (значить, не изъ своего личнаго опыта) прійти предъ религіей въ благоговѣйную серіозность и удѣлить ей въ нѣкоторомъ смыслѣ осторожное вниманіе; но если бы онъ повысилъ свое чувство даже до благодарности къ ней, то онъ лично ни на шагъ не приблизился бы къ тому, что составляетъ церковь или благочестіе; быть можетъ, вышло бы наоборотъ. Практическое равнодушіе къ религіознымъ предметамъ, въ которомъ онъ родился и воспитался, обыкновенно у него достигаетъ осторожности и чистоты, которая боится соприкосновенія съ религіозными, людьми и предметами. Въ этомъ, быть можетъ, заключается глубина его терпимости и человѣчности, побуждающей его уклоняться отъ малѣйшаго стѣсненія, которое приноситъ съ собою его терпимость.

Каждое время имѣетъ свой собственный диковинный родъ наивности, пріобрѣтенію которой могутъ позавидовать другіе вѣка. И какъ много наивности важной, дѣтской, безгранично глуповатой наивности заключается въ этой чрезмѣрной вѣрѣ

ученаго, въ доброй совѣсти, свойственной его терпимости, въ недалекой простой увѣренности, съ которой онъ инстинктивно трактуетъ религіознаго человѣка, какъ малоцѣнный, низкій типъ, изъ котораго онъ давно уже выросъ;—онъ маленькій заносчивый карликъ и чернорабочій, усердно—проворный рабочій ума и руководѣльникъ „идей“, „новѣйшихъ идей“¹⁾.

Такъ Ницше судить о своихъ собственныхъ нерелигіозныхъ коллегахъ. Но и самъ Ницше, будучи профессоромъ университета, былъ чуждъ религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ заравъ онъ произноситъ приговоръ и надъ самимъ собой.

Но хотя бы „вышіе люди“ въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ Ницше, были сами нерелигіозны, все же, въ отличіе отъ обыкновенныхъ враговъ религіи, они цѣнятъ религію въ другихъ, съ одной стороны, какъ воспитательное средство для этихъ послѣднихъ, съ другой стороны, какъ средство утѣшенія и усовершенствованія: „Для людей сильныхъ, независимыхъ, призванныхъ и predeterminedъ къ владычеству, въ которыхъ воплощается разумъ и искусство правящей расы, религія скорѣе есть средство преодолѣть препятствія къ владычеству: когда связь, соединяющая вмѣстѣ властителей и подчиненныхъ, и совѣсть послѣднихъ, ихъ сокровенное и потаенное, чего нельзя привести къ добровольному послушанію,—когда все это измѣняетъ первымъ и уклоняется отъ нихъ; когда отдѣльныя личности такого знатнаго происхожденія, въ силу возвышеннаго образа мыслей, склоняются къ отшельнической и созерцательной жизни и предоставляютъ себѣ только тончайшій родъ владычества (надъ учениками и братьями ордена);—тогда религіей можно пользоваться даже, какъ средствомъ создать себѣ покой отъ шума и трудности грубаго царствованія, какъ средствомъ стяжать чистоту отъ неизбежной грязи всякаго политикаства“.

Такъ понимали это, напримѣръ, брамины: съ помощью религіозной организациіи они пріобрѣли себѣ власть назначать народу королей, хотя они держались въ сторонѣ и вдали, какъ люди высшихъ и неправительственныхъ задачъ. Религія даетъ

¹⁾ Jenseits, S. 76 f.

классу подчиненныхъ наставленіе и указаніе подготовиться къ непоколебимому господствованію и приказанію: именно тѣмъ медленно возвышающимся классамъ и сословіямъ, въ которыхъ, благодаря счастливымъ брачнымъ нравамъ, сила и хотѣніе воли, а вмѣстѣ съ тѣмъ самообладаніе, все болѣе возвышаются. Но въ то же самое время религія представляетъ и этимъ послѣднимъ много соблазновъ и искушеній проложить пути къ высшему состоянію духа, испытать чувства строгаго самоотреченія, молчанія и уединенія: аскетизмъ и пуританизмъ—почти необходимыя средства воспитанія и облагороженія, если раса хочетъ стать выше своего происхожденія, стать повелительницей черни и достигнуть непоколебимаго господства.

Наконецъ, обыкновеннымъ людямъ, большинству тѣхъ, которые существуютъ для услугъ, во всеобщую пользу, и этимъ только живутъ, религія даетъ несоцѣнимое довольство своимъ положеніемъ и видомъ, производитъ душевный миръ во всѣхъ отношеніяхъ, облагораживаетъ послушаніе, привноситъ съ собою счастье и еще болѣе горе и тому подобное, частью преобразуетъ и прикрашиваетъ, частью подаетъ оправданіе во всякое время, во всякой низости, во всякомъ полуживотномъ убожествѣ ихъ души. Религія и религіозное значеніе жизни озаряетъ солнечнымъ сіяніемъ такихъ постоянно измученныхъ людей и дѣлаетъ для нихъ сноснымъ даже собственное положеніе. Она дѣйствуетъ, какъ обыкновенно дѣйствуетъ эпикурейская философія на страждущихъ высшаго типа, успокаивая, ослабляя, какъ бы употребляя во благо; страданіе, наконецъ, даже освящая и оправдывая“¹⁾).

„Необходимо благодарить религіи за безцѣнныя услуги: кто довольно богатъ благодарностію, тотъ не станетъ прежде всего бѣднымъ, что, напримѣръ, до сихъ поръ дѣлали для Европы „духовные люди“ христіанства!“²⁾).

Поэтому Ницше цѣнилъ также церковь, и она у него имѣла значеніе института болѣе важнаго, чѣмъ государство³⁾, такъ какъ она обезпечиваетъ существованіе духовныхъ людей высшаго типа.

1) Jenseits, S. 79 ff

2) Ibidem, S. 82.

3) Fröliche Wissenschaft, Leipzig, 1887, S. 296

По той же причинѣ, несмотря на то, что Ницше происходилъ изъ протестантской, собственно лютеранской семьи и былъ сыномъ лютеранскаго пастора, онъ питалъ болѣе симпатіи къ католической церкви, чѣмъ къ протестантизму, потому что католическая церковь стремится осуществить въ своихъ священникахъ идеаль „высшаго человѣка“, между тѣмъ Лютеръ поставилъ своихъ священниковъ наряду съ мірянами.

„Лютеранская реформація на всемъ своемъ протяженіи была возстаніемъ простоты противъ чего то „многосложнаго“, или, говоря съ осторожностію, она была грубымъ, честнымъ недоразумѣніемъ, въ которомъ многое слѣдуетъ извинить. Сторонники реформаціи не понимали выраженія—„побѣдоносная церковь“ и видѣли только порчу нравовъ, они не понимали блестящаго скепсиса, той роскоши скепсиса и терпимости, которая позволяетъ себѣ, побѣдоносная, самоувѣренная сила... Теперь довольно часто выпускаютъ изъ виду, какъ Лютеръ увлекался во всѣхъ кардинальныхъ вопросахъ просто роковымъ образомъ, поверхностно, неосторожно, такъ что его предпріятіе, его намѣреніе преобразовать римскую церковь было только началомъ разрушенія, хотя этого онъ не хотѣлъ и не сознавалъ. Съ честнымъ негодованіемъ онъ расторгалъ и распускалъ тамъ, гдѣ старый паукъ наистарательнѣе и наидлиннѣе ткалъ свою паутину. Онъ далъ священныя книги всякому въ руки. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ попали въ руки филологовъ, то есть, отрицателей всякой вѣры, которая покоится на книгахъ. Онъ разрушилъ понятіе „церковь“, отвергнувъ вѣру въ богодуховенность соборовъ; ибо это понятіе сохраняетъ свою силу только подъ тѣмъ условіемъ, если животворящій Духъ, основавшій церковь и въ ней, живущій, еще созидаетъ и продолжаетъ созидать свое жилище.

„Всякій самъ для себя священникъ“, за такими формулами и ихъ крестьянской хитростію скрывалась у Лютера безграничная ненависть къ „высшему человѣку“, и господству „высшаго человѣка“, какъ его постигала церковь,—онъ разбилъ идеаль, котораго онъ не могъ постигнуть; между тѣмъ ему казалось, что онъ поборалъ противъ вырожденія этого идеала. Въ дѣйствительности, этотъ неспособный монахъ отвергъ гос-

подство *hominum religiosorum*; стало быть, въ недрахъ церковно-общественнаго порядка онъ дѣлалъ именно то самое, противъ чего въ отношеніи къ гражданскому порядку возставалъ съ такою нетерпимостью, именно, „противъ возстанія крестьянъ“¹⁾.

Эти весьма достойныя вниманія, очень интересныя сужденія Ницше—тѣмъ интереснѣе, чѣмъ менѣе всего можно было ожидать ихъ съ его стороны.

Итакъ, Ницше цѣнилъ и религію, и церковь, признавая ихъ важное значеніе для человѣчества, хотя онъ самъ въ эту послѣднюю эпоху своей философіи не исповѣдывалъ болѣе религіи, отрекшись отъ Бога и вѣчной жизни.

Послушаемъ самого Ницше.

„Всякое вожделѣніе хочетъ себя самого, поэтому оно хочетъ и сердечнаго страданія! О счастье, о страданіе! О, разорвись сердце! Внимайте же, „высшіе люди“: хочется страстно вѣчности, страстно хочется вѣчности всѣхъ вещей, хочется глубокой, глубокой вѣчности“²⁾!

И поэтому Ницше тоскуетъ по вожделѣнной и блаженной вѣчности, какъ это ясно слѣдуетъ изъ его собственныхъ словъ: „О какъ же страстно не стремиться мнѣ къ вѣчности, къ брачному кольцу колець,—кольцу вѣчности! Никогда я не встрѣчалъ еще женщины, отъ которой мнѣ хотѣлось бы имѣть дѣтей, да будетъ жа она любимой моею женою: люблю же я тебя, о вѣчность“³⁾.

Но такъ какъ, по Ницше, всѣ вещи временны и преходящи, а всѣ съ ними и хотѣніе ихъ, то какъ возможна ихъ вѣчность?

На это Ницше отвѣчаетъ: „всѣ вещи вѣчно возрождаются“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хотѣніе. Первымъ провозвѣстникомъ этого ученія онъ считаетъ себя самого. Такъ онъ говоритъ: „Смотри, мы знаемъ, чему ты учишь: ты учишь, что всѣ вещи вѣчно возрождаются, а вмѣстѣ съ ними и мы, и что мы уже существовали безконечное число разъ, какъ и всѣ вещи. Ты учишь, что существуетъ великій годъ бытія, чудовищно великій годъ: онъ долженъ совершать круговращеніе всякій разъ

¹⁾ Fröhliche Wissenschaft, 1887, S. 298 ff. ³⁾ Zarathustra, W. W. VI, 334.

²⁾ Zarathustra, W. W. VI, 470.

опять сызнова, какъ песочные часы, чтобы сызнова протекать и истекать, такъ что всѣ эти годы походятъ сами на себя, какъ въ величайшемъ, такъ и въ самомъ маломъ,—и мы сами въ каждомъ великомъ году походимъ на самихъ себя, какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ“¹⁾).

Все уходитъ и все возвращается; вѣчно вертится колесо бытія. Все умираетъ, все вновь расцвѣтаетъ, вѣчно годъ за годомъ протекаетъ въ бытіи.

Все распадается, все вновь смыкается; вѣчно воздвигается все тотъ же домъ бытія. Все разстается, все вновь встрѣчается; вѣчно остается вѣрнымъ себѣ кольцо бытія.

Въ каждомъ мгновеніи зарождается бытіе; вокругъ каждого „здѣсь“ обращается „тамъ“. Середина повсюду Кривая—это стезя вѣчности“.

Вотъ мы ясно представили и третью философскую фазу Ницше въ ея внутренней и систематической связи, какъ этого еще никто не сдѣлалъ, а теперь намъ надлежитъ пробнымъ камнемъ испытать ея состоятельность.

1. Міросозерцаніе Ницше въ его третьемъ періодѣ основывается, какъ мы видѣли выше, на существенномъ въ жизни, собственно на здоровьѣ, по которомъ онъ больно тосковалъ, такъ какъ очень часто долженъ былъ претерпѣвать его недостатокъ. А значеніе существеннаго въ жизни для него имѣлъ „инстинктъ роста, прочности, накопленія силъ, инстинктъ власти“. Да, жизнь есть воля къ власти; ибо, говоритъ Ницше, гдѣ я находилъ жизнь, тамъ я находилъ волю къ власти“. Поэтому, по его мнѣнію, жизнь состоитъ въ постоянной борьбѣ и безпрестанномъ преодоленіи.

Это принципиальное пониманіе жизни для Ницше было за разъ и основнымъ принципомъ его міросозерцанія; ибо на немъ покоится вся его философія въ его послѣдней фазѣ развитія. Спрашивается теперь, согласно ли съ истиной и дѣйствительностію это пониманіе жизни?

¹⁾ Zarathustra, W. W. VI, 321.

На это мы отвѣтимъ: только отчасти согласно, но не вполне. Въ самомъ дѣлѣ, если влеченіе къ росту и существуетъ въ жизни, то все же оно не постоянно; ростъ не господствуетъ на всемъ продолженіи здоровой жизни, но онъ продолжается только въ извѣстное время, пока существо не достигнетъ высшей точки своего развитія; тогда онъ ослабѣваетъ и прекращается, хотя бы еще и не наступила болѣзнь.

То же самое слѣдуетъ сказать и о „накопленіи силъ“: и это послѣднее продолжается не во все теченіе здоровой жизни, но только въ извѣстное время. Значитъ, накопленіе силъ также не составляетъ сущности жизни.

Что же касается затѣмъ ницшеанскаго основнаго понятія жизни, какъ „воли къ власти“, то и это понятіе отнюдь не свободно отъ возраженій. Дѣло въ томъ, что Ницше употребилъ здѣсь слово „воля“ въ широкомъ смыслѣ. Но, согласно общепринятому словоупотребленію, подъ волей „слѣдуетъ“ понимать только сознательное стремленіе существа къ цѣли“. Но такое стремленіе, согласно нашему опыту принадлежитъ только человѣку между земными существами, а остальнымъ живымъ существамъ оно не принадлежитъ. Тѣмъ не менѣе, подобно своему учителю Шопенгауеру, Ницше приписываетъ волю всѣмъ живымъ существамъ безъ исключенія, стало быть, и растеніямъ и животнымъ, рассматривая уже просто всякое смутное влеченіе, какъ волю.

Но все это, очевидно, ни съ чѣмъ несообразно и недопустимо. Да, прежде Ницше самъ понималъ это и порицалъ Шопенгауера, а теперь онъ впадаетъ въ ту же самую ошибку. И замѣчательно! спустя нѣсколько лѣтъ у него еще разъ произошелъ переворотъ въ этомъ отношеніи: тутъ воля обратилась у него уже въ простое слово! Въ сочиненіи: „Сумерки кумировъ“ онъ говоритъ: „важныя послѣдствія вытекаютъ изъ коренной ошибки, будто воля есть нѣчто дѣятельное, будто воля есть способность... Теперь мы знаемъ, что она есть простое слово,¹⁾ Сперва, слѣдовательно, воля имѣла у него значеніе воли и вмѣстѣ съ тѣмъ воли къ власти, какъ нѣчто

¹⁾ Götzendämmerung (1889). W. W. VIII, 80.

высшее и выдающееся по своему значенію на землѣ, и прямо таки, какъ міровой принципъ, а нѣсколько лѣтъ спустя она стала для него „простымъ словомъ“!

Здѣсь открывается опять обычное непостоянство Ницше даже въ его основныхъ взглядахъ. Безспорно, поэтому прекрасно говоритъ J. E. v. Grothhus: Ницше—перемѣнчивъ, какъ море, бесконечно непостояненъ, какъ море, опасенъ, какъ море. Поэтому не довѣрайся вѣроломному, а только вѣрному! ¹⁾). Кажется, будто съ его глубокаго дна блещутъ въ золотѣ зубцы и башни потонувшихъ царственныхъ городовъ. Но это только художественный обманъ, только отрадное видѣніе ²⁾).

2. И дальвѣйшее пониманіе Ницше относительно сущности жизни односторонне и, по крайней мѣрѣ, не вполне справедливо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и извлекаемая изъ него слѣдствія. Такъ, на примѣръ, онъ говоритъ: „жизнь есть въ существѣ дѣла присваиваніе, поврежденіе, порабощеніе чужого и болѣе слабаго, угнетеніе, жестокость, навязываніе собственныхъ формъ, присоединеніе и по меньшей мѣрѣ эксплуатація“ ³⁾). „Эксплуатація присуща всему живому, какъ органическая основная функція; она есть слѣдствіе настоящей воли къ власти, а эта послѣдняя есть воля къ жизни“ ⁴⁾).

На это слѣдуетъ возразить: организмъ, во всякомъ случаѣ, воспринимаетъ въ себя матеріалы извнѣ для поддержанія жизни и усваиваетъ ихъ себѣ. Но черезъ то матеріалы не портятся и не лишаются силы, они не попираются и не расхищаются, но, напротивъ, получаютъ черезъ это усвоеніе живымъ организмомъ высшую форму бытія, чѣмъ они имѣли прежде.

И Ал. Риль въ этомъ отношеніи вѣрно возражаетъ Ницше: жизнь состоитъ не только изъ борьбы, распри и измѣны; основной характеръ ея составляютъ согласіе, гармонія функцій, объединенныхъ для общей цѣли или успѣха ⁵⁾).

Равнымъ образомъ, J. E. v. Grothhus удачно замѣчаетъ: „Почему находятъ признаки жизни именно въ понятіяхъ

¹⁾ Да и себѣ самому Ницше былъ вѣренъ въ одномъ только—въ невѣрности.

²⁾ J. E. v. Grothhus, Probleme u. Charakterköpfe. Stuttgart, A. 8, S. 33.

³⁾ Jenseits, 229 f.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ A. Riehl, Fr. Nietzsche, Der Künstler und der Denker; A. 2, 1898, S. 97.

борьбы и насилия, которыя къ тому же можно примѣнять только къ царству животныхъ? Почему съ такимъ же правомъ не находить принципа жизни въ гармоническомъ содѣйствіи, въ страстномъ стремленіи другъ къ другу? Борьба и насиліе суть субъективныя и прикрашенные понятія; противоположность имъ составляютъ нравственные достоинства: миръ и самоотреченіе. Мы въ правѣ говорить только о движеніи силъ, о сближеніи и сліяніи вещей для произведенія новыхъ формъ и явленій. Но гдѣ въ природѣ появляются эти движенія и сближенія въ качествѣ исключительно звѣрскаго стремленія къ разрушенію и порабощенію? Не наблюдаемъ ли мы такъ ясно въ природѣ противоположный принципъ пощады, сохраненія, рачительнаго ухода и помощи? Пусть меньшее животное подвергается преслѣдованію со стороны большаго; но поэтому будетъ ли состоять его назначеніе исключительно въ томъ, чтобы служить кормомъ для большаго животнаго. Какъ тотъ родъ, такъ и этотъ не получилъ ли свое бытіе и свое право на бытіе отъ одной и той же творческой силы, напримѣръ, малѣйшее насѣкомое наряду съ величайшимъ хищнымъ животнымъ? Нѣкоторыя породы надѣлены способностію поддѣлываться подъ окраску своей окрестности и ускользаютъ вслѣдствіе этого отъ глаза преслѣдователя. Что иное, какъ не принципъ пощады и защиты природа сама противопоставила принципу разрушенія, какъ уравновѣшивающую силу?

Принципъ жизни находитъ свое побѣдоносное, наиболѣе типичное выраженіе въ рожденіи, въ сохраненіи и передачѣ жизни. Но кто могъ бы разсматривать рожденіе, какъ борьбу и порабощеніе? Не скорѣе ли слѣдуетъ разсматривать его, какъ взаимную преданность, какъ пылкое обоюдное объятіе и сліяніе другъ въ другъ¹⁾? Итакъ, все это противорѣчитъ тому, что Ницше выдалъ за сущность жизни!

А потомъ слѣдуетъ помнить, что Ницше всегда имѣетъ въ виду только физическую жизнь и отсюда извлекаетъ свои заключенія о человѣкѣ и его культурѣ. Но человѣкъ въ дѣйствительности не только тѣлесное, но и духовное существо, и именно послѣдняя природа составляетъ специфическую, от-

1) J. E. v. Grotthuis, a. a. O. S. 34.

личительную, а потому и преимущественно важную его особенность. Теперь, конечно, и духовной жизни человѣка свойственны „присвоеніе“ и „усвоеніе“ чужого. Дѣйствительно, и духъ нуждается для своего развитія и образованія въ возбужденіи и матеріалѣ извнѣ и получаетъ его посредствомъ обученія, обращенія съ другими людьми и чтенія. Но въ то время какъ человѣческій духъ заимствуетъ отъ другихъ мысли и чувства и дѣлаетъ ихъ своими, онъ вслѣдствіе этого не похищаетъ ихъ и не вредитъ другимъ, такъ какъ обучающій и воспитатель ничуть не теряетъ чего нибудь черезъ сообщеніе своихъ мыслей и чувствъ другимъ, какъ это бываетъ при физической и тѣлесной передачѣ, — но напротивъ, благодаря обученію и разговору онъ испытываетъ приливъ возбужденія и подъемъ въ своей собственной душевной жизни. Отсюда слѣдуетъ, что духовная жизнь существенно отличается отъ физической органической жизни. Непониманіе этого было главной ошибкой Ницше, откуда у него вытекаетъ рядъ ложныхъ слѣдствій; ибо изъ ложнаго принципа вытекаютъ, понятное дѣло, и превратныя слѣдствія.

3) Далѣе, по Ницше, жизнь въ природѣ стремится къ дальнѣйшему и высшему образованію. Она началась съ простѣйшихъ, самыхъ низкихъ формъ бытія, осилила ихъ съ теченіемъ времени и вступила въ высшія формы бытія. Затѣмъ она осилила и ихъ и стала подниматься еще выше и выше: отъ различныхъ родовъ растений до порога царства животныхъ, до перво-животнаго, и отсюда до высшихъ породъ обезьянъ, изъ которыхъ затѣмъ путемъ полового подбора мало-по-малу развился человѣкъ, и конечно, сперва въ примитивномъ состояніи: грубый, неразвитой естественный человѣкъ. Затѣмъ, и этотъ послѣдній возвышался до культурнаго человѣка, который въ свою очередь прошелъ различныя степени образованія. Изъ культурныхъ людей потомъ выдвигаются „высшіе люди“, а изъ этихъ послѣднихъ, по Ницше, въ будущемъ долженъ возникнуть „сверхчеловѣкъ“. Итакъ, міросозерцаніе Ницше всецѣло основывается на ученіи Дарвина объ эволюціи, которое Ницше просто продолжаетъ въ антропологической области.

Но какова твердость и крѣпость фундамента, на которомъ покоится философія Ницше? Проченъ ли онъ и надеженъ ли?

Отнюдь нѣтъ! Въ самомъ дѣлѣ, ученіе Дарвина есть теорія, вовсе недоказанная неопровержимыми основаніями, но только гипотеза, въ которой, на первый взглядъ, иное сказано хорошо, но, по ближайшемъ разсмотрѣніи, не имѣетъ доказательной силы, какъ я показалъ въ своемъ сочиненіи: „Der Triumph der christlichen Philosophie am Ende des 19 Jahrhunderts“ (S. 224—235). Такъ какъ, значить, ученіе Дарвина само утверждается на слабыхъ основахъ, то и міросозерцаніе Ницше, опираясь на него, также имѣетъ слабыя основанія.

Ницше стремился въ своей философіи именно къ тому, чтобы, на сколько возможно, возвысить человѣка, возвысить его даже надъ теперешнимъ уровнемъ человѣческаго рода. Онъ чувствовалъ себя вынужденнымъ къ этому по основаніямъ двоякаго рода: во-первыхъ, въ силу своей вѣры, будто это—всеобщая тенденція мірового развитія, будто въ этомъ заключается „смыслъ земли“; во-вторыхъ, вслѣдствіе мнѣнія, будто человѣчество послѣдняго времени въ культурномъ отношеніи на самомъ дѣлѣ идетъ назадъ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ.

Но Ницше впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ самомъ дѣлѣ, если дѣйствительно основная тенденція мірового развитія и собственно „смыслъ земли“ заключается въ томъ, что человѣчество все дальше прогрессируетъ, и изъ него образуется высшій, болѣе совершенный, типъ, и если все въ мірѣ, какъ и Ницше допускаетъ, совершается съ необходимостію, такъ что нѣтъ мѣста свободѣ, въ такомъ случаѣ невозможно, чтобы современное человѣчество въ культурномъ отношеніи шло къ упадку. Оно должно, волей или неволей, прогрессировать и подниматься выше, и совершенно напрасно Ницше черезчуръ горячился по этому поводу. Если же допустимъ, что, дѣйствительно, современное человѣчество, какъ думаетъ Ницше, въ культурномъ отношеніи клонится къ упадку,—въ такомъ случаѣ, или невѣрно, что существуетъ его прогрессивное развитіе, „смыслъ земли“, или же нужно допустить, что развитіемъ человѣчества управляетъ не простая необходимость, что напротивъ въ немъ обнаруживается и свобода воли. Слѣдовательно, противорѣча себѣ самому въ этихъ ос-

новныхъ пунктахъ своего міросозерцанія, Ницше могъ вращаться, какъ ему угодно, но вмѣстѣ съ этимъ онъ испровергаетъ ихъ.

4) Теперь, что касается „высшихъ людей“ Ницше, которые должны образовать посредствующія ступени между заурядными людьми и сверхчеловѣкомъ, то въ общемъ нельзя возражать противъ того, что онъ предъявляетъ къ людямъ такое требованіе; ибо они по преимуществу носители культуры и піонеры въ ея усовершенствованіи и распространеніи. И Ницше справедливъ, рѣшительно выступая противъ республикански-демократической огульной нивелировки въ человѣческомъ обществѣ; ибо люди на самомъ дѣлѣ въ значительной степени различаются другъ отъ друга какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, а потому различаются и въ своихъ дѣйствіяхъ, вслѣдствіе чего высшій и низшій порядокъ между ними вполне умѣстенъ.

Но Ницше и здѣсь, какъ прежде, заходитъ въ своихъ воззрѣніяхъ и притязаніяхъ слишкомъ далеко, устанавливая между одними людьми и другими до безграничности различный порядокъ и проводя между ними пропасть. Вслѣдствіе этого онъ впадаетъ въ свою старую коренную и главную ошибку: преувеличеніе,—и черезъ это преувеличеніе дѣло принимаетъ ложное положеніе, а равно становятся ложными и заключенія, извлекаемыя изъ него. Дѣйствительно, при всѣхъ различіяхъ въ естественныхъ способностяхъ и степеняхъ образованія, между людьми на самомъ дѣлѣ нѣтъ такой глубокой и широкой пропасти, какъ полагаетъ Ницше. Въ сущности они всѣ—одни и тѣ же люди, и между ними различіе только въ степени.

Поэтому неумѣстно и презрѣніе Ницше къ простому народу, выразившееся, напримѣръ, въ такихъ словахъ: „Народъ есть не болѣе, какъ окольный путь природы, ведущій въ шести, семи людямъ, да и то съ цѣлію миновать ихъ“¹⁾. Говоримъ, такія выраженія неумѣстны, ибо если въ народѣ и есть много всякаго сброду, то все же народъ, особенно въ деревнѣ, заключаетъ еще здоровое, природное зерно, что подтвердитъ всякій, кто долго обращался съ народомъ дружески и гуманно.

¹⁾ Jenseits, S. 95.

Да и самъ Ницше допускаетъ это, какъ видно изъ его словъ: „возможно, что въ народѣ, въ простомъ народѣ, именно между крестьянами, найдется, въ нѣкоторомъ смыслѣ, гораздо болѣе совершенства во вкусѣ и тактичной скромности, чѣмъ въ полунинтеллигентномъ свѣтѣ, читающемъ газеты,—у образованныхъ“¹⁾. Въ этомъ и на самомъ дѣлѣ я убѣждался много разъ. Стало быть, нельзя такъ презирать народъ; за исключеніемъ его подонковъ, какъ дѣлаетъ Ницше. Конечно, нѣтъ спору, что здоровое зерно народа подвергается все большей и большей порчѣ; особенно становятся рѣдкими простота, бережливость, умѣренность и вѣрность, по мѣрѣ распространенія „новой образованности“, которая, имѣя очень много хорошаго, заключаетъ въ себѣ немало и темныхъ сторонъ. Это—плачевное послѣдствіе огульной нивеллировки,—Ницше съ полнымъ правомъ рѣзко ее осуждаетъ,—именно той нивеллировки, которую создало наше „демократическое время“, часто стремящееся быть „партернымъ“,—черта, доходящая даже до крайностей, выражающаяся въ одеждѣ, поведеніи, въ образѣ жизни, во всемъ. Я считаю заслугой Ницше энергичную борьбу противъ этого „коммунизма“ и „тривиализма“, какъ я могъ бы назвать черту, о которой идетъ рѣчь.

б) Что касается затѣмъ взгляда Ницше на философовъ, вѣрно то, что они не должны быть „простыми работниками“ въ наукѣ, въ качествѣ историковъ и экзегетовъ въ области философіи. Правда, эти ученые оказываютъ философіи хорошія услуги, но они не подвигаютъ впередъ разрѣшенія великой проблемы знанія.—Еще менѣе „простые скептики“ могутъ быть настоящими философами, ибо они менѣе всего способствуютъ мудрости. Но настоящіе философы не должны быть и „простыми критиками“, такъ какъ рѣзкая отрицательная критика не даетъ ничего положительнаго, и умъ не удовлетворяется ею. Поэтому Ницше справедливо требуетъ отъ настоящаго философа гораздо большаго: именно положительной производительности.

Но и здѣсь въ своей требовательности онъ заходитъ слишкомъ далеко, претендуя на то, чтобы истинные философы бы-

¹⁾ Jenseits, S. 242.

ли „законодателями“, которые только опредѣляли бы предназначение и цѣль человѣка; ибо „ихъ познаніе, по Ницше, есть творчество, ихъ творчество—законодательство и ихъ стремленіе къ истинѣ—есть воля къ власти“¹⁾.

Тутъ Ницше опять впалъ въ свою обычную погрѣшность преувеличенія и утверждалъ неправду; ибо чего онъ здѣсь требуетъ отъ истинныхъ философовъ, того имъ невозможно сдѣлать, потому что это вообще выше человѣческой силы и находится во власти Божіей. Поскольку не во власти философа происхожденіе людей, хотя бы онъ былъ и величайшимъ, постольку же, конечно, не въ его силахъ окончательно опредѣлять ихъ назначеніе и цѣль. Онъ не можетъ распоряжаться человѣческой природой, такъ какъ онъ не верховный владыка ея.

Далѣе, и познаніе его отнюдь не творчество въ собственномъ смыслѣ слова; только божественное мышленіе имѣетъ такое свойство: ибо человѣкъ—даже и самый знаменитый философъ—не можетъ творить истины, а равнымъ образомъ, субстанціи и законовъ, но онъ можетъ изслѣдовать только существующія истины и достигать пониманія ихъ. И даже это не вполне ему доступно; ибо такъ какъ мы не абсолютныя существа, а только относительныя, то мы имѣемъ и познаніе только относительное, какъ показываетъ ежедневный опытъ, ограниченное познаніе, или, какъ говоритъ апостоль Павелъ, „мы отчасти знаемъ“. Въ этой непреложной дѣйствительности ничего не могъ измѣнить и Ницше и раньше его Гегель, который также хотѣлъ подняться до творческаго мышленія. Только при своей мечтательной фантазіи и въ громкихъ словахъ Ницше могъ поставить въ отношеніи къ философамъ такія высокія требованія, которымъ въ дѣйствительности никто не можетъ удовлетворить.

6) Точно также дѣло обстоитъ и съ сверхчеловѣкомъ Ницше. Какъ животное развилось изъ растенія, и изъ животнаго, собственно обезьяны, развился человѣкъ: такъ и изъ человѣка, по Ницше, долженъ возникнуть сверхчеловѣкъ; ибо „человѣкъ есть нѣчто такое, что должно уступить мѣсто высшему“; „сверхчеловѣкъ есть смыслъ земли“²⁾.

¹⁾ Jenseits, S. 154.

²⁾ Zarathustra, W. W. VI, 13.

Да, говорю я, если бы истинно было учение Дарвина о томъ, что всѣ виды и роды существъ мало-по-малу развились одинъ изъ другого и преобразовывались все дальше и дальше, въ такомъ случаѣ и Ницше былъ бы въ правѣ пророчествовать о сверхчеловѣкѣ и признавать появленіе его желательнымъ. Но тогда нельзя было бы понять, почему именно развитіе въ родѣ человѣческомъ должно на этомъ остановиться. Напротивъ, если ужъ такъ, то развитіе должно послѣдовательно идти и еще дальше, и послѣ сверхчеловѣка стремиться къ виду существъ еще болѣе высшему, чѣмъ сверхчеловѣкъ!

Мало того, развитіе должно подниматься еще дальше; но какъ далеко? Въ безконечность! Слѣдовательно, должно допустить безконечное развитіе вещей.

Но именно въ этомъ своемъ необходимомъ слѣдствіи теорія Дарвина терпитъ крушеніе. Почему? Потому что безконечное развитіе вещей было бы безконечнымъ развитіемъ конечнаго, но такое развитіе невозможно; ибо конечное не можетъ раскрываться въ безконечное, такъ какъ оно иначе должно стать безконечнымъ, чего быть не можетъ. Поскольку относительное бытіе не можетъ когда либо стать абсолютнымъ; постольку же и конечное бытіе не можетъ когда либо стать безконечнымъ. Такъ, слѣдовательно, гипотеза Дарвина опровергается своими собственными слѣдствіями.

Что касается далѣе собственно развитія и возвышенія человѣка на степень сверхчеловѣка, то самъ даже Ницше противорѣчитъ этому положенію, понятное дѣло, не замѣтивъ этого. Какъ такъ! Да вѣдь онъ постоянно съ особеннымъ удареніемъ заявлялъ, что современное человѣчество находится въ состояніи упадка. Если же это вѣрно, то какъ можетъ изъ него возникнуть сверхчеловѣкъ? Этотъ послѣдній можетъ образоваться только подъ условіемъ сильнаго подъема человѣческаго рода. Но если человѣчество въ дѣйствительности, какъ утверждаетъ Ницше, идетъ подъ гору вмѣсто того, чтобы подниматься вверхъ, тогда относительно возникновенія сверхчеловѣка дѣло обстоитъ дурно. Согласно этому, сверхчеловѣкъ имѣетъ мало или очень немного шансовъ на свое появленіе.

Да и самъ даже Ницше понималъ невозможность этого воз-

никновенія еще незадолго предъ составленіемъ своего сочиненія—„Заратустра“, въ которомъ онъ предсказывалъ о появленіи сверхчеловѣка. Такъ, въ своемъ сочиненіи: „Утренняя заря“ онъ говоритъ: „далеко ли предстоитъ человѣчеству развиваться? Быть можетъ, оно станетъ въ концѣ концовъ ниже, чѣмъ вначалѣ: для него нѣтъ перехода въ высшій порядокъ, все равно какъ муравей и улитка въ концѣ своего „земного пути“ не становятся ближе къ Божеству и къ вѣчности“¹⁾.

Ученіе Нидше о сверхчеловѣкѣ, очевидно, находится въ прямомъ противорѣчій съ этимъ образомъ мыслей.

7) Подобный же отрицательный результатъ относительно сверхчеловѣка явствуетъ и изъ закона способностей. Этотъ законъ въ сущности не что иное, какъ спеціальная форма закона причинности; онъ гласитъ: высшее можетъ развиваться изъ низшаго только тогда, когда оно въ немъ заключается въ скрытомъ видѣ. Что истина этого принципа неоспорима, это ясно слѣдуетъ изъ слѣдующаго соображенія: если мы не допустимъ этого принципа, то должны допустить, что изъ ничего можетъ произойти что нибудь, а вслѣдствіе этого излишекъ, свойственный высшему въ сравненіи съ низшимъ, не имѣлъ бы причины. Но это невозможно; ибо все, что дѣлается или дѣлалось, должно имѣть причину, согласно безусловному требованію закона причинности. Слѣдовательно, и излишекъ, являющійся въ высшемъ вслѣдствіе развитія, долженъ имѣть причину. И эта причина можетъ заключаться по существу дѣла только въ сокровенныхъ способностяхъ низшаго, изъ котораго развивается высшее. Въ самомъ дѣлѣ, если внѣшнія воздѣйствія имѣютъ мѣсто при всякомъ развитіи, то все же одни только они не могутъ быть производящей причиной высшаго, такъ какъ невозможно, чтобы внѣшнія воздѣйствія могли создать въ природѣ какого либо существа совершенно новыя свойства, которыхъ они сами не имѣютъ. Поэтому, путемъ внѣшняго воздѣйствія нельзя развить или воспитать свойствъ въ природѣ какого бы то ни было существа, если оно не имѣло въ себѣ соотвѣтствующихъ способностей²⁾.

¹⁾ Die Morgenröte, S. 44.

²⁾ Сравни. мое сочиненіе: „Der Triumph der christlichen Philosophie, 1900, S. 238.

Но теперь сверхчеловѣкъ, по Ницше, долженъ, обладать специфически высшими свойствами природы, чѣмъ теперешній человѣческій родъ, изъ котораго онъ долженъ произойти. Спрашивается: откуда онъ ихъ получить?

Путемъ воссоединенія съ теперешнимъ человѣческимъ родомъ, думаетъ Ницше.

Но кто же долженъ ввести ихъ въ общеніе съ человѣческимъ родомъ? Естественно, сами люди, такъ какъ вѣдь, въ противномъ случаѣ, некому было бы это сдѣлать.

Посему, стало быть, сами люди должны развивать въ своей природѣ специфическія высшія свойства, чѣмъ какія они имѣли вѣреде! Но откуда они возьмутъ ихъ, остается развѣ лишь украсть ихъ? Да и послѣднее не годилось бы въ данномъ случаѣ, такъ какъ эти свойства вѣдь еще не существовали бы.

Слѣдовательно, ничего другого не остается, какъ только создать ихъ.

Однако откуда, человѣку добыть силу „творчества“, то-есть, неограниченной производительности? До сихъ поръ онъ, какъ относительное, конечное существо, не имѣлъ этой силы, и онъ не будетъ ее имѣть, пока остается относительнымъ, конечнымъ существомъ. Неограниченная производительность, или—что то же—„творчество“, безусловно свойственны только всесовершенному существу. Но такъ какъ человѣкъ, будучи относительнымъ и ограниченнымъ по своей природѣ, никогда не можетъ стать совершеннымъ существомъ, то онъ не въ состояніи когда либо достигнуть неограниченной производительности, или творчества, и потому, никогда не можетъ выработать въ своей природѣ, свойствъ, которыя стоятъ выше его природы. Слѣдовательно, онъ никогда не можетъ переродиться въ сверхчеловѣка въ смыслѣ Ницше. Да и самъ Ницше вовсе не бойко выполнилъ эту выдумку. По этому и его сверхчеловѣкъ не что иное, какъ простая фикція, чистая фантазмгорія, которая никогда не осуществится, потому, что человѣкъ не можетъ этого осуществить.

Итакъ, предсказаніе Ницше о сверхчеловѣкѣ одна лишь вода, какъ и другое предсказаніе изъ его „вѣщихъ“ устъ. Какое же именно? Ницше, какъ извѣстно, твердо вѣрилъ, и съ

особенной настойчивостью высказалъ, что вслѣдствіе его новой философіи въ возрѣніяхъ человѣчества произойдетъ въ нѣсколько лѣтъ великій переворотъ. По этому поводу 20 ноября 1888 года онъ писалъ своему другу Брандесу: „клянусь вамъ, что черезъ два года у насъ земля будетъ въ конвульсіяхъ. Я—злой рокъ ¹⁾“. Но какъ во многомъ другомъ, такъ и въ этомъ Ницше, къ счастью, сильно обманулся. И какъ не наступила предсказанная имъ здѣсь всеобщая революція идей, такъ не появится предвозвѣщенный имъ сверхчеловѣкъ.

8) Итакъ, согласно вышеприведеннымъ соображеніямъ, ницшеанскій сверхчеловѣкъ есть простая фантазмагорія. И эта чистая фикція должна быть, согласно нашему философу, для людей новѣйшаго времени замѣною умершаго Божества. Полный воодушевленія, онъ взываетъ: „ну! ладно! Вы высшіе люди! Теперь окружите только гору человѣка будущаго. Божество умерло: теперь мы хотимъ, чтобы жилъ сверхчеловѣкъ“ ²⁾.

Но спрашивается прежде всего, дѣйствительно ли Богъ умеръ? Почему въ сознаніи Ницше Онъ умеръ?—Послушаемъ его „широковѣщательнаго“ слова!

„Я вполнѣ открою вамъ, друзья, мое сердце: если есть боги, то какъ я могъ бы утверждать, что нѣтъ Бога! Слѣдовательно, нѣтъ боговъ“ ³⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, у Ницше это въ высшей степени достопримѣчательныя выраженія! Они вполнѣ характеризуютъ его особу и его философствованіе. Этотъ человѣкъ, слѣдовательно, не утверждалъ бы, что нѣтъ Бога, если бы боги были! Это поистинѣ настроеніе злополучнаго Люцифера: величайшее высокомеріе, какое можно себѣ представить.

Далѣе, поелику Ницше не могъ бы, по его мнѣнію, утверждать, что нѣтъ Бога, если бы Онъ былъ, то, значитъ, нѣтъ боговъ!—Это великолѣпное доказательство противъ бытія Бога. Во всякомъ случаѣ, это—новѣйшая логика новѣйшей философіи. Этой аргументаціей, конечно, никто не можетъ уничтожить мысль о Богѣ, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи еще сколько нибудь разумнаго, человѣка и Ницше долженъ въ силь-

¹⁾ Brandes. Menschen u. Werke, S. 228.

²⁾ Zarathustra, W. W. VI, 417.

³⁾ Zarathustra, 128.

ной степени страдать скоротечной чахоткой мозга и ума, если онъ осмѣливается посредствомъ такихъ доказательствъ убѣждать въ небытіи Бога. Однако такихъ жалкихъ декадентовъ есть на самомъ дѣлѣ слишкомъ много между „образованными“ въ духѣ новаго времени, „полуобразованными“ и „образованными на всякіе лады“.

И дальнѣйшее основаніе Ницше относительно небытія Бога точно такъ же ничтожно, какъ вышеупомянутое. Вотъ какъ онъ разсуждаетъ.— „Если бы было высочайшее существо, если бы былъ Богъ—все равно въ какой формѣ,—то міръ теперь былъ бы заключенъ въ твердыя и неизблемыя рамки и разъ навсегда законченъ, и людямъ въ мірѣ ничего не оставалось бы дѣлать“. Вотъ почему Ницше спрашиваетъ: „что можно было бы творить, если бы были боги?“

Отсюда онъ извлекаетъ слѣдующее заключеніе, чтобы люди могли еще что нибудь дѣлать въ мірѣ, для этого не должно быть Бога. Слѣдовательно, нѣтъ Бога и боговъ.

Этотъ аргументъ противъ бытія Бога, очевидно, такъ же основателенъ, какъ и предыдущій и подходитъ подъ тѣ же самыя рамки. Итакъ, Ницше думаетъ, что если есть Богъ, въ такомъ случаѣ міръ былъ бы уже теперь заключенъ въ твердыя и неизблемыя рамки и разъ навсегда законченъ. Спрашивается: такъ ли это? Почему міръ не долженъ развиваться, если существуетъ Богъ? Это ничуть непонятно. Какъ будто Богъ составляетъ границу міра! Однако это неизвѣстно нашему философу. Поэтому мы утверждаемъ, что есть Богъ и что тѣмъ не менѣе существуетъ развитіе міра, а также человѣка: одно съ другимъ находится въ полномъ согласіи.

И если Ницше полагаетъ дальше, что для человѣка ничего болѣе не оставалось бы дѣлать при существованіи Бога, то это—взглядъ вполне неосновательный. Въ самомъ дѣлѣ, „творить“ въ собственномъ смыслѣ слова человѣкъ вообще не можетъ, какъ уже было отмѣчено, разъ ему не дано это отъ Бога. Напротивъ, творить въ смыслѣ созданія образовъ и переработки вещей—это человѣкъ вполне можетъ и долженъ, хотя Богъ и есть. Да, человѣкъ можетъ и долженъ сотрудничать въ развитіи міра и становиться все болѣе господиномъ

природы, или собственно земли. Въ этомъ Богъ менѣе всего ему препятствуетъ; напротивъ, Онъ даже вмѣнилъ ему это въ качествѣ культурной задачи.

Слѣдовательно, основанія Ницше противъ бытія Бога лишены какой бы то ни было основательности.

Далѣе, какую чудную замѣну, вмѣсто мнимо умершаго Божества, Ницше предлагаетъ въ своемъ сверхчеловѣкѣ всѣмъ потерпѣвшимъ крушеніе въ религіи!

Прежде всего этотъ новѣйшій, наиболѣе современный, богъ въ дѣйствительности вовсе еще не живетъ, но существуетъ только въ фантазіи своего виновника, гдѣ ему предоставлена уютная жизнь. Но если онъ выйдетъ изъ своей фантастической тихой жизни, что, къ счастью никогда не случится,—тогда онъ окажется лютейшимъ тираномъ, какой когда либо былъ на землѣ. „Жестокость, насиліе, рабство... дьявольщина всякаго рода, все злое, ужасное, тираническое, животное-хищническое и змѣиное“,—все это образуетъ его свиту.

И неужели люди должны вѣрить въ этого Молоха—сверхчеловѣка, какъ въ высшее для нихъ существо, должны надѣяться на него, любить его отъ всей души, должны приносить себя ему въ жертву, служить ему въ качествѣ рабовъ? Итакъ, вотъ что должно быть новѣйшей религіей!

Спрашивается: кто будучи хоть сколько нибудь разумнымъ, позволитъ себѣ принять такую религію? Я твердо убѣжденъ: пророкъ Ницше найдетъ мало послѣдователей для своей новѣйшей религіи. Теперь за нимъ слѣдуетъ только крошечное стадо, но и это, спустя нѣкоторое время, заблудится.

Ницше сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы принялъ во вниманіе знаменательное изреченіе Наполеона I, котораго онъ весьма почиталъ. Дѣло было сто лѣтъ тому назадъ. Когда посоль англійскаго министра Питта старался уговорить Наполеона, чтобы онъ создалъ во Франціи религію по своему собственному усмотрѣнію,—Наполеонъ сказалъ ему: „что? создать религію! Кто желаетъ создать религію, тому должно взойти на Кальварійскую гору; но этого я не намѣренъ сдѣлать ¹⁾“

¹⁾ См. мое сочиненіе: „Кардиналъ Консалви; жизнь и характеристика великаго министра папы Пія VII“, 1899, S. 78.

9) Сказанное о новѣйшей ницшеанской религіи подтверждается еще болѣе, если мы примемъ въ соображеніе взгляды Ницше на мораль.

Что касается прежде всего происхожденія морали, то оно заключается, по Ницше, не въ чемъ либо внѣ человѣка, не въ божественной волѣ, но въ самомъ человѣкѣ, въ его инстинктѣ. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Ницше, всѣ наши поступки, волевые акты и мысли происходятъ собственно изъ нашихъ инстинктовъ, и эти инстинкты всѣ вмѣстѣ можно въ концѣ концовъ свести къ одному основному инстинкту: „волѣ къ власти“. Если человѣкъ, напримѣръ, стремится къ добродѣтели, истинѣ или искусству, то дѣлаетъ это вслѣдствіе естественнаго влеченія, которое, въ цѣляхъ своего удовлетворенія, побуждаетъ его къ извѣстнымъ поступкамъ и глубочайшее, мощное побужденіе къ этому есть воля къ власти.

Такъ и мораль, говоритъ Ницше, которую часто понимаютъ въ качествѣ божественнаго откровенія, въ дѣйствительности только „человѣческое изобрѣтеніе“ удовлетворенія определенному инстинкту. Инстинкты человѣческой природы—это главная причина нравственности. Человѣческая природа—единственный источникъ какъ науки и искусства, такъ и морали¹⁾.

На это мы замѣтимъ: во всякомъ случаѣ и мораль покоится на существѣ человѣческой природы и именно на духовной природѣ, человѣка; ибо, всеобщіе нравственные законы, какъ и законы мышленія, врождены намъ, то есть, сосредоточиваются въ нашемъ существѣ. Но именно поэтому, вопреки Ницше, мораль не простое „человѣческое изобрѣтеніе“, какъ, напримѣръ, телеграфъ, слѣдовательно, не что либо внѣшнее для насъ, чуждое, но, напротивъ, поелику мораль коренится именно въ нашей природѣ, она составляетъ неотъемлемую принадлежность нашего существа.

И такъ какъ наше существо, будучи относительнымъ, подобно всѣмъ другимъ условнымъ существамъ, происходитъ отъ абсолютнаго существа, отъ Бога, то и присущій ему нравственный законъ и покоющаяся на немъ мораль—божественнаго происхожденія: онъ заключаетъ въ себѣ „божественное откровеніе“, какъ физическіе законы природы.

1) Сравн. Zarathustra, W. W. VI, 85 f.

Слѣдовательно, по моему мнѣнію, можно вполне примирить двѣ точки зрѣнія, которыя до сихъ поръ въ морали были діаметрально противоположны, именно: воззрѣнія морали автономной и гетерономной. Да, обѣ эти точки зрѣнія, согласно сказанному, вѣрны: мораль покоится на человѣческой природѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ основывается на божественномъ законѣ. Вотъ что можно сказать о происхожденіи морали.

10) Что касается содержанія морали, то, по Ницше, есть два основныхъ типа морали: мораль господъ и мораль рабовъ. Онѣ существенно различаются одна отъ другой, какъ и ихъ виновники: „господа“ и „рабы“, господствующіе, сильные и угнетенные, зависимые. Первоначально, по Ницше, была только мораль господъ, то есть, мораль знатныхъ, властителей, храбрыхъ, побѣдителей. Мораль рабовъ возникла только въ качествѣ противодѣйствія морали господъ, когда угнетенные превратили оцѣнки своихъ угнетателей просто въ противоположное. И Ницше называетъ это „стачкою рабовъ въ морали“. Стачка эта была начата впервые іудеями. Само собою разумѣется, Ницше считаетъ только мораль господъ настоящей, вѣрной и предпочтительной моралью; напротивъ, мораль рабовъ—достойной презрѣнія и низкой. Однако и эта послѣдняя мораль, согласно его мнѣнію, все еще умѣстна для заурядныхъ незначительныхъ людей, для массъ, для „слишкомъ многихъ“.

Итакъ, спрашивается теперь, правдоподобны ли эти взгляды Ницше на мораль или нѣтъ? Дѣйствительно ли существуетъ мораль двухъ родовъ, одна другой противоположная, и если это такъ, то имѣетъ ли она право на существованіе?

На это мы отвѣтимъ: безспорно слѣдуетъ допустить, что въ мірѣ были и есть люди, являющіеся представителями такого рода взглядовъ, которые не согласуются съ взглядами значительнаго большинства другихъ людей, но стоятъ въ противоположности другъ къ другу. Но изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ, что эти противорѣчающія другъ другу моральныя воззрѣнія имѣютъ и право на существованіе, какъ думаетъ Ницше. Если, дѣйствительно, человѣческое существо въ самомъ основаніи подверглось раздвоенію, то это только случайность.

Однако основной взгляд Ницше таков: „если есть люди, существенно различные другъ отъ друга, въ такомъ случаѣ должна быть и существенно различная мораль. И вотъ онъ воображаетъ, что между людьми существуетъ до безграничности различный порядокъ и пропасть“¹⁾. Поэтому онъ и допускаетъ, что имѣютъ право на существованіе два рода морали. Вотъ почему, по его мнѣнію, „общеобязательность морали причиняетъ ущербъ высшимъ людямъ“. Ему кажется несомнѣннымъ, что если по рангу одинъ человѣкъ отличается отъ другого, то и мораль ихъ отличается одна отъ другой.

Однако это заключеніе ложно, потому что оно покоится на ложной предпосылкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если и есть значительныя различія между людьми въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніи, то все-таки, какъ вообще учить опытъ, эти различія не представляютъ чего либо существеннаго; по существу же тѣлесно-духовная природа человѣка одна и та же у всѣхъ людей. Поразительнымъ доказательствомъ этого служить не только то, что всѣ люди и самыя различныя расы въ общемъ сходны другъ съ другомъ относительно тѣлеснаго устройства; сходство между ними существуетъ такъ же въ мыслительной дѣятельности и въ чувствахъ. Дѣйствительно, всѣ мыслятъ и чувствуютъ въ сущности по однимъ и тѣмъ же законамъ, а потому и всѣ должны въ существѣ дѣла переживать процессъ хотѣнія, а также производить оцѣнку поступковъ и вещей по однимъ и тѣмъ же законамъ, то есть, имѣть одну и ту же мораль.

Въ этомъ отношеніи и А. Риль справедливо замѣчаетъ противъ Ницше: „неоспоримо глубокія различія по рангу и нравственному достоинству людей заключаются въ самомъ понятіи „человѣчество“, а не внѣ его; посему существуетъ общечеловѣческая мораль, основанная на этомъ понятіи, или вѣрнѣе, можетъ и должна существовать“²⁾.

Поэтому ошибочны и слѣдствія, которыя Ницше извлекъ изъ своего означеннаго ложнаго принципа, въ особенности его взглядъ, состоящій въ томъ, „что обязанности слѣдуетъ наблюдать въ отношеніи къ равнымъ, а въ отношеніи къ ли-

¹⁾ Jenseits, S. 53.

²⁾ A. Riehl, a. a. O. S. 102.

цамъ низшаго класса можно поступать по благоусмотрѣнію, или, какъ подскажетъ сердце,—сюда можетъ относиться со-страданіе“. Но вопреки этому Риль удачно замѣчаетъ: „въ этой монополизациі права личности, которое равно подобаетъ какъ высшимъ, такъ и низшимъ, всякій человѣкъ, а въ особенности истинно благородный человѣкъ, усмотритъ противное благороднымъ навыкамъ, благородному образу мыслей“¹⁾).

То же самое слѣдуетъ сказать относительно дальнѣйшаго ученія Ницше: „Сущность всякой хорошей и здоровой аристократіи состоитъ въ томъ, что она считаетъ себя не функцией общаго дѣла, но его смысломъ и высшимъ оправданіемъ, что она съ покойной совѣстію принимаетъ жертву несмѣтнаго числа людей, которые ради ея должны уничтожаться и умаляться до состоянія полулюдей, рабовъ, орудій“.

По мнѣнію Ницше, это точно настоящая мораль „господъ“, или лучше сказать мораль „тирановъ“, но она не обнаруживаетъ подлинно благороднаго, высокаго образа мыслей.

И эта мораль опять находится въ прямомъ противорѣчій съ прежнимъ взглядомъ самого Ницше. Въ своемъ сочиненіи „Утренняя заря“ онъ съ особеннымъ удареніемъ заявляетъ: „справедливость должна стать выше всего. „Лучше погибнуть, чѣмъ ненавидѣть и бояться, и вдвое лучше погибнуть, чѣмъ причинять себѣ ненависть и боязнь“. „Жестокія и деспотическія натуры—отсталые люди, у которыхъ мозгъ не такъ тонко и многосторонне развитъ; они показываютъ намъ, какими мы были всѣ“²⁾).

Здѣсь Ницше оказывается опять въ самомъ рѣзкомъ противорѣчій съ самимъ собою; ибо у него то „жестокія, деспотическія натуры“ не что иное, какъ „отсталые люди“, то, напротивъ, они слывуть у него за „высшихъ людей“, и представителемъ ихъ служить даже „сверхчеловѣкъ“!

Дѣйствительно, если бы было вѣрно, будто „все доброе есть инстинктъ“³⁾ и будто человѣкъ тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе онъ развиваетъ въ себѣ деспотическихъ, воинственныхъ, власто-

¹⁾ A. Riehl, *ibidem*.

²⁾ *Morgenröte* Leipzig, 1887, S. 83. *Menschliches, Allzumenschliches*, W. W. II, 97.

³⁾ W. W. VIII, 93.

любивыхъ, жестокихъ, животво-хищническихъ инстинктовъ и отдается ихъ господству, въ такомъ случаѣ онъ былъ бы въ существѣ своемъ не чѣмъ инымъ, какъ задрапированнымъ, очень опаснымъ звѣремъ и вмѣсто того, чтобы возвыситься до истиннаго „сверхчеловѣка“, онъ ниспалъ бы до получеловѣка. Это было бы дѣйствительнымъ слѣдствіемъ ницшеанской „морали господъ“, слѣдовательно, совершенно противное тому, что, по его мнѣнію, она должна произвести ¹⁾).

11) Что касается затѣмъ пресловутаго выраженія Ницше— „стачка рабовъ въ морали“ при посредствѣ іудеевъ, то это— очень интересная, новая фраза, но ничуть не болѣе; ибо всемірная исторія ничего не знаетъ о такой революціи. Спрашивается, противъ какихъ же „господъ“ іудеи должны были въ древности возстать въ области морали? И дѣйствительно ли были древніе израильтяне отъ природы такими заурядно слабыми людьми, такими трусами, такими рабами по своему духовному складу, что они сдѣлались виновниками „морали рабовъ“? Напротивъ, не постоянно ли они боролись энергично и храбро противъ своихъ угнетателей и враговъ, несмотря на свое меньшинство? И не имѣетъ ли древне-іудейская исторія такъ много чудныхъ примѣровъ истинно героическихъ мужей и жень?

Далѣе спрашивается, дѣйствительно ли іудеи имѣли въ сущности иную мораль, чѣмъ остальные народы древности? Къ счастью, мы имѣемъ отъ наиболѣе замѣчательныхъ людей изъ іудеевъ ихъ древнѣйшія священныя писанія, какъ отъ индійцевъ Ригведу, отъ персовъ—Авесту, отъ вавилонянъ и ассириянъ клинообразныя надписи, отъ египтянъ іероглифы, которые знакомятъ насъ съ религіозными и нравственными воззрѣніями этихъ народовъ. Я изучалъ ихъ, но вовсе не нашелъ, чтобы они въ существенныхъ пунктахъ различались отъ морали іудеевъ ²⁾).

Поэтому Гроттусъ справедливо говоритъ.— „Въ дѣйствитель-

¹⁾ Сравн. и сужденіе Е. Гартмана о ницшеанскомъ идеалѣ сверхчеловѣка въ его *Geschichte der Metaphysik*, 1900, B. II, S. 582.

²⁾ Сравн. мое сочиненіе: *Heidentum und Offenbarung; religionsgeschichtliche Studien über Berührungspunkte der ältesten heiligen Schriften der Inder, Perser, Babylonier, Assyrer und Aegypter mit der Bibel*. Mainz, Kirchenheim, 1878.

ности стачки рабовъ въ морали никогда не было. Ницшеанская эволюціонная—исторія морали—генеологическая сказка для обоснованія апріорныхъ пдѣй. Она построена на фантастическомъ обобщеніи случайно столкнувшейся противоположности, именно противоположности христіанской „морали рабовъ“ и римской „морали господъ“. Между обѣими этими силами, по Ницше, разразилась рѣшительная для всего міра борьба за мораль. Римъ, это монументальное зданіе, былъ взорванъ „христіанскимъ динамитомъ“. До сихъ поръ господствовала „мораль господъ“, потомъ „мораль рабовъ“.—А дохристіанскіе народы, по свидѣтельствамъ своихъ величайшихъ мыслителей и поѣтовъ? А индійцы? А греки? Или намъ кажется безнравственнымъ то, чему учатъ Будда, Сократъ, Платонъ? Правда, греки понимали моральныя обязанности уже, чѣмъ христіанство; имъ казалось, что они свободны отъ этихъ обязанностей въ отношеніи къ чужимъ народамъ. Ихъ альтруистическій идеалъ имѣлъ въ общемъ свои границы въ идеалѣ государства. Въ своемъ народѣ и поколѣвіи для нихъ воплощалось истинное челоѣчество... Но это было слѣдствіемъ тогдашней культуры, политическихъ и экономическихъ отношеній, и вовсе не нуждается для своего объясненія въ допущеніи возвышенной, вышеморальной силы воли и „благороднаго павеса равстоянія“. Греческая мораль не находилась въ принципиальной противоположности въ отношеніи къ нашей морали. Нашъ принципъ нравственности въ общемъ и имъ казался таковымъ же; только они думали съ своей культурной точки зрѣнія,—что должно наблюдать границы въ его примѣненіи. Между ихъ моралью и нашей существуетъ различіе только степени, развитія интеллекта, культуры,—не принципиальное различіе“¹⁾).

12) Прѣжняя мораль и прѣжняя религія, Богъ, свобода и безсмертіе, всѣ до сихъ поръ высшіе идеалы челоѣчества, думалъ Ницше, теперь мертвы для „высшихъ людей“. И Ницше искалъ для нихъ замѣны: вмѣсто прѣжней морали рабовъ онъ придумалъ мораль господъ, вмѣсто прѣжней религіи—новую религію, вмѣсто Бога—сверхчелоѣвка, вмѣсто относи-

¹⁾ J. E. v Grotthus, a. a. O. S. 36.

тельной свободы, доселѣ признававшей обязанности,—полную необузданность и вмѣсто безсмертія души—„вѣчное возрожденіе всѣхъ вещей“. Собственно послѣдняя идея образовала вѣнецъ его міросозерцанія.

Среди величественной, уединенной окрестности природы „на Силсъ-Маріи, на высотѣ 6000 футовъ надъ уровнемъ моря и гораздо выше всѣхъ человѣческихъ вещей“ эта мысль озаряла его, какъ онъ самъ говоритъ, и онъ считаетъ себя „первымъ провозвѣстникомъ этого ученія“. „Ахъ“, взываетъ онъ устами Заратустры, „человѣкъ вѣчно возвращается! Мелкій людъ вѣчно возвращается! Слишкомъ мелокъ и величайшій человѣкъ! И вѣчно возвращается самое мелкое! Ахъ, отвращенье, отвращенье! отвращенье!“

Но позже Ницше примирился съ этой мыслию вѣчнаго возвращенія, потому что онъ надѣялся, что изъ человѣка произойдетъ нѣчто высшее—сверхчеловѣкъ, его „величайшая надежда“. Теперь онъ самъ желалъ „брачнаго кольца колецъ“, „кольца вѣчнаго возрожденія“,—какъ послѣдняго подтвержденія и отпечатка воли къ жизни.

Насколько вѣрно это ученіе Ницше? Мы можемъ смѣло сказать: какъ мало Ницше доказалъ появленіе сверхчеловѣка или только вѣроятность этого появленія, столь же мало онъ доказалъ вѣчное возрожденіе всѣхъ вещей. Это—прямо таки иллюзія; какъ и его вѣра въ грядущаго сверхчеловѣка. Правда, Ницше сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, слабую попытку обосновать истину своего ученія о возрожденіи. Но она ему вовсе не удалась. Послушаемъ его! „Почти всѣ вещи не такъ ли связаны, что данное мгновеніе обуславливаетъ собою грядущія вещи, а слѣдовательно,—и себя самого?“

Очевидно, это—ложное заключеніе: онъ напередъ считаетъ истиннымъ именно то, что долженъ былъ доказать. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ вещи такъ крѣпко „связаны“, что „данное мгновеніе обуславливаетъ собою грядущія вещи“, то и изъ этого не слѣдуетъ, что оно обуславливаетъ въ будущемъ „и себя самого“, такъ какъ все же мгновеніе не „грядущее“, но *настоящее*. Станетъ ли оно „грядущимъ“, или будущимъ, то

есть, возвратится ли оно, это—именно вопросъ, который подлежитъ разрѣшенію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ разсматриваемое положеніе Ницше заключаетъ въ себѣ нѣчто невозможное, ибо какимъ образомъ вещь можетъ вызвать послѣ себя самое же себя, или быть причиной себя самой. Это противорѣчіе, ибо ничто не можетъ быть въ томъ же самомъ отношеніи причиной и слѣдствіемъ.

Далѣе слѣдуетъ принять во вниманіе, что если должно быть вѣчное или безпрестанное возрожденіе всѣхъ вещей, то прежде всего всѣ вещи, а слѣдовательно, и міръ должны вѣчно приходить къ концу въ своемъ развитіи. И очевидно, только то можетъ возрождаться, что уже прежде существовало; равнымъ образомъ, если что нибудь должно вѣчно возрождаться, то оно должно прежде этого вѣчно существовать. Посему всѣ вещи, а слѣдовательно, и міръ должны вѣчно зарождаться, вѣчно развиваться и вѣчно разрушаться.

Но это невозможно, потому что приведенное положеніе противорѣчиво само въ себѣ; ибо если вещи зарождаются, развиваются и уничтожаются, то они временны, хотя бы это происходило съ ними неоднократно. Понятное дѣло временно вѣчное или вѣчно временное есть само въ себѣ противорѣчіе и потому нѣчто невозможное.

И наконецъ, если вѣрно завѣреніе Ницше, будто еще никогда не было сверхчеловѣка, то и по этому основанію ложно его ученіе о „вѣчномъ возрожденіи всѣхъ вещей“. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ, по этому ученію, всѣ вещи въ мірѣ уже часто бывали и всегда вновь появлялись, то, слѣдовательно, и сверхчеловѣкъ долженъ былъ уже часто бывать и всегда вновь появляться. И однако, по Ницше, онъ еще никогда не долженъ былъ существовать! Какъ это согласовать. Тутъ у Ницше опять противорѣчіе, а потому—явная неправда.

Слѣдовательно, согласно выясненному, и „вѣнецъ“ ницшеанскаго міросозерцанія не имѣетъ цѣны, потому что онъ чистая иллюзія; ибо невозможно „вѣчное возрожденіе всѣхъ вещей“, каковое ученіе, впрочемъ, было проведено впервые не Ницше, но уже древними пифагорейцами. Это вѣчное возрож-

деній вещей невозможно, потому что оно было бы вѣчно временнымъ, а это было бы противорѣчіемъ само въ себѣ.

Если теперь, наконецъ, извлечемъ общій выводъ изъ нашей приведенной критики, то окажется, что философское и жизненно-практическое міросозерцаніе Ницше и въ третьемъ періодѣ своего развитія, въ научномъ отношеніи, въ самомъ корнѣ шагко, такъ какъ оно въ важнѣйшихъ пунктахъ не соответствуетъ истинѣ и часто противорѣчитъ даже себѣ самому.

М.: Воскресенскій.

(Продолженіе будетъ)

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Мая № 9. 1903 года.

Содержаніе. Высочайшій указъ.—Высочайшіе приказы.—Списокъ священниковъ первой Харьковской епархіи, которые за отлично-усердную службу удостоены награжденія ко дню рожденія Его Императорскаго Величества: I) по опредѣленію Святейшаго Синода II) по опредѣленію Епархіальнаго начальства и III) по опредѣленію Епархіальнаго училищнаго Совѣта.—Сообщеніе „Правит. Вѣсти“ о полученіи пассажирами скидки съ вѣса багажа по билетамъ, имъ не принадлежащимъ.—Отчетъ о состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ училищѣ образцовой одновласной церковно приходской школѣ за 1901—1902 уч. г.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшій указъ.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ 6-го текущаго мая, на имя Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ Всемилостивѣйше сопрячисленъ къ ордену *св. Владиміра третьей степени* викарій Харьковской епархіи, епископъ Сумскій *Стефанъ*.

Высочайшіе приказы.

Высочайшимъ приказомъ 1) по *Вѣдомству Православнаго Исповѣданія* 6-го мая т. года а) производится за отличіе: изъ статскихъ въ действительные статскіе советники бывший инспекторъ Харьковской Духовной Семинаріи Константинъ *Истоминъ*; б) награждаются орденами: *св. Станислава 2-й степени* учитель Харьковскаго духовнаго училища, надворный совѣтникъ Владиміръ *Марценко*; *св. Станислава 3-й степени*: надворные совѣтники: членъ Богодуховскаго уѣднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, Николай *Энкъ*, учителя духовныхъ училищъ: Купявскаго, Николай *Александровъ*; Харьковскаго, Иванъ *Булаковъ* и Сумокого, Николай *Гальковский*; членъ Изюмскаго уѣднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта титулярный совѣтникъ Евфимій *Гридинъ*, неизмѣнныя чина: преподаватель Харьковской духовной семинаріи, кандидатъ богословія Сергій *Чистосердовъ* и помощникъ инспектора Харьковской духовной семинаріи Леонидъ *Багрецовъ*.

2) По Епархіальному Вѣдомству награждаются орденами св. Владиміра 4-й степени: протоіерей Купянскаго собора Іоаннъ Лезандовскій; св. Анны 2-й степени: протоіерей: Преображенской въ Харьковѣ церкви Михаиль Румянцевъ и соборной церкви въ Сумахъ Фесенковъ.

Списокъ священниковъ церквей Харьковской Епархіи, которые за отлично-усердную службу удостоены награжденія во дню рожденія Его Императорскаго Величества.

I. По Опредѣленію Святѣйшаго Синода, награждаются за заслуги по духовному вѣдомству саномъ протоіерея священники въ Харьковѣ Рождество-Богородицкой церкви Василій Добровольскій и Покровской Андрей Любарскій, членъ консисторіи Андрей Балановскій, Хорошевскаго монастыря Александръ Вербицкій, слободы Ольшаной Николай Житловъ, Козеевки, Богодуховскаго уѣзда, Іоаннъ Владыковъ, Новопаковки, Старобѣльскаго уѣзда, Алексѣй Грековъ, села Новопокровскаго, Зміевскаго уѣзда, Павелъ Вышемирскій.

II. По опредѣленію Епархіальнаго Начальства, за отлично-усердную службу награждаются: а) скуфьею: священники церквей: заштатнаго города Недригайлова, Лебединскаго уѣзда, Василій Петрусенко, слоб. Малой Волчьей, Волчанскаго уѣзда, Стефанъ Чиркинъ, слоб. Кургана, Лебединскаго уѣзда, Стефанъ Толмачевъ, слоб. Николаевки, Изюмскаго уѣзда, Арсеній Лонгиновъ, слободы Лимана, того же уѣзда, Николай Яновскій, села Прелестнаго, Изюмскаго уѣзда, Николай Никулищевъ, слободы Мироновки, Харьковскаго уѣзда, Симеонъ Петровскій, слободы Воробьевки, Сумскаго уѣзда, Михаиль Роговскій, слободы Искровщины, того же уѣзда, Андрей Клементьевъ, слободы Николаевки, того же уѣзда, Петръ Ставровскій, слободы Степановки, того же уѣзда, Алексѣй Артюховскій, слободы Подлѣсновки, того же уѣзда, Павелъ Ильинскій, церкви при станицѣ „Славянскъ“, Александръ Щепинскій, слободы Турья, Ахтырскаго уѣзда, Сергій Любарскій (перемѣщенный въ церковь слоб. Мечебилевой, Изюмскаго уѣзда), села Песчаного, Купянскаго уѣзда, Николай Капустинъ, слободы Балаклеи, Зміевскаго уѣзда, Іоаннъ Ковалевскій, слободы Ивановки, Харьковскаго уѣзда, Марціанъ Федоровскій, слободы Бабаевъ, того же уѣзда, Николай Лобковскій, слободы Кручиба, Богодуховскаго уѣзда, Владимиръ Подольскій, села Хухры, Лебединскаго уѣзда, Михаиль Яковлевъ и б) набедренникомъ: священники церквей: при Харь-

ковскомъ Земледѣльческомъ училищѣ, Александръ *Теряевъ*, слоб. Колупаевки, Харьковскаго уѣзда, Василій *Степурскій*, слободы Черкасскихъ Тишкѣвъ, того же уѣзда, Алексѣй *Щепинскій*, слоб. Липецъ Николаевской церкви, того же уѣзда, Николай *Ладенко*, Христорожественской, той же слободы, Алексѣй *Левандовскій*, Николаевской, города Золочева, того же уѣзда, Іоаннъ *Ивановъ*, слободы Карасевки, того же уѣзда, Георгій *Волобуевъ*, села Кочина, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Феневъ*, слободы Араповки, Купянскаго уѣзда, Петръ *Заводовскій*, слободы Новаго Мерчика, Валковскаго уѣзда, Александръ *Смирнскій*, слободы Котовой, Волчанскаго уѣзда, Григорій *Цебенко*, слободы Бѣлаго Колодезя, того же уѣзда, Николай *Яновскій*, слободы Верхней Писаревки, того же уѣзда, Іаковъ *Огульковъ*, слободы Межирича, Лебединскаго уѣзда, Михаилъ *Венгеровскій*, слободы Студенна, Изюмскаго уѣзда, Теодоръ *Столяревскій*, села Капитольскаго, того же уѣзда, Платонъ *Кутеновъ*, села Завотнаго, того же уѣзда, Андрей *Панкратьевъ*, села Райскаго, того же уѣзда, Іосифъ *Любарскій*, слободы Золотого Колодезя, того же уѣзда, Николай *Ковалевскій*, села Валвенкина, того же уѣзда, Павелъ *Феневъ*, Николаевской церкви города Ахтырки Алексѣй *Солофненько*, слободы Тростянца, Ахтырскаго уѣзда, Александръ *Федоровъ*, слободы Тетлѣги, Зміевскаго уѣзда, Іоаннъ *Губановъ*, села Соколова, того же уѣзда, Григорій *Орловскій*, слободы Боровой, того же уѣзда, Іоаннъ *Колосовскій*, села Звѣдокъ, того же уѣзда, Дмитрій *Вербицкій*, слободы Андреевки, того же уѣзда, Тахонъ *Нѣмчиновъ*, слободы Павловокъ, Сумскаго уѣзда, Іоаннъ *Иваничкій*, слободы Николаевки, того же уѣзда, Іоаннъ *Кудрявцевъ* в Лебединской Соборной церкви Константинъ *Стещенко*.

III. По опредѣленію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, за труды по церковной школѣ: а) *скуфьею*: священники: слободы Тростянца, Ахтырскаго уѣзда, Александръ *Яновскій*, слободы Гомольши, Зміевскаго уѣзда, Митрофанъ *Крутьевъ*, села Виеденскаго, того же уѣзда, Николай *Щепинскій*, слободы Соколова, того же уѣзда, Александръ *Чудновскій*, слободы Песокъ, Старобѣльскаго уѣзда, Георгій *Грековъ*, села Рогова, того же уѣзда, Теодоръ *Грековъ*, слободы Большой Чернетчины, Сумскаго уѣзда, Василій *Крыжановскій*, слободы Бѣловода, того же уѣзда, Павелъ *Будянский*, города Сумъ, Покровской церкви Дмитрій *Виноградскій*, слободы Русской Лозовой, Харьковскаго уѣзда, Дмитрій *Иваничкій*, города Чугуева, Покровской церкви, Зміевскаго уѣзда, Теофанъ

Дейнесовскій и б) *набедренникомъ*: священники: слободы Лѣсковки, Богодуховскаго уѣзда, Григорій *Ступинскій*, села Гуляй Поля, Зміевскаго уѣзда, Теодоръ *Лободовскій*, села Павлепова, Лебедянскаго уѣзда, Василій *Федоровскій* и села Татарки, Харьковскаго уѣзда, Дмитрій *Курской*.

Полученіе пассажирами скидки съ вѣса багажа по билетамъ, имъ не принадлежащимъ.

Статьею 33-ею общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ установлено, что каждый пассажирскій билетъ даетъ право на бесплатный провозъ въ багажномъ вагонѣ одного пуда багажа. Въ послѣднее время въ Министерствѣ Путей Сообщенія стали поступать отъ нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ управленій ходатайства о принятіи мѣръ противъ злоупотребленій по означенному бесплатному провозу багажа. Злоупотребленія заключаются въ томъ, что различные мелкіе торговцы и поставщики, возвращаясь съ товаромъ изъ крупныхъ центровъ, в желая перевезти товаръ бесплатно, собираютъ отъ другихъ пассажировъ, не имѣющихъ багажа, билеты, предъявляютъ ихъ въ кассу и сдаютъ по нимъ свой товаръ къ перевозкѣ, въ видѣ багажа, получая установленную скидку по числу билетовъ. Въ большинствѣ такихъ случаевъ, число билетовъ соотвѣтствуетъ числу пудовъ груза, который, такимъ образомъ, перевозится совершенно бесплатно, притомъ въ пассажирскомъ поѣздѣ. Предоставляя бесплатный провозъ одного пуда багажа по каждому билету, законъ, однако, не устанавливаетъ вовсе обязательства, чтобы багажъ принадлежалъ непременно тому лицу, которое ѣдетъ по данному билету, а потому добровольная переуступка своего права воспользоваться скидкой со стоимости провоза багажа другому лицу не можетъ считаться съ формальной стороны злоупотребленіемъ. Затѣмъ, если бы даже пассажиры, дѣйствительно, и были лишены права перевозить по своимъ билетамъ чужой багажъ, то такое запрещеніе въ сущности не имѣло бы никакого практическаго значенія, въ виду невозможности для желѣзныхъ дорогъ слѣдить за этимъ дѣломъ и доказывать, что данный багажъ принадлежитъ не тому, а другому пассажиру. Наконецъ, и матеріальный ущербъ, причиняемый желѣзнымъ дорогамъ подобными злоупотребленіями, не представляется особенно значительнымъ. Въ виду такого положенія дѣла, Министерство Путей Сообщенія разъяснило всѣмъ желѣзнымъ

дорогамъ, что оно не признаетъ нужнымъ издавать какія-нибудь особыя постановленія для предотвращенія случаевъ полученія пассажирами скидокъ съ вѣса багажа по билетамъ, имъ не принадлежащимъ. „Прав. Вѣст. № 93 т. г.“

О Т Ч Е Т Ъ

го состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ образцовой одноклассной церковно-приходской школѣ за 1901—1902 учебный годъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи.

1. Личный составъ служащихъ при школѣ въ отчетномъ году былъ слѣдующій: а) завѣдующій учебно-воспитательною частью въ школѣ и практическими занятіями въ ней воспитанницъ Училища, Харьковскій Епархіальный наблюдатель церковныхъ школъ, Василій Давыденко; б) законоучитель школы священникъ Харьковской Основнянской Иоанно-Предтеченской церкви, Михаилъ Клячновъ и в) учительница школы, окончившая курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы, дѣвица Анна Ладенкова.

2. Число учащихся за отчетный годъ было не одинаково: въ началѣ учебного года было 80 учащихся,—37 мальчиковъ и 43 дѣвочки; къ концу года количество это уменьшилось до 73, въ числѣ которыхъ было 33 мальчика и 40 дѣвочекъ. По тремъ отдѣленіямъ школы учащіеся къ концу года распредѣлялись такъ: въ 1-е отдѣленіе числилось 30 учащихся, во 2—31, а въ 3—12. По происхожденію своему учащіеся принадлежали къ сословіямъ мѣщанскому, крестьянскому и къ цеховому классу, а по вѣроисповѣданію все православныя.

3. По духу, характеру, объему и методамъ преподаванія воспитаніе и обученіе велось во всемъ согласно утвержденной Св. Синодомъ программѣ учебныхъ предметовъ для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и объяснительнымъ къ ней законамъ.

Содержаніе учебныхъ программъ выполнялось слѣдующимъ образомъ: а) по Закону Божію въ 1-омъ отдѣленіи школы были изучены общеупотребительныя молитвы и изъ Свящ. Исторіи Новаго Завѣта двенадцать праздниковъ, во 2-омъ отдѣленіи изучены Свящ. Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, въ 3-емъ повторенъ курсъ первыхъ двухъ отдѣленій и вновь увозены катихизисъ и ученіе о Богослуженіи; б) по церковному пѣнію учащіеся 1-го отдѣленія пѣли съ голоса обычнымъ напѣвомъ общеупотребительныя молитвы, а во 2-омъ и 3-емъ пѣснопѣнія всенощнаго бдѣнія и литургіи; в) по церковно-славянскому языку преслѣдовалось главнымъ образомъ двѣ цѣли: научить дѣтей

правильно читать и разумѣть прочитанное. Для достиженія первой цѣли учащіе заботились о томъ, чтобы чтеніе было не только правильнымъ, свободнымъ, отчетливымъ, съ соблюденіемъ удареній и знаковъ препинанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и церковнымъ, истовымъ, молитвеннымъ. Средствами для достиженія сознательнаго чтенія были: объясненіе непонятныхъ словъ церковно-славянскаго текста, переводъ и заучиваніе наизусть наиболѣе употребительныхъ церковно-славянскихъ словъ и выраженій и практическое ознакомленіе учащихъ съ нѣкоторыми грамматическими особенностями церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ.

г) По русскому языку преслѣдовалась та цѣль, чтобы а) научить дѣтей правильно, бѣгло и сознательно читать и передавать содержаніе прочитаннаго и б) научить писать безъ звуковыхъ и грубыхъ грамматическихъ ошибокъ. Письменные упражненія направлялись къ тому, чтобы научить дѣтей писать согласно съ требованіями орфографіи, научить писать правильно въ грамматическомъ отношеніи и по возможности излагать свои мысли на бумагѣ. Съ этою цѣлью въ 1 отд. учащіе списывали съ книги и писали подъ диктовку отдѣльныя слова, краткія предложенія и небольшія статьи; во 2 отд. упражнялись въ письмѣ по книгѣ Некрасова „практическій курсъ правописанія“, писали диктовку и въ 3 отд. дѣлали тѣ же упражненія и кромѣ того занимались переложеніемъ легкихъ статей.

д) По счисленію занятія начинались устными, а затѣмъ и письменными упражненіями въ предѣлахъ перваго десятка. Далѣе переходили къ счету до 100 устнымъ и письменнымъ упражненіямъ въ производствѣ 4 дѣйствій въ предѣлахъ этого числа и упражненіями въ рѣшеніи задачъ. Ознакомленіемъ съ правилами сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія, усвоеніемъ таблицы умноженія на память и ознакомленіемъ съ общепринятыми названіями чиселъ каждаго изъ четырехъ дѣйствій, подавалось основаніе для письменныхъ упражненій въ 4 ариметическихъ дѣйствіяхъ надъ числами любой величины отвлеченными и именованными, и рѣшеніе ариметическихъ задачъ. Особенное вниманіе удѣлялось упражненіямъ въ устномъ счетѣ и упражненіямъ на счетахъ.

е) Чистописаніе преподавалось во всѣхъ отдѣленіяхъ школы и имѣло своею цѣлью усовершенствовать механизмъ письма, а также приучить дѣтей писать красиво, четко и скоро. Эта цѣль достигалась обыкновенно путемъ копированія и подражанія готовымъ образцамъ письма, предлагаемымъ дѣтямъ или въ видѣ прописей или же даваемымъ учительницей.

4. Учебники и учебныя пособія употреблялись слѣдующія: а) по Закону Божію — „Наставленіе въ Законъ Божіемъ“ прот. П. Смирнова и, какъ пособіе въ преподаванію сего предмета, священно-историческія картины, изд. Фену и К^о; б) по русскому языку употреблялась разръзная

азбука и „книга для чтенія“ Одяцова и Богоявленскаго. При упражненіяхъ въ грамматику и правописаніи учительница пользовалась книгами: „практической курсъ правописанія“ Некрасова, курсы систематическаго диктанта „Смирновскаго; в) по церковно-славянскому языку въ 1 отд. чтеніе велось по книгѣ „Ильминскаго“, во 2 отд. по Евангелію и Часослову и въ 3 отд. по Евангелію и по книгѣ Свирѣлина, „Чтеніе изъ книгъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завета“, г) по церковному пѣнію „Курсъ церковныхъ пѣснопѣній Московской епархіи“; д) по счисленію употреблялись задачки Гольденберга, Лубенца и торговые счеты и е) по чистописанію—„прописи“ Гербача и „руководство къ обученію письму“ В. Гербача.

5. Библіотека школы къ концу отчетнаго года заключала въ себѣ 244 названія книгъ въ 1076 томахъ. Въ составъ ея входятъ: а) руководства и пособія для учителей по элементарному преподаванію; б) учебники и учебныя пособія и в) книги для дѣтскаго чтенія, разрѣшенныя къ употребленію въ церковныхъ школахъ Св. Синодомъ. Какъ полезное пособіе для законоучителя и учительницы, въ библіотеку выписывался журналъ „Церковно-приходская школа“.

6. Учебный годъ начался 20 августа и окончился 4-го мая. Ежедневное распредѣленіе учебныхъ занятій въ школѣ было слѣдующее: уроки начинались въ 9 часовъ утра и продолжались до 1 ч. дня; при чемъ между 1 и 2, 3 и 4 уроками назначалось дѣтямъ для отдыха по $\frac{1}{4}$, а между 2 и 3 уроками $\frac{1}{2}$ часа. Каждый урокъ предварялся и заванчивался молитвою, которую учащіеся читали по очереди. Во всѣ воскресные и праздничные дни учащіеся подъ надзоромъ учительницы и дежурныхъ воспитанницъ училища присутствовали при Богослуженіи въ церкви Епархіальнаго училища, а въ дни Св. Четырдесятницы тамъ же были у исповѣди и причастія Св. Тайнъ. Ученики старшихъ отдѣленій, по назначенію, прислуживали въ алтарѣ, подавая кадило, возжигая свѣчи и преднося свѣтильники.

7. Годичныя переводныя испытанія учениковъ 1 и 2 отдѣленій были произведены 4 мая 1902 года комиссіей изъ завѣдующаго школой, законоучителя и учительницы. На основаніи сихъ испытаній, удостоены перевода изъ 1 отдѣленія во 2—24 учащихся и изъ 2—3—14 учащихся; оставлены на повторительный курсъ по малоуспѣшности и малолѣтству въ 1 отдѣленіи—6 учениковъ, во 2 отдѣл.—18, а въ 3 отд. 3. Выпускные экзамены учениковъ 3 отд. школы на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности и ученицъ того же отдѣленія на право полученія свидѣтельствъ объ успѣшномъ окончаніи ими одноклассной церковно-приходской школы произведены были 2 мая того же года ком-

миссіей въ составѣ предсѣдателя, Епархіальнаго наблюдателя церковныхъ школъ Василія Давыденко, законоучителя о. Михаила Клячкова и учительницы Аппы Ладенковой, и въ присутствіи инспектора классовъ Епархіальнаго женскаго училища священника Іоанна Котова. Испытаніямъ подвергались 6 учениковъ и 3 ученицы и всѣ выдержали испытанія удовлетворительно, почему и удостоены правъ на полученіе установленныхъ свидѣтельствъ.

Наградъ книгами удостоились 8 учениковъ изъ 1-го отдѣленія и 4 изъ 2-го, 7 лучшихъ учениковъ старшаго отдѣленія за благонравное поведеніе и отличные успѣхи признаны достойными награжденія похвальными листами отъ Совѣта училища выдаваемыми.

8. Учебный годъ закончился благодарственнымъ Господу Богу молебствомъ, которое совершено было 5 мая законоучителемъ школы о. Михаиломъ Клячковымъ.

9. Содержаніе школы входитъ въ общія средства Харьковскаго Женскаго Училища съ пособіемъ отъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ въ размѣрѣ 500 руб.

Практическія занятія воспитанницъ училища съ образцовой при немъ школою.

Педагогическія занятія воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ образцовой при немъ церковно-приходской школѣ имѣли слѣдующій характеръ. Воспитанницы училища посѣщали состоящую при пей церковно-приходскую школу въ цѣляхъ: 1) самостоятельныхъ учебныхъ занятій съ учащимися, 2) присутствіи при образцовыхъ урокахъ учительницы и наблюденія надъ учебными занятіями своихъ подругъ въ школѣ, 3) слушанія руководственныхъ педагогическихъ бесѣдъ завѣдующаго школою и 4) очереднаго дежурства по школѣ.

1. Воспитанницы 5 и 6 классовъ вели самостоятельныя утреннія занятія въ школѣ съ учениками подъ непосредственнымъ руководствомъ учительницы школы и по указаніямъ завѣдующаго ею.

а) Наканунѣ очередныхъ занятій воспитанницами были подаваемы учительницѣ конспекты, назначенныхъ имъ уроковъ для просмотра и исправленія.

б) Темы означенныхъ уроковъ назначались учительницей школы въ порядкѣ прохожденія школьной программы того или другаго учебнаго предмета, причѣмъ имѣлось въ виду, чтобы каждая воспитанница по порядку давала уроки по всѣмъ предметамъ школьнаго курса, а не по одному какому нибудь въ отдѣльности.

в) Воспитанницы V и VI классовъ вели педагогическіе дневники, въ

составъ которыхъ, кромѣ конспектовъ преподаваемыхъ имъ уроковъ, входили: аа) замѣчанія по поводу преподаваемыхъ имъ уроковъ, бб) наблюденія надъ преподаваніемъ своихъ подругъ, вв) характеристика учащихся, гг) впечатлѣнія по поводу прочитанныхъ ими педагогическихъ книгъ и статей, дд) записи руководственныхъ указаній завѣдующаго школою и учительницы и ее) другіе, относящіеся къ области обученія и воспитанія предметы.

г) Педагогическіе дневники воспитанницъ VI класса во второмъ полугодіи были просматриваемы завѣдующимъ школою, провѣрку же дневниковъ всѣхъ воспитанницъ дѣлала учительница по мѣрѣ ихъ веденія.

д) Экзаменаціонныя испытанія воспитанницъ VI класса во второмъ полугодіи производились комиссіей въ составѣ завѣдующаго школою и учительницы оной.

Учащіеся въ церковно приходской школѣ пѣли одинъ разъ литургію въ училищной церкви въ маѣ мѣсяцѣ.

е) Планы экзаменаціонныхъ уроковъ, предварительно осмотрѣнные и одобренные завѣдующимъ были переданы въ Совѣтъ для храненія и справокъ вмѣстѣ съ педагогическими дневниками и соответствующей оцѣнкой балломъ успѣховъ каждой воспитанницы въ отдѣльности.

2. Учительница школы давала примѣрные уроки въ присутствіи воспитанницъ 5 и 6 классовъ по мѣрѣ нужды, съ вѣдома завѣдующаго.

а) Ежедневно въ учебное время школа посѣщалась воспитанницами въ числѣ 8 человекъ по двѣ изъ каждаго класса.

б) Практическіе уроки въ количествѣ 12 распредѣлялись съ такимъ расчетомъ, что каждой изъ 4 очередныхъ практикантокъ было дано по 2 урока, а остальными по одному; при чемъ при дальнѣйшихъ назначеніяхъ имѣлось въ виду, чтобы въ концѣ учебнаго года всѣ воспитанницы имѣли приблизительно одинаковое число. Всѣхъ практическихъ уроковъ за отчетный годъ каждой изъ воспитанницъ было дано не менѣе 10 и не болѣе 20.

в) Воспитанницы, свободныя отъ занятій присутствовали на урокахъ своихъ подругъ, излагая по поводу ихъ свои наблюденія и замѣчанія въ педагогическомъ дневникѣ.

III. Для практическаго руководства всѣхъ воспитанницъ VI класса назначался завѣдующимъ 1 часъ въ недѣлю; въ отсутствіи же его, по его указанію, учительница школы обыкновенно давала въ присутствіи тѣхъ же воспитанницъ образцовые уроки.

IV. Изъ числа 8 назначенныхъ для практическихъ занятій воспитанницъ избирались 3 дежурныхъ по одной въ каждомъ отдѣленіи школы.

Обязанности дежурныхъ по школѣ воспитанницъ подробно были изложены въ составленной завѣдующимъ и утвержденной Совѣтомъ учительницъ инструкція.

У. Назначеніе воспитанницъ на очередныя практическія занятія по 2-му классу каждого класса и на дежурства принадлежало начальницѣ училища Евгениі Николаевнѣ Гейцыгъ.

Такимъ образомъ, церковно-приходская школа при училищѣ, давая воспитаніе въ церковномъ духѣ дѣтямъ бѣднѣйшихъ жителей г. Харькова, вмѣстѣ съ тѣмъ практически подготавливаетъ воспитанницъ его къ преподаванію въ начальныхъ школахъ и развиваетъ въ нихъ стремленіе къ педагогической дѣятельности. Сотни окончившихъ курсъ дѣвицъ, съ давнихъ лѣтъ состояли и состоятъ учительницами земскихъ школъ, а со времени открытія въ Епархіи церковныхъ школъ они являются учительницами и въ этихъ послѣднихъ.

Такъ въ отчетномъ году въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты состояло учительницъ окончившихъ курсъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища—86.

Епархіальныя извѣщенія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

- Рождество-Бородичная церковь с. Шульбиной, Старобѣльскаго уѣзда.
- Троицкая церковь сл. Перекопа, Валковскаго уѣзда.
- Преображенская церковь с. Бѣлолуцка, Старобѣльскаго уѣзда.
- Николаевская церковь с. Лихачевки, Богодуховскаго уѣзда.
- Григоріевская церковь с. Турья, Ахтырскаго уѣзда.
- Іоанно-Предтеченская церковь с. Рябушекъ, Лебединскаго уѣзда.
- Покровская церковь с. Верхней-Покровка, Старобѣльскаго уѣзда.
- Александро-Невская церковь с. Ново-Александровки, Волчанскаго уѣзда.
- Рождество-Богородичная церковь с. Смольяниковой, Старобѣльск. уѣзда.

Дяконскія.

- Іоанно-Предтеченская церковь с. Станичнаго, Валковскаго уѣзда.
- Николаевская церковь с. Высокополья, Валковскаго уѣзда.
- Покровская церковь с. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

- Кирилло-Меодіевская церковь с. Райгородскаго, Бупянскаго уѣзда.
- Іоанно-Богословская церковь с. Гомольши, Зміевскаго уѣзда.
- Покровская Соборная церковь г. Бупянска (въ санѣ діавола).

- Воскресенская церковь с. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда.
 Николаевская церковь г. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Новой-Айдаря, Старобѣльскаго уѣзда.
 Успенская церковь с. Вольнаго, Богодуховскаго уѣзда.
 Благовѣщенская церковь г. Харькова.
 Покровская церковь Харьковскаго Благотворительнаго Общества.
 Преображенская церковь на мѣстѣ крушенія, на станціи „Борки“.
 Александро-Невская церковь с. Александровки, Валковскаго уѣзда.
 Харьковскаго Реальнаго Училища.
 Николаевская церковь с. Новой-Водолаги, Валковскаго уѣзда.
 Успенская церковь с. Коломака, Валковскаго уѣзда.
 Влад.-Богородичн. церковь с. Должика, Харьковскаго уѣзда.
 Рожд.-Богородичная церковь с. Смольяниковой, Старобѣльскаго уѣзда.
 Арханг.-Михайловск. церковь г. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда.
 Введенская церковь с. Студанка, Изюмскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Гѣвки, Харьковскаго уѣзда.
 Иоанно-Предтеченск. церковь с. Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда.
 Воскресенская церковь с. Надеждовки, Изюмскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Старой-Водолаги, Валковскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Ново-Александр., Старобѣльскаго уѣзда.
 Рожд.-Богородичн. церковь с. Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда.
 Иоанно-Предтеченск. церковь с. Ново-Ивановки, Зміевскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Глазуновки, Зміевскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Первое обозрѣніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Харьковской Епархіи: посѣщеніе Владыкой городовъ Бѣлополья, Сумъ, Лебедина и Богодухова.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ храма Христа Спасителя и Спасова Скита.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Александро-Невокой школы, Епархіальнаго женскаго училища и другихъ учебныхъ заведеній въ гор. Харьковѣ.—Служеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ литургии въ церкви мужскаго духовнаго училища.—Торжественное богослуженіе 6-го мая.—Отъѣздъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ Св. Горы.—Религіозныя и добрыя нравственныя чтенія.

Первое обозрѣніе Харьковской епархіи Его Высокопреосвященствомъ Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепискомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ.

I. Посѣщеніе г. Бѣлополья.

10-го Апрѣля, въ четвергъ Пасхальной недѣли, въ 10 час. 24 мин. вечера, Его Высокопреосвященство, согласно заранѣе составлен-

ному маршруту, извоили выѣхать изъ Харькова по Сумской жел. дорогѣ, въ сопровожденіи соборнаго ключаря свящ. Г. Виноградова и протодіакона В. Вербицаго—въ заштатн. г. Бѣлополье. (Иподіаконы выѣхали туда наканунѣ).

11-го Апрѣля утромъ въ 7 час. 32 м., поѣздъ, въ которомъ слѣдовалъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка, прибылъ на ст. Бѣлополье. Здѣсь Его Высокопреосвященству (въ вагонѣ) представлялись: *) г. городской голова гор. Бѣлополя г. Ральфъ съ полнымъ составомъ гласныхъ городской думы, при чемъ городской голова представилъ Его Высокопреосвященству отъ лица всѣхъ гражданъ г. Бѣлополя—хлѣбъ соль—и привѣтствовалъ Владыку. Милостиво принявъ хлѣбъ—соль, Высокопреосвященнѣйшій Владыка похристосовался съ г. Ральфомъ и съ гласными и бесѣдовалъ съ ними нѣсколько минутъ, а затѣмъ, сопровождаемый торжественнымъ колокольнымъ звономъ всѣхъ церквей г. Бѣлополя, отправился въ Богородице-Рождественскую церковь, гдѣ назначено было въ этотъ день Архіерейское служеніе литургій. На станціи и по пути слѣдованія въ церковь было масса народа. Владыка всѣхъ осѣнялъ архипастырскимъ благословеніемъ.

По прибытіи въ Богородице-Рождественскую церковь Высокопреосвященнѣйшій Владыка былъ встрѣченъ всѣмъ городскимъ духовенствомъ. Облачившись въ мантию, поцѣловавъ св. крестъ и преподавъ оный для цѣлованія всему духовенству, Владыка благосклонно выслушалъ привѣтственную рѣчь, сказанную священникомъ Покровской ц. гор. Вѣлополя о. Н. Борисоглѣбскимъ. Вотъ эта рѣчь:

Ваше Высокопреосвященство,

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырѣ и Отецъ!

Прибытіе Твое въ нашъ отдаленный городъ Твоей Епархіи въ эти свѣтлые дни духовной радости—праздника въ честь Жизнодавца Христа—усугубляетъ и возвышаетъ нашу духовную радость.

Мы теперь имѣемъ счастье и возможность видѣть Тебя, нашего Архипастыря, лицомъ къ лицу, имѣемъ возможность сослужить Тебѣ въ принесеніи Безкровной Жертвы, участвовать въ совершеніи Святѣйшаго Таинства Причащенія, во вкушеніи Агнца Божія, „раздробляемаго и нераздѣляемаго, всегда ядомаго в ни-

*) О. Благочинный гор. Бѣлополя протоіерей А. Чугаевъ встрѣтилъ Его Высокопреосвященство еще раньше на ст. Сумы, при чемъ подалъ Владыкѣ почетный рапортъ.

когда же издвѣаемаго, но причащающихся освящающаго“...— Пользуясь настоящимъ случаемъ, исполнившимъ сердца наши этою высокою радостью, мы смиреннѣйше просимъ Тебя, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, помолвись о насъ, пастыряхъ Твоихъ, да укрѣпнть насъ, немощныхъ, Пастыреначальникъ нашъ Господь Іисусъ Христосъ своею благодатию къ вѣщшему прохожденію многотруднаго пастырскаго служенія.

Настоящее время—время злобы враговъ церкви Христовой, время, исполненное всякой лжи, ненависти и лукавства, а потому мы болѣе, чѣмъ когда либо, нуждаемся въ содѣйствіи намъ благодати Божіей.

Просимъ Тебя, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, не оставить в насъ своимъ отеческимъ, мудрымъ руководствомъ. Ты, какъ свѣтильникъ, поставленный на свѣщницѣ, горѣвшій и свѣтившій на окраинахъ дорогого отечества нашего: на сѣверѣ и югѣ, на востокѣ и западѣ, всегда, вездѣ и всюду являлъ свое отеческое, просвѣщенное попеченіе о вѣранныхъ Тебѣ паствахъ; не оставь и насъ своею любовію, своимъ отеческимъ просвѣщеннымъ руководствомъ. Помолвись, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, и о предстоящихъ въ этомъ святомъ храмѣ жителяхъ сего города, да сохранитъ ихъ Господь вѣрными и послушными чадами Своей Церкви, а мы съ своей стороны,—пастыри и пасомые,—будемъ всегда возносить за тебя молитвы Пастыреначальнику нашему Господу Іисусу Христу, да укрѣпнть онъ Твои силы и здоровье для счастья Харьковской паствы Твоей на многая лѣта.

Выслушавъ эту рѣчь, Владыка сказалъ говорившему: „Спасибо“ и затѣмъ направился къ царскимъ вратамъ храма, гдѣ выслушавъ входныя молитвы, сталъ на среднѣ храма на возвышенномъ амвонѣ для облаченія. Послѣ облаченія и пѣнія насхальныхъ часовъ, началась Божественная литургія, которую совершалъ Высокопреосвященный Владыка съ 8-ю сослужащими Ему: Протоіереемъ и настоятелемъ Богородице-Рождественской ц. А. Чугаевымъ, ключаремъ Г. Виноградовымъ, священниками г. Бѣлонолья: о. Н. Борисоглѣбскимъ, о. М. Ракшевскимъ, о. М. Подлуцкимъ, о. П. Лысенковымъ и двумя священниками ихъ сельскихъ приходоѡ. Въ служеніи участвовали также прибывшій съ Владыкою о. протоіакопъ В. Вербицкій и пять мѣстныхъ діаконовъ. Пѣлъ литургію мѣстный хоръ, подъ управленіемъ учителя городского училища г. Волкова. Пѣніе было стройное и пріятное.—Обширный храмъ былъ наполненъ массою народа.

Въ концѣ литургіи Высокопреосвященнѣйшій Владыка обратился къ народу съ глубоко назидательнымъ и сердечно-прочувствованнымъ поученіемъ о значеніи для христіанина праздника Воскресенія Христова. Въ живой импровизированной бесѣдѣ, въ духѣ простого народа, Высокопреосвященный ораторъ, изъяснивъ смыслъ прѣвѣтственныхъ праздничныхъ словъ: „Христосъ воскрес!“ и „Востану воскрес!“ , указалъ слушателямъ, что Воскресеніе Христово есть величайшее чудо, въ которомъ проявилась невзреченная слава и божественное могущество Сына Божія Іисуса Христа, что оно было послѣднимъ заключительнымъ и самымъ важнымъ дѣломъ спасенія нашего искупленія отъ первороднаго грѣха всего рода человѣческаго, и потому составляетъ для насъ, христіанъ, предметъ величайшей радости и духовнаго торжества. Вотъ что приблизительно говорилъ Владыка:

„Христосъ Воскресе!

Востану Воскресе!

Понимаете ли вы, православные христіане, всю силу, все значеніе сихъ четырехъ словъ?

По ученію св. апостоловъ, въ сихъ четырехъ словахъ заключается самая сущность нашей вѣры. Если, говорить апостоль, Христосъ не возста, тѣа убо вѣра наша, тѣе и упованіе наше, т. е. и вѣра наша и надежда наша не имѣють основанія. Прекрасно это выражено въ одной церковной пасхальной пѣснѣ. Она поется такъ: Нынѣ вся исполнишася свѣта, небо и земля, и преисподняя! Вотъ какое значеніе имѣеть Воскресеніе Христово! Воскресеніемъ Своимъ Господь исполнилъ радости и веселія и небо, и землю, и преисподнюю. Что такое небо? Кто не небѣ пребываетъ? На небѣ престоль Божій, на небѣ святые ангелы. Какимъ же образомъ, воскресеніемъ Своимъ Господь исполнилъ радости и свѣтлаго торжества небо?

Богъ создалъ человѣка чистымъ, безгрѣшнымъ. Человѣкъ же палъ и этимъ огорчилъ и оскорбилъ и Бога, и ангеловъ. Богъ сотворилъ человѣка единственно по любви Своей и сотворилъ его для блаженства. Онъ такъ возлюбилъ человѣка, что и Сына Своего Единороднаго отдалъ для спасенія его, а человѣкъ палъ! Паденіе его исполнило печали и Бога, и св. ангеловъ.

Воскресеніемъ же, явившимся печатью всей жизни, всего ученія и дѣлъ Іисуса Христа, Господь спасъ человѣка и этимъ примирилъ его съ Богомъ, что исполнило радости все небо: Бога и ангеловъ. Но Господь исполнилъ свѣта, Своимъ воскресеніемъ,

не только небо, но и землю, какъ сказано въ пѣснѣ. Кто на землѣ? Человѣкъ и вся окружающая его одушевленная и неодушевленная природа. Что воскресеніе Христово исполнило радости человѣка, объ этомъ и говорить нечего, ибо воскресеніемъ Своимъ Господь открылъ ему входъ въ царство небесное. Свѣта и радости исполнилась и природа. Какъ за преступленіе человѣка, своего царя, природа, повинувшись суетѣ и подверглась проклятію Божію, ибо сказалъ Богъ: „проклята земля за тебя“; такъ точно, чрезъ обновленіе человѣка воскресеніемъ Христовымъ вся тварь, т. е. природа земная, обновилась, получила Божіе благословеніе, возрадовалась и возликовала.

„Нынѣ вся исполнилася свѣта, небо и земля, и прейсподняя“.
Что же это—преисподняя? Это адъ! Неужели же в адъ исполнилась свѣта? Да, православные! Въ аду до воскресенія Христа находились не только бѣсы, но и всѣ люди, умершіе до этого всерадостнѣйшаго событія. Тамъ находились и величайшіе праведники Ветхаго Завѣта: Авраамъ, Исаакъ, Иаковъ, Моисей; пророки: Исаія, Іеремія, Давидъ и даже Предтеча Христовъ Іоаннъ! Правда, бѣсы не возрадовались, а вострепетали. Они всѣ силы употребили на то, чтобы утвердить верев ада, дабы не допустить въ свое царство Сына Божія Іисуса Христа. Но Господь силою Божества Своего разрушилъ ихъ препятствія и, лежа во гробѣ, какъ поется въ другой церковной пасхальной пѣснѣ, Божествомъ былъ да небѣ, Тѣломъ во гробѣ, Душею же Своею проникъ во адъ. Явленіе Его, какъ молнія, облистало это темное царство, и бѣсы испытали при этомъ такое пораженіе, какого не видали съ тѣхъ поръ, какъ за свое гордое противленіе Богу были свержены съ неба во адъ. Но зато, какова была радость праведниковъ при появленіи Господа во адѣ! Какъ возрадовались они! Объ этой радости говорилъ Христосъ Спаситель, когда сказалъ, что „Авраамъ видѣлъ день мой и возрадовался“. Возрадовался потому, что, сошедши во адъ, Христосъ вывелъ оттуда всѣхъ праведниковъ въ рай. Объ этомъ говорить и св. Іоаннъ Златоустъ въ своемъ словѣ, которое всегда читается на первый день св. Пасхи: „воскресе Христосъ, и мертвый ни одинъ во гробѣ“.

Какое же, православные, мы выведемъ для себя изъ нашей бесѣды нравоченіе? Воскресеніемъ Своимъ Іисусъ Христосъ доказалъ, что Онъ—Богъ. Воскресеніемъ Своимъ Господь примирилъ насъ съ Богомъ, открывъ намъ доступъ въ рай, на небо, такъ что уже нѣтъ вѣчной смерти для вѣрующихъ въ Него,—они по смерти

не идуть во адъ, а послѣ временнаго пребыванія во гробѣ, если, конечно, своею жизнью заслужать того, пойдуть въ рай, къ Богу. Будемъ же стойко держаться того, что принесъ Онъ на землю для нашего спасенія. Будемъ стойки въ вѣрѣ православной, такъ чтобы ни въ что и ничто не могло совратить насъ съ пути, праваго на путь заблужденій. Будемъ исполнять уставы св. Церкви Православной: исповѣдываться, говѣть хоть разъ въ годъ. Пусть и жены, и дѣти ваши, по крайней мѣрѣ, хоть разъ въ годъ, очищаютъ свою совѣсть покаяніемъ. Будемъ охотно и съ радостію пользоваться святыми, богоустановленными таинствами, ибо въ нихъ подается благодать Божія во спасеніе наше. Если же явится люди, которые будутъ совращать васъ, то бѣгите, бѣгите отъ нихъ! Не слушайте таковыхъ, православные! Слушайте пастырей своихъ, на обязанности которыхъ лежатъ проповѣдывать истинное Слово Божіе, и которые дѣйствительно проповѣдываютъ его вамъ“.

Служеніе литургіи завершилось провозглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому, Св. Синоду, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію съ богохранимою его паствою, братія св. храма и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

Послѣ литургіи Высокопреосвященный Арсеній отправился въ квартиру о. прот. Чугаева и здѣсь выкупалъ чашку чая и немного отдохнуль, а затѣмъ поѣхалъ въ Ильинскую церковно-приходскую школу, въ которой были собраны дѣти всѣхъ бѣлопольскихъ школъ, числомъ около 600 человѣкъ, вмѣстѣ съ учителями и учительницами. При входѣ Его Высокопреосвященства дѣти дружно и стройно пропѣли „исъ полла эти деспота“. Владыко, осѣнивъ всѣхъ Архипастырскимъ благословеніемъ, предложилъ дѣтямъ пропѣть „Христосъ воскресъ“, что они и исполнили хоромъ три раза. Послѣ этого уѣздный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ Сумскаго уѣзда священникъ о. С. Недѣлька обратился къ Его Высокопреосвященству съ слѣдующею рѣчью:

Ваше Высокопреосвященство,

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастыръ и Отецъ!

Церковныя школы въ Сумскомъ уѣздѣ, ввѣренныя моему наблюденію, первое время, когда Державной волѣ почившаго Императора Александра III благоугодно было оживотворить ихъ, встрѣчены были съ недо-
вѣріемъ, предубѣжденіемъ, даже не преувеличимъ, если скажемъ, съ

открытою въ нѣкоторыхъ случаяхъ враждебностію. Церковнымъ школамъ окружающіе ставили въ укоръ: неудобство помѣщеній, бѣдность школьной обстановки, недостаточность педагогической подготовки учащихся и не хотѣли вѣрить въ жезнеспособность и полезность ихъ. Правда, наши церковныя школы въ первое десятилѣтіе своей дѣятельности находились въ крайне стѣсненныхъ внѣшнихъ условіяхъ существованія, что неблагоприятно отзывалось и на внутреннемъ ихъ содержаніи, т. е. на учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Въ настоящее время осмѣливаюсь предъ Вами, **Высокопреосвященнѣйшій Владыко**, засвидѣтельствовать, что большое число въ уѣздѣ такихъ школъ, которыя могли бы служить истиннымъ образцомъ народной школы; но и теперь еще раздаются голоса противъ церковныхъ школъ, и теперь еще нѣкоторые лица не хотятъ видѣть дѣйствительныхъ достоинствъ нашихъ школъ и той пользы, которую онѣ приносятъ народу. И мы, учащіе въ сихъ школахъ, скромные работники въ этомъ святомъ дѣлѣ, нуждаемся въ ободреніи и поддержкѣ. Такимъ ободреніемъ, такою нравственною поддержкою для насъ является благосклонное вниманіе **Архипастырей**. Велюка наша радость въ настояція минуты, **Милостивѣйшій Архипастырь** и Отець, что мы удостоились съ своимъ питомцами предстать предъ Тобою и имѣемъ возможность лично просить Твоего Святительскаго благословенія на насъ, нашихъ питомцевъ, и наши скромныя труды. Основное молю Тебя, **Высокопреосвященнѣйшій Владыко**, въ лицѣ предстоящихъ благословить и всѣхъ учащихся и учащихся въ церковныхъ школахъ уѣзда, да по Твоимъ Святительскимъ молитвамъ Небесный Учитель. ниспошлетъ намъ, учащимъ, разумъ и ревность въ трудахъ, а питомцы наши да возрастутъ Ему, Создателю нашему, во славу, родителямъ своимъ на утѣшеніе, Церкви и отечеству на пользу.

Выслушавъ благосклонно эту рѣчь и принявъ рапортъ о состояніи школъ въ Сумскомъ уѣздѣ, Владыка съ необыкновенною простотою и ласковостію обратился къ дѣтямъ и сталъ предлагать имъ вопросы изъ Закона Божія, при чемъ предварительно заставлялъ ихъ читать хоромъ Символъ вѣры, останавливая ихъ на нѣкоторыхъ членахъ и спрашивая объясненія, а также и другія молитвы.

Оригинальный дидактическій пріемъ, пропозношеніе молитвъ хоромъ, доказывающій глубокое пониманіе **Высокопреосвященнымъ** посѣтителемъ педагогическаго дѣла, вмѣстѣ съ простотою и ласковымъ обращеніемъ, сразу внушили дѣтямъ полное довѣріе и

расположеніе къ вопрошавшему и произвели на всѣхъ присутствующихъ въ школѣ чарующее впечатлѣніе. Отвѣты дѣтей были бойки и осмысленны, и Владыка остался ими доволенъ. Въ заключеніе, Владыка заставилъ дѣтей пропѣть: „Ангелъ вопіяше“, „Свѣтися, свѣтися“ и „Спаси Господи“ и благословилъ отдѣльно всѣхъ учителей и учительницъ, вручивъ при чемъ каждому по крестыку. Потомъ, вручивъ о. Наблюдателю нѣсколько книжекъ своего изданія (жизнь св. Гурія, Варсонофія и Германа Казанскаго чудотворца) и болѣе 400 крестыковъ для раздачи ученикамъ и осѣнивъ всѣхъ общимъ благословеніемъ, на каковое дѣти отвѣтили пѣніемъ исъ полна эти деспота, Высокопреосвященнѣйшій Владыка вышелъ изъ школы и отправился обозрѣвать церкви г. Бѣлополя.

Порядокъ обозрѣнія церквей былъ таковъ: 1-я Покровская, 2-я Петропавловская, 3-я Михаило-Архангельская, 4-я Ильинская, 5-я Преображенская. 6-ю церковь Богородице-Рождественскую Владыка осмотрѣлъ послѣ служенія въ ней, а алтари и св. антиминсы—во время причащеного стоянія. Въ каждой церкви Владыка, послѣ осмотра, бесѣдовалъ съ прихожанами. Предметами бесѣдъ были храмовые праздники, въ честь которыхъ устроены св. храмы. Бесѣды были необыкновенно просты и увлительны. Въ Ильинской и Преображенской церквяхъ Владыка заставлялъ дѣтей рассказать исторію св. пророка Ілія и Преображенія Господни—и особенно остался доволенъ разсказомъ о св. Пророкѣ Іліѣ. А въ Петропавловской церкви, слыша добрый отзывъ прихожанъ о священникѣ о. Павлѣ Лысенко, похвалилъ всѣхъ за мпрную жизнь во Христѣ.—Кромѣ церквей Владыка, по приглашенію городского головы, посѣтилъ городское 2-хъ-классное министерское училище. При посѣщеніи Владыка высказалъ неудовольствіе, что не было учениковъ (распущенныхъ по случаю праздниковъ).

Въ 5 часовъ пополудни, окончивъ обозрѣніе, Владыка возвратился въ квартиру о. протоіерея Чугаева, гдѣ ему предложена была скромная трапеза. За столомъ съ Владыкою были всѣ сослужившіе съ нимъ въ этотъ день и церковный староста Богородице-Рождественской церкви Пономаренко. За обѣдомъ о. протоіереемъ Чугаевымъ былъ предложенъ тостъ за драгоцѣнное здоровье Милостивѣйшаго Архипастыря, удостовѣившаго посѣтить этотъ отдаленный городъ своей епархіи и доставившаго ему честь первымъ, въ числѣ другихъ городовъ, принять Высокаго гостя—своего глубочайшаго Святителя. Присутствующіе громко пропѣли трое-

кратно: Многая лѣта! Такъ закончился знаменательный для Бѣлополя день 11-го апрѣля, память о немъ долго будетъ жить въ сердцахъ благодарныхъ жителей этого города!

Посѣщеніе г. Сумъ.

Утромъ въ 9 час. Его Высокопреосвященство, при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей, отбылъ изъ г. Бѣлополя на станцію ж. д. того же имени, въ сопровожденіи благочиннаго протоіерея Чугаева, городского головы г. Ральфа, мѣстнаго пристава г. Решетлова и многихъ гражданъ. На вокзалѣ собралась большая толпа народа, желавшая проводить своего Архіепископа. Владыка, преподавъ свое Архипастырское благословеніе, каждому отдѣльно, вошелъ въ ваговъ и, съ подошедшимъ къ тому времени поѣздомъ, отправился въ г. Сумы, куда и прибылъ въ 11 час. дня. Здѣсь, на станціонной платформѣ, Его Высокопреосвященство встрѣченъ былъ благочиннымъ гор. Сумъ Протоіереемъ В. Никольскимъ, Сумскимъ городскимъ головою В. Н. Золотаревымъ, Начальникомъ Сумскаго Кадетскаго Корпуса генераломъ Піотухъ-Кублицкимъ, Помощникомъ уѣзднаго Исправника, полицейскими чинами и массою народа. Поздоровавшись съ начальствующими лицами и преподавъ всѣмъ общее благословеніе, Владыка отправился въ Сумское духовное училище, находящееся не вдалекѣ отъ вокзала, по дорогѣ въ Сумской соборъ. Встрѣченный при входѣ въ зданіе училища Смотрителемъ его Протоіереемъ о. А. Грузовымъ, Его Высокопреосвященство прослѣдовалъ въ училищную церковь, въ которой, прослушавъ обычныя встрѣчныя молитвословія, съ возглашеніемъ многолѣтія и осмотрѣвъ св. алтарь и церковную утварь, отправился для осмотра классныхъ и спальныхъ помѣщеній учениковъ, при чемъ заходилъ и въ квартиру Смотрителя и его Помощника. Уѣзжая изъ Духовнаго училища, Владыка поручилъ о. смотрителю совершить отъ его имени панихиду по усопшемъ строителѣ училища высокопреосвященномъ Амвросіи передъ началомъ учебныхъ занятій, когда соберутся всѣ воспитанники. Изъ училища Его Высокопреосвященство при торжественномъ звонѣ всѣхъ церквей города отправился въ Сумской Преображенскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ массою народа и всѣмъ городскимъ духовенствомъ, съ крестомъ и св. водою. Облачившись въ мантию и поцѣловавъ св. крестъ и окропивъ себя св. водою, Владыка выслушалъ слѣдующую привѣтственную рѣчь, произнесенную соборными Протоіереемъ Н. Фесенковымъ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыка,

Милостивѣйшій Архипастыръ и Отецъ!

Вотъ и Ты, Святитель Божій, съ нами, вотъ и мы — дѣти твои — съ Тобою!.. Съ живѣйшею радостію стеклись мы встрѣтить Тебя, своего

Отца, котораго послалъ Самъ Царь Небесный... Отъ лица всѣхъ чадъ твоихъ свидѣтельствую предъ Тобою,—всѣ мы готовы съ покорностію исполнять Твои Архипастырскія наставленія и велѣнія, такъ какъ мы вѣримъ, Владыка Святый, что Твои велѣнія—велѣнія Св. Духа, благодать Котораго сугубо почиваетъ на Тебѣ.

Съ радостію встрѣчалъ, съ уюваніемъ и просимъ Тебя, Святитель Божій, обними насъ всѣхъ теплою любовію Отца, чтобы, согрѣваемые ею, тѣмъ съ большею ревностію слѣшили мы на предлагающей намъ подвигъ, подвигъ добра, чести, долга, правды, преданности Престолу и Отечеству, и подъ Твоимъ мудрымъ руководствомъ неуклонно шли по Той дорогѣ, Которая прямо ведетъ въ рай.

Послѣ этого въ предшествіи духовенства, при пѣніи имъ тропаря храма, Владыка вошелъ въ алтарь и приложился къ св. престолу. Выслушавъ затѣмъ встрѣчныя молитвословія и многолѣтіе, Владыка съ св. крестомъ въ рукахъ самъ произвесь многолѣтствіе жителямъ города Сумъ и привѣтствовалъ ихъ Архипастырскими благожеланіями. Затѣмъ преподавъ всѣмъ, находящимся въ храмѣ, общее благословеніе, Высокопреосвященнѣйшій Владыка отправился для обзора ближайшихъ къ собору церквей: Покровской, Воскресенской и Николаевской.

Во всѣхъ этихъ церквахъ Архипастыръ встрѣчаемъ былъ множествомъ людей, желавшихъ получить святительское благословеніе и услышать изъ его устъ живое назидательное слово, въ чемъ и были утѣшены... Затѣмъ, по приглашенію г. инспектора народныхъ училищъ г. Жубро, Высокопреосвященнѣйшій Владыка посѣтилъ городское училище, въ которомъ собралось болѣе ста учащихся—мальчиковъ и дѣвочекъ. Дѣти пропѣли нѣсколько молитвъ. При спрашиваніи ихъ по Закону Божію Владыка употреблялъ тотъ же способъ, что и въ Бѣлопольѣ. Отвѣты дѣтей были удовлетворительны, и Владыка ими остался доволенъ. Въ заключеніе дѣти пропѣли: „Спаси, Господи“ и „Боже Царя храни“. Владыка оставилъ имъ для раздачи нѣсколько книжекъ и крестиковъ.

Въ 6 час. вечера въ Преображенскомъ сумскомъ соборѣ началось всенощное бдѣніе. Владыка выходилъ на литію и величаніе и затѣмъ до конца всенощной помазывалъ св. елеемъ всѣхъ молящихся, которыми величественный и огромный соборъ былъ переполненъ.

На другой день—13 Апрѣля въ Фомино воскресенье—въ 9 часовъ утра Высокопреосвященнѣйшій Арсеній прибылъ въ соборъ для совершенія Божественной Литургіи. Въ служеніи оной съ Его Высокопреосвященствомъ участвовали: протоіерей В. Никольскій, смотритель духовнаго училища протоіерей А. Грузовъ, протоіерей Н. Фесенко, блю-

чарь свящ. Виноградовъ, двое законоучителей — мужской гимназій и реальнаго училища, — и священники Г. Дмитриевъ и А. Церковницкій, о. протодіаконъ Вербицкій и три діакона сумскаго собора. — Литургію, а наканунѣ всенощное бдѣніе, пѣлъ соборный хоръ, подъ управленіемъ регента Ѳ. В. Коваленко. Пѣніе было стройное и безукоризненное. Владыка имъ остался очень доволенъ и хвалилъ регента. Въ концѣ литургіи Владыка произнесъ слово, въ которомъ раскрылъ предъ слушателями значеніе двухъ воспоминаемыхъ въ педѣлю св. Ѳомы событій: во 1-хъ) сошествія Спасителя во адъ и во 2-хъ) явленія его въ 8-й день по воскресеніи своимъ ученикамъ вмѣстѣ съ невѣрующимъ въ его воскресеніе Ѳомою.

Въ первой половинѣ своего слова Владыка разъяснилъ, что Спаситель нисходилъ въ адъ для того, чтобы сокрушить верепъ адовы, разорвать оковы, коими были связаны княземъ тьмы души умершихъ, и вывести ихъ изъ чрева адова въ пресвѣтлый рай. Съ какою радостію, заключилъ Владыка первую часть слова, встрѣтили Господа въ адѣ Адамъ, Авраамъ и другіе ветхозавѣтные праведники, такъ давно ожидавшіе его пришествія! Во второй половинѣ своего слова, Владыка напомнилъ слушателямъ, что они должны были слышать въ Евангельскомъ чтеніи о явленіи Христа апостоламъ въ 8-й день по воскресеніи для увѣренія Ап. Ѳомы въ дѣйствительности своего воскресенія. Св. Ап. Ѳома, хотя и слышалъ отъ другихъ апостоловъ о воскресеніи своего Божественнаго Учителя, но, не видя его, не имѣлъ для сего въ душѣ своей твердой вѣры. Явившись св. Ѳомѣ и убѣдивши его въ истинѣ воскресенія, Христосъ показалъ ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и намъ, что „вѣра предпочтительнѣе видѣнія и осязанія, потому что вводитъ въ общеніе съ Христомъ болѣе глубокое, чѣмъ внѣшнее чувственное прикосновеніе къ Нему, не всегда сопровождающееся вѣрою, какъ показываетъ примѣръ многихъ очевидцевъ жизни и чудесъ Христовыхъ, не только не увѣровавшихъ въ Него, но еще отаравшихся отвѣчь другихъ отъ вѣры въ Него“.

Послѣ литургіи и краткаго отдыха въ домѣ о. Протоіерея В. Никольскаго, Владыка отправился обозрѣвать церкви г. Сумъ, оставшіяся неосмотрѣнными наканунѣ. Осмотрѣвъ Ильинскую церковь, гдѣ собралась масса народа и преподавъ всѣмъ общее благословеніе, Владыка отправился пѣшкомъ въ Ильинскую церковно-приходскую школу, въ которой, какъ въ одной изъ обширнѣйшихъ, собрано было со всѣхъ церковно-приходскихъ школъ г. Сумъ до 800 учащихся дѣтей, встрѣтившихъ Архипастыря троекратнымъ пѣніемъ: „Христосъ Воскресе“ и несъ поглазги деспота. Послѣ сего наблюдатель церковно-приходскихъ

школъ Сумскаго уѣзда о. С. Недѣлка привѣтствовалъ Его Высокопреосвященство рѣчью.

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Архипастырѣ и Отецъ!

Вновь имѣю великое счастье предстать предъ Вами, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, съ учащими и учащимися церковныхъ школъ, вѣранныхъ моему наблюденію. Здѣсь собраны 800 дѣтей, учащихся въ городскихъ церковныхъ школахъ.

Открытіе церковныхъ школъ въ городѣ Сумахъ не было новостію въ тотъ достопамятный для всей Россіи 1884 годъ, когда почившему Государю Императору Александру III благоугодно было вызвать въ жизни старыя типы школы церковной и высказать надежду, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ святомъ дѣлѣ народнаго обученія. Двѣ изъ наличныхъ церковныхъ школъ города, при Спасо-Преображенскомъ Соборѣ и Покровской церкви, начали свою просвѣдательную дѣятельность еще въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія. Было время, когда эти школы являлись единственными расадниками обученія грамотѣ среди гражданъ. Почти всѣ нынѣ здравствующіе старики-грамотеи, разумѣю коренныхъ жителей города, были учениками церковныхъ школъ. И въ настоящее время наши школы пользуются полнымъ расположеніемъ гражданъ, что свидѣлствуются тѣмъ, что онѣ переполнены учащимися, зданія, въ которыхъ помѣщаются, добавлю—вполнѣ отвѣчающія своему назначенію, устроены почти исключительно на пожертвованія попечителей—гражданъ, отъ нихъ же школы получаютъ и средства содержанія. Городскому духовенству остается только съ любовью, ревностію и успѣхомъ трудиться въ святомъ дѣлѣ обученія дѣтей. Предстоя въ настоящія минуты лицомъ къ лицу предъ Тобою, Милостивѣйшій Архипастырѣ и Отецъ, нашимъ главнымъ руководителемъ и попечителемъ школьнаго дѣла, мы просимъ Тебя благословить насъ, да дастъ намъ Божественный Учитель силы и крѣпость оправдать надежды, возлагаемыя на духовенство Высочайшею Властію и свято исполнить и завѣтъ Царя, чтобы питомцы нашихъ школъ были истинными сынами Церкви, и вѣрными слугами Его. Тебѣ же, Преосвященнѣйшій Владыко, за Твое благодостное вниманіе къ намъ мы сейнасъ единымъ, сердцемъ, и устами пѣли и будемъ пѣть: „исъ полла эти, Деспота, исъ полла эти, Деспота, исъ полла эти, Деспота!“ Владыка сказалъ въ отвѣтъ, что если раздаются еще голоса противъ церковныхъ школъ, то многіе прежніе враги-

церковныхъ школъ теперь уже много мнѣнія; духовенству нечего смущаться голосами противниковъ церковныхъ школъ, такъ какъ народъ за нихъ. Архипастыря окружили дѣти. Ласковость обращенія Владыки и не сходящая все время съ лица его добрая улыбка, въ нѣсколько минутъ привлекли къ нему дѣтскія сердца, и дѣти безъ робости, съ особенною радостью и воодушевленіемъ старались одинъ скорѣе другого давать отвѣты на вопросы Владыки. Наконецъ, по желанію Владыки, дѣти спѣли нѣсколько священныхъ пѣсней и въ заключеніе—народный гимнъ. Отвѣтами и пѣніемъ дѣтей Высокопресвященный Владыка, видимо остался доволенъ, что и выразилъ въ слѣдующихъ словахъ, написанныхъ имъ въ школьной книгѣ для почетныхъ посѣтителей: „1903 года, апрѣля 13-го дня. Истинно святое высокое духовное утѣшеніе получилъ я отъ учениковъ сумскихъ церковно-приходскихъ школъ“. Благословивъ учащихъ и учащихся святыми крестиками и поблагодаривъ о. наблюдателя и учителей за отличные успѣхи учащихся, Высокопресвященный Владыка при пѣвнѣ всѣми присутствовавшими „исъ подла эти деспота“, поѣхалъ въ кадетскій корпусъ, куда прибылъ около двухъ часовъ.

Здѣсь Владыка встрѣченъ былъ Начальникомъ корпуса и всѣми служащими въ вестибюлѣ корпуснаго зданія, отсюда въ сопровожденіи ихъ направился въ церковь, гдѣ были собраны кадеты. Осмотрѣвъ св. алтарь, Владыка обратился къ кадетамъ съ рѣчью и, по поводу того, что храмъ освященъ во имя св. Іоанна Богослова—апостола любви, говорилъ о любви къ Богу, Царю и отечеству. Приблизившись затѣмъ къ кадетамъ, Владыка подѣлился съ ними воспоминаціями изъ своей службы въ Кіево-Владимірскомъ корпусѣ въ должности законоучителя и о тѣхъ прѣмыхъ и сердечныхъ отношеніяхъ, которыя установились у него съ воспитанниками. Изъ церкви Владыка заходилъ въ квартиры Начальника Корпуса и Священника, посѣтилъ и лазаретъ, гдѣ было 4 больныхъ.

Изъ корпуса Владыка прослѣдовалъ въ кладбищенскую Покровскую церковь. Къ пріѣзду Владыки храмъ былъ переполненъ народомъ. Вступивъ въ церковь, Высокопресвященный Архипастырь вмѣсто архіерейской встрѣчи велѣлъ причту совершить литію по усопшимъ. Настало время пѣнія „со святими упокой... Вдругъ Архипастырь сказалъ: „Пойте всѣ“, и молящіеся вмѣстѣ съ хоромъ стали пѣть эту трогательную священную пѣснь. Это общее пѣніе, эта общая молитва производили глубокое впечатлѣніе. Послѣ совершенія литіи, Владыка обратился къ народу съ словомъ, въ которомъ выяснилъ великое значеніе для усопшихъ и вообще для всѣхъ людей Воскресенія Господа

Иисуса Христа. Сопровождаемый городскимъ головою и церковнымъ старостою Н. И. Скубенко, Владыка осматрѣлъ кладбище и выдающіеся по своему художественному исполненію памятники.

Отсюда Владыка поѣхалъ въ Богородице-Рождественскую церковь. Здѣсь встрѣченъ былъ множествомъ народа, котораго церковь по тѣспотѣ не могла вмѣстить. Замѣтивъ это Владыка предлагалъ прихожанамъ позаботиться о расширеніи храма. Прихожане отвѣтили готовностію на сіе доброе дѣло.

Затѣмъ Владыка посѣтилъ два приюта для дѣвочекъ—г. Н. М. Харитоненко, гдѣ дѣти встрѣтили Его вѣрными пѣніемъ,—и—г. Сухановой, гдѣ есть мошальная домовая церковь, въ которой дѣти пѣли тоже довольно стройно.

Возвратился Владыко довольно утомленный въ квартиру о. протоіерея Никольскаго въ 5 часовъ дня.

Посѣщеніе г. Лебедина.

Въ 6 час. утра Высокопреосвященный Владыка выѣхалъ изъ гор. Сумъ и по дорогѣ къ вокзалу заѣхалъ въ Троицкую церковь. Побывавъ въ церкви и осматрѣвъ ее, Владыка пожелалъ взглянуть на строящуюся рядомъ новую церковь. Церковь и колокольня доведены до крыши, но снаружи и внутри загромождены лѣсами. По размѣрамъ церковь очень велика. Строится на средства Н. М. Харитоненко. Въ 7 час. съ поѣздомъ ж. д. Владыка отбылъ со ст. Сумъ. На станцію собралось проводить Его все Сумское духовенство. Въ 10 час. съ $\frac{1}{2}$ утра поѣздъ съ Его Высокопреосвященствомъ прибылъ въ г. Лебединъ. На вокзальной платформѣ Владыку встрѣтили: предводитель дворянства А. Л. Величко, председатель земской управы г. Кучеровъ, городской голова, представитель земства и земскій начальникъ 5 участка съ депутаціей волостныхъ старшинъ всѣхъ 5 волостей. Городской голова и волостные старшины поднесли Владыкѣ хлѣбъ-соль. Принявъ хлѣбъ-соль и поблагодаривъ встрѣчавшихъ, Владыка призвалъ на всѣхъ благословеніе Божіе и направился къ ожидавшей его каретѣ. Тысячная толпа народа ожидала Владыку на площади передъ вокзаломъ. Благословивъ народъ, Владыка направился къ городскому собору при торжественномъ звонѣ во всѣхъ городскихъ церквахъ.

У собора Владыку ожидала еще большая толпа народа и духовенство всѣхъ городскихъ церквей въ золотыхъ облаченіяхъ. Выйдя изъ кареты, приложившись ко кресту и окропивъ себя святой водой, Владыка благословилъ народъ. При входѣ Владыки въ со-

боръ, выстроенные въ два ряда учащіея всѣхъ семи лебединскихъ городскихъ приходскихъ школъ, встрѣтили его пѣніемъ пасхальнаго тропаря. Послѣ обычнаго моленія и установленнаго многолѣтія Владыка со св. крестомъ въ рукахъ, обратившись къ народу, произнесъ многолѣтіе православнымъ жителямъ богоспаасаемаго города Лебедина. Настоятель собора протоіерей Стефанъ Прокоповичъ сказалъ привѣтственную рѣчь, въ которой благодарилъ архипастыря за посѣщеніе Лебедина и выразилъ чувство радости населенія. Обратившись затѣмъ къ народу, Владыка указалъ на бѣдность соборнаго храма и на необходимость привести его въ достойный видъ, что составляетъ обязанность не однихъ только прихожанъ, но и жителей всѣхъ другихъ городскихъ приходоѡ, для которыхъ соборъ долженъ быть главной святыней.

Тѣмъ временемъ учащіея городского 4-хъ класснаго училища и всѣхъ начальныхъ и церковно-приходскихъ школъ, въ числѣ до 1000 мальчиковъ и дѣвочекъ, были собраны въ залѣ Народнаго Дома, куда изъ собора и прибылъ Владыка, въ сопровожденіи предводителя дворянства, предсѣдателя земской управы, инспектора народныхъ училищъ, представителей администрацій, законоучителей и учителей и учительницъ всѣхъ школъ. По желанію владыки, дѣти пропѣли „Христось Воскресе“, послѣ чего Владыка провѣрялъ знанія дѣтей по Закону Божію.

Около двухъ часовъ архипастырь провелъ съ дѣтьми въ оживленной бесѣдѣ, которая раза два—три смѣнялась общимъ пѣніемъ церковныхъ пѣсноѡпній. Въ заключеніе Владыка предложилъ всѣмъ пропѣть гимнь „Боже, Царя храни“. Владыка обратился затѣмъ съ краткою рѣчью къ учащимъ.

„Вы слышите эту мощь, говорилъ онъ, вы видите, какая слава въ вашихъ рукахъ. Не дай же Богъ кому-либо изъ васъ вести эту славу не по надлежащему пути, выѣ единенія съ св. Церковью и ея ученіемъ, а особенно храни васъ Богъ даже отъ мысли сѣять на этой нивѣ дурныя сѣмена. Ваша дѣятельность, говорилъ далѣе Владыка, есть по истинѣ высокій подвигъ, это вашъ жизненный крестъ, поэтому я и благославляю васъ знаменіемъ креста“.

При этихъ словахъ Владыка роздалъ учащимъ крестники. Крестники же для роздачи учащимся передалъ отцу наблюдателю и учителю инспектору 4-хъ класснаго городского училища.

При пѣніи „всѣ полла эти, деспота“ Владыка оставилъ Народный Домъ и отиравился въ квартиру отца благочиннаго.

Кромѣ церквей, Владыка посѣтилъ также и женскую прогим-

навію, гдѣ провѣрялъ знанія воспитанницъ по Закону Божию и, прослушавъ пѣніе, роздалъ имъ въ благословеніе крестыки. Къ четыремъ часамъ по полудни осмотръ церквей былъ законченъ, послѣ чего архипастырь ирпнялъ обѣдъ, предложенный ему уѣзднымъ предводителемъ дворянства А. Л. Величко. За обѣдомъ присутствовали Представители дворянства, духовенства, города и земства, земскіе начальники, уѣздный членъ суда, инспекторъ народныхъ училищъ и др.

Въ застольныхъ рѣчахъ предводитель дворянства и В. В. Давыловъ въ сердечныхъ выраженіяхъ благодарили Архипастыря за скорое, по вступленіи на кафедру, посѣщеніе города Лебедина и за участливое отношеніе къ дѣлу народнаго образованія и желали ему много лѣтъ управлять епархіей.

Предсѣдатель земской управы Я. В. Кучеровъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на одинаково благожелательное отношеніе Владыки какъ къ церковно-приходскимъ, такъ и земскимъ школамъ.

15-го апрѣля въ Соборѣ его Высокопреосвященство служилъ литургію, въ сослуженіи всего лебединскаго духовенства, и въ концѣ литургіи обратился къ наполнявшему церковь народу съ простымъ по изложенію глубоко-чязидательнымъ словомъ о поминеніи усопшихъ.

Послѣ кратковременнаго отдыха въ квартирѣ отца благочиннаго, Владыка, сопровождаемый на вокзалъ представителями всѣхъ вѣдомствъ и множествомъ народа, съ ближайшимъ поѣздомъ выѣхалъ изъ г. Лебедина.

Посѣщеніе г. Богодухова.

15-го апрѣля, въ 4 часа пополудни, въ городъ Богодуховъ прибылъ Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, встрѣченный на станціи мѣстнымъ о. благочиннымъ, свящ. Ал. Станиславскимъ, исправникомъ Е. А. Дистерло и депутаціей отъ города съ городскимъ головой. На станціи собралась масса народа. Въ сопровожденіи означенныхъ лицъ Владыка прежде всего посѣтилъ соборъ, гдѣ находился въ числѣ другихъ лицъ, предводитель дворянства А. М. Селастенниковъ. У воротъ ограды церковный староста генераль-маіоръ М. Д. Воейковъ привѣтствовалъ Владыку хлѣбомъ-солью. При входѣ въ Соборъ Владыки о. благочинный, настоятель собора свящ. Станиславскій, привѣтствовалъ его слѣдующею рѣчью.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Нашъ Архипастырь и Отецъ!

Духовенство 1-го Богодуховскаго округа и населеніе града сего,

преисполненное радостныхъ чувствъ, въ лицѣ моемъ привѣтствуетъ Тебя какъ высокаго гостя, горячо желаннаго нашего Архипастыря съ Твоимъ благополучнымъ пути бытіемъ.— Не правила этикета и оффиціальнаго приличія къ Твоему высокому сану заставили насъ собраться къ встрѣчѣ Тебя при такомъ сомнѣ священнослужителей и многочисленномъ стеченіи населенія, а болѣе сыновняя любовь къ Тебѣ, желаніе лицезрѣть Тебя, услышать Твое любвеобильное, отеческое всегда полное убѣжденности и искренней задушевности наставленіе и вразумленіе, получить отъ Тебя Святительское благословеніе и испросить Твоихъ Архипастырскихъ молитвъ.

Не спрашивай насъ, Владыко Святый, откуда мы знаемъ о Тебѣ, что уже и любимъ Тебя? Тридцать пять лѣтъ Твоей служебной и общественной жизни есть такая многоназидательная книга, золотыя страницы которой краснорѣчиво всѣмъ говорятъ о неусыпной Твоей Апостольской дѣятельности и о неоцѣненныхъ качествахъ и совершенствахъ Твоего Святительскаго духа. Эта книга Твоей жизни говорить, что мы въ лицѣ Тебя встрѣчаемъ Архипастыря, извѣстнаго своею мудростію въ дѣлахъ управленія обширными паствами,—многопопечительнаго Святителя и любвеобильнаго отца, отершаго слезы десяткамъ тысячъ бѣдниковъ въ годину голода,—эта книга говорить, что мы въ лицѣ Тебя встрѣчаемъ Святителя, питающаго всегда свою паству живымъ Святительскимъ словомъ и усерднѣйшаго и неутомимѣйшаго Миссіонера, стремящагося къ просвѣщенію свѣтомъ Христова ученія не познавшихъ Христа и заблудшихъ овецъ стада Его.

Встрѣчая Тебя таковымъ, мы не сумняся вѣримъ и надѣемся, что тѣ же блага Ты сдѣлаешь и въ новой Твоей паствѣ Харьковской. Желаніе постоянной дѣятельности у Тебя, Владыко Святый, такъ велико, что Ты, не окрѣпши послѣ недуга своего, вопреки даже совѣта врачей, не желая терять дорогого времени послѣшилъ къ намъ обозрѣть часть своей паствы, ознакомиться съ ней на мѣстѣ, чтобы право ею править. Есть еще, Милостивѣйшій Архипастырь, побужденіе встрѣчать Тебя съ искреннею любовію. Блаженной памяти Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, мужъ великаго разума и дѣла, при мысли о своей кончинѣ гадалъ и о своемъ преемникѣ, при чемъ остановился онъ на Тебѣ. Паства Харьковская, слѣдя за твоею плодотворнѣйшею дѣятельностію мечтала имѣть Тебя своимъ Архипастыремъ и вотъ Господь внялъ

голосу нашему в даль Тебя намъ какъ Архипастыря по сердцу нашему.

Гряди же, благостнѣйшій Владыко, съ миромъ въ нашъ Святыи храмъ, благослови пастырей и пасомыхъ, да и мы купно съ Тобою помолнимся, чтобы Господь далъ крѣпость Твоимъ душевнымъ и тѣлеснымъ силамъ на многіе годы святительствовать на пользу Св. Церкви и Твоей новой Богодарованной паствы.

Поблагодаривъ за привѣтствіе и осмотрѣвъ соборъ, Владыка обратился къ народу со словами: „Христосъ Воскресе!“... послѣ чего сказалъ, что ему въ высшей степени пріятно видѣть такое множество народа въ храмѣ, что свидѣтельствуешь о религіозности населенія. Затѣмъ Владыка совершилъ при участіи всего соборнаго духовенства молебствіе. По окончаніи молебна, благословивъ народъ, Владыка отправился осматривать церкви Покровскую и Троицкую; въ послѣдней были собраны ученики всѣхъ богодуховскихъ церковныхъ школъ съ учителями. Владыка спрашивалъ учениковъ по предметамъ Закона Божія и церковнаго пѣнія, толкованіями и бойками отвѣтами учениковъ остался доволенъ, всѣмъ учащимъ и учащимся раздалъ по крестыку и книжкѣ. Отсюда Владыка отправился въ городское училище и женскую прогимназію, гдѣ также довольно долго спрашивалъ учащихся и раздавалъ крестыки и книжки. Владыка послѣ этого посѣтилъ домъ о. благочиннаго, гдѣ была ему предложена вечерняя трапеза, за которой присутствовалъ духовенство и мѣстные власти. Владыка посѣтилъ и церковнаго старосту, генералъ-маіора М. Д. Воейкова.

Изъ Богодухова Высокопреосвященный отправился въ Богодуховскій женскій Свято-Троицкій монастырь.

16-го апрѣля была совершена торжественная литургія въ Богодуховскомъ женскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, въ сослуженіи о. ключара, свящ. Г. Виноградова, благочиннаго монастырей Харьковской епархіи, архимандрита Вассіана, мѣтнаго благочиннаго, свящ. А. Станиславскаго, тринадцати священниковъ округа и восьми діаконѣвъ; всѣ служащіе были въ бѣлыхъ облаченіяхъ; пѣли два хора: соборный и монастырскій. Въ концѣ литургіи, въ положенное время Владыка сказалъ назидательное слово о значеніи въ исторіи и въ настоящее время иночества и монастырей. По окончаніи литургіи Его Высокопреосвященство благословилъ тысячную массу присутствовавшихъ въ храмѣ; пройдя въ покой яруменьи, гдѣ былъ поданъ чай, Владыка принималъ представлявшихся ему. Затѣмъ Владыка

осматривалъ монастырскія зданія и новостроящуюся громаднѣхъ размѣровъ монастырскую церковь, посѣтилъ келіи старшихъ монаховъ и О. И. Боярской, живущей въ монастырѣ и пожертвовавшей на новый храмъ до 100 тысячъ рублей. Послѣ обѣда Владыка при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей проѣхалъ на станцію желѣзной дороги. Духовенство, когда тронулся поѣздъ, пропѣло „Исхъ поля эти, деспота“, а Высокопреосвященный Владыка изъ окна вагона благословлялъ всѣхъ, собравшихся проводить архипастыря.

Посѣщеніе храма Христа Спасителя и Спасова Скита Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, архіепископомъ Харьковскимъ.

28 апрѣля съ специальнымъ поѣздомъ, въ 8 час. 44 мин. утра, выѣхалъ на мѣсто событія 17 октября 1888 г. Высокопреосвященный Арсеній, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій.

Ко времени прибытія поѣзда, на такъ называемой Царской платформѣ храма Христа Спасителя Высокопреосвященнаго Владыку встрѣтили архимандритъ святогорокаго монастыря Вассіанъ, настоятель храма св. Іоаннъ Филипповичъ, завѣдывающій Скитомъ іеромонахъ и мѣстное начальство. Здѣсь же былъ прибывшій изъ С.-Петербурга управляющій дѣлами инвалиднаго дома Императора Александра II, камергеръ І. П. Скаржинскій, непремѣнные члены Харьковскаго губернскаго присутствія Д. В. Деконноръ и Н. П. Савицкій (членъ завѣдующій дѣлами попечительства о молитвенныхъ памятникахъ въ „Боркахъ“), начальникъ движенія К.-Х.-С. жел. дороги Н. Ф. Королевъ, епархіальный наблюдатель церковныхъ школъ В. Ф. Давыденко, Харьковскій, купеческій староста И. К. Величенко, и другія лица, а также благочинный Харьковскихъ церквей протоіерей П. Т. Полтавцевъ и ключарь собора, св. Г. Виноградовъ. Владыка архіепископъ, спустившись съ лѣстницы, вошелъ прежде всего въ часовню, а затѣмъ, благословляя по пути собравшійся народъ, вступилъ въ предѣлы храма, гдѣ принялъ окропленіе св. водою. Облачившись въ алтарь, высокопреосвященный Арсеній вышелъ на солею и произнесъ приблизительно слѣдующее слово:

Съ тѣхъ поръ, когда вся русская земля была потрясена страшнымъ событіемъ 17 октября, я не переставалъ дѣлать мысль побывать на семъ святомъ мѣстѣ, чтобы вознести Господу Богу и свои горячія молитвы за живыхъ и мертвыхъ членовъ Августѣйшей семьи. Исполненный глубокимъ чувствомъ, религіознаго умиленія и великой духовной радости, дважды проѣзжалъ я черезъ сіе страшное мѣсто и дважды издали любовался всѣмъ, что воздвигнуто здѣсь любовью русскаго на-

рода. Въ^о настоящій день, благодареніе Богу, мое давнее сердечное желаніе исполнилось.

Вступая въ сей святой и величественный храмъ Божій, я снова испытываю глубокое волненіе религиозныхъ и патріотическихъ чувствъ, объемлющихъ меня при воспоминаніи о томъ величайшемъ чудѣ милости Божіей, какое сотворилъ Господь на этомъ мѣстѣ, даровавъ жизнь всей Царской семьѣ во время страшнаго крушенія желѣзнодорожнаго поѣзда. Я сознаю, что не всегда бываетъ удобно дѣлиться съ церковной каеедры своими личными впечатлѣніями и чувствами; но не могу въ настоящій разъ, ради назиданія, не повѣдать вамъ тѣхъ святыхъ чувствъ и высокихъ воспоминаній, какія связаны во мнѣ съ величайшею личностью въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра III и его Августѣйшей семьи.

Образъ великаго Царя Миротворца глубоко запечатлѣлся во мнѣ на всю жизнь. Удостоенный неоднократно величайшей чести и невыразимаго счастья быть представленнымъ великому Государю, я имѣлъ случай вести съ нимъ продолжительныя бесѣды. И какъ драгоценны, какъ поучительны и назидательны сіи бесѣды! Дороги были сердцу Августѣйшаго Монарха Церковь и религія. Крѣпко вѣрилъ онъ въ ихъ нерушимость и тверды были его упованія на милость Божию. Всѣ заботы его направлялись къ тому, чтобы русская земля украшалась храмами Божиими, чтобы болѣе и болѣе утверждалась въ ней вѣра православная, чтобы повсюду распространялось въ народѣ истинное образованіе въ духѣ вѣры и Церкви православной со всѣми благами христіанскаго просвѣщенія.

Рядомъ со въ Бозѣ почивающимъ Царемъ-Миротворцемъ возстаетъ предъ нами обаятельный образъ благоденствующей нынѣ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. Состоя въ должности наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Императрицы Маріи, я также часто имѣлъ случай бесѣдовать съ Великою Государыней и восхищаться высокими добродѣтелями сей царственной личности. Любовь, попечительность, милосердіе и щедрость — вотъ христіанскія добродѣтели, коими украшена она. А сынъ ея, тогда еще наследникъ Престола всероссійскаго, благополучно нынѣ шествующій по стопамъ Родителя своего, Государь Императоръ Николай Александровичъ, а съ нимъ и всѣ остальные члены семьи, не составляютъ ли они счастья и благоденствія Россіи, не въ нихъ ли заключается главная сила и опора могущества державы россійской.

Отъ этихъ великихъ Августѣйшихъ лицъ мысль наша переносится къ мѣсту сему.

Не на семь ли мѣстѣ была вся эта царская семья, не по спмъ ли высокимъ хозмамъ, несся съ ужасающей быстротой въ роковой день 17 октября Императорскій желѣзнодорожный поѣздъ, ве ей ли угрожало неминуемой смертью ужасное крушеніе. Сердце содрогается при одной мысли, что вся Августѣйшая семья была именно на семь страшномъ мѣстѣ, что всѣ они одинаково подвергались смертной опасности, всѣ по разуму человѣческому должны были погнубуть.

Но вотъ совершилось величайшее чудо милости Божіей, исторгшей всю царскую семью изъ рукъ смерти. Спасаящая десница Божія вывела всѣхъ изъ обломковъ разрушенныхъ колесницъ здоровыми и невредимыми. Тамъ, гдѣ не оставалось никакой надежды на спасеніе, Царь съ Царицей и дѣтьми, по милости Божіей, остались неприкосновенными. Какъ велико чудо сіе! Слушая рассказы очевидцевъ о семь ужасномъ событіи и припоминая всѣ подробности страшнаго крушенія, мы невольно, проникаемся глубокимъ чувствомъ, благоговѣнія предъ Всемогущимъ Богомъ, и не знаемъ, что дѣлать, дивиться ли могуществу Его, или же радоваться спасенію царской семьи отъ грозившей опасности.

А какова радость народа нашего о Царѣ? Мы видимъ здѣсь очевидныя тому доказательства. Его любовью воздвигнуть сей благоуукрашенный храмъ, въ немъ же онъ постоянно возноситъ свою благодарственную молитву за Царя и его семью. И радость сія понятна. Что было бы съ дорогимъ нашимъ отечествомъ, если бы произошло противное и если бы оно лишилось возлюбленнаго своего монарха со всей августѣйшей семьей? Одна мысль о семь, ужасная и страшная, отнимаетъ у насъ силы и приводитъ въ содроганіе. Гибелью и разрушеніемъ отечеству нашему угрожало это событіе.

Но Господь пощадилъ народъ русскій, Господь оказалъ великую и безмѣрную милость ему. Онъ спасъ царя, царицу и дѣтей ихъ за ихъ по истинѣ высокія добродѣтели и снова даровалъ ихъ народу своему, за его непрестанныя молитвы о царѣ.

Что же намъ, братіе, остается въ настоящемъ случаѣ дѣлать, какъ не благодарить Господа за Его великія благодѣянія, не прославлять Его за величайшее чудо спасенія семьи царской, не просить Его о продленіи милостей Его къ народу русскому и не молиться объ убитыхъ здѣсь вѣрныхъ слугахъ царя вашего.

Помолимся же Господу Богу и Спасителю благодѣявшему намъ!

Затѣмъ Владыка прошедь на средану храма и здѣсь былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, въ которомъ принимало участіе, какъ мѣстное, такъ и прибывшее изъ Харькова духовенство. Молебенъ окончился провозглашеніемъ Царскаго многолѣтія и вѣчной памяти въ Божѣ почивающему Императору Александру III. Затѣмъ Архіепископъ Арсеній съ крестнымъ ходомъ направился въ часовню, гдѣ также соборнѣ была отслужена литія по Императорѣ Александрѣ Александровичѣ; при возглашеніи вѣчной памяти почившему Государю все преклонили колѣни. Изъ часовни тѣмъ же порядкомъ крестный ходъ возвратился обратно въ храмъ, въ которомъ Высокопреосвященный Арсеній расписался въ книгѣ почетныхъ посѣтителей, упомянувъ о томъ отрадномъ чувствѣ, которое онъ испыталъ при посѣщеніи мѣста спасенія жизни всей Царственной Семьи и воздвигнутыхъ здѣсь величественныхъ молитвенныхъ памятниковъ.

Непосредственно послѣ Богослуженія начался осмотръ инвалиднаго дома, со всеми его отдѣленіями, хозяйственныхъ сооружений и устроенной при храмѣ церковно-приходской школы. Большую часть объясненій давалъ камергеръ Скаржинскій. Вездѣ Высокопреосвященный Владыка, выказывая большое вниманіе къ объясненіямъ и вступалъ въ бесѣду какъ съ призрѣваемыми, такъ и различными служащими, а въ школѣ, гдѣ, по случаю канікулярнаго времени, осталось сравнительно небольшое число учениковъ, Владыка подробно провѣрилъ знанія учащимися Закона Божія и пониманіе ими правилъ вѣры. Похваливъ достигнутыя успѣхи и одѣливъ всехъ крестиками, Высокопреосвященный Владыка, при пѣніи „исъ полла эти, деспота“, прошедь въ храмъ Спасова Скута, гдѣ, по совершеніи краткаго молебнаго пѣнія, Владыка обратился къ братіи Скута приблизительно со слѣдующимъ словомъ:

Къ вамъ обращаю слово мое, всечестные иноки обители сей, васъ призываю ко важной бесѣдѣ и духовному назиданію.

Размышляли ли вы, братіе, трудясь и молясь въ сей обители святой, о томъ, какой духовный смыслъ и какое христіанское значеніе имѣетъ сіе мѣсто вашихъ духовныхъ подвиговъ и вашего спасенія. Вдумайтесь нѣмнѣ въ сіе и поразмыслите вмѣстѣ со мною.

Съ первыхъ дней существованія христіанства и во все дни его исторической жизни истинные христіане старались запечатлѣвать мѣсто-особаго присутствія Божія и явленія особенной милости Божіей мѣстомъ богослуженія и мѣстомъ молитвы. На сихъ мѣстахъ они создавали храмы Божіи и въ нихъ возносили свои усердныя молитвы. Повсюду, по мѣрѣ средствъ своихъ, они старались воздвигнуть храмы сіи

величественными, вездѣ благоукрашали ихъ, со всѣмъ усердіемъ добровольно принося въ жертву имъ свои послѣднія лепты. Благодаря этому всѣ христіанскіе страны украсились храмами Божьими, которые служатъ нагляднымъ выраженіемъ религіознаго чувства христіанскихъ народовъ. И въ нашемъ православномъ отечествѣ, подобно звѣздамъ, ото всюду сіяютъ храмы Божіи своими златоглавыми вершинами.

Въ чемъ же нужно искать объясненія такой повсюдной любви народовъ къ Господу и Богу, въ чемъ заключается причина ихъ религіознаго усердія?

Въ самомъ человѣкѣ, братіе. Такова потребность души человѣческой, такова его духовная природа, повсюду онъ ищетъ Бога, вездѣ хочетъ молиться Ему, любить и прославлять Его, вездѣ хочетъ своимъ религіознымъ чувствамъ дать достойное ваѣнное выраженіе. Всякій человѣкъ по природѣ своей рождается набожнымъ, религіознымъ, а по свидѣтельству одного великаго христіанскаго учителя даже христіаниномъ. Душа по природѣ своей христіанка, сказала онъ.

И примѣчательно особенно то, что чѣмъ важнѣе то или другое событіе, въ коемъ явно сказывается дѣйствіе Премьсла Божія, чѣмъ поразительнѣе оно и чѣмъ большее значеніе имѣетъ оно въ жизни народовъ, тѣмъ величественнѣе на мѣстахъ сихъ воздвигаются храмы Всемогущему Богу, тѣмъ больше благоукрашаются они и тѣмъ большее число вѣрующахъ притекаетъ къ нимъ, выражая свое религіозное усердіе молитвою и материальными пожертвованіями.

Устремите взоры ваши на берегъ Елатернинскаго царствующаго градъ. Какой величественный храмъ Господу Богу воздвигла православная Россія на мѣстѣ убіенія своего возлюбленнаго Царя—Освободителя, дабы здѣсь непрестанно возносить свои молитвы объ упокоеніи Царя—Мученика. Не то же ли самое видимъ и здѣсь, на мѣстѣ чудеснаго спасенія Царя—Миротворца со всей его царствующей семьей? Всѣ сословія сотни городовъ, обществъ, учрежденій и тысячи православнаго народа возложили на алтарь свои послѣднія жертвы для сооруженія здѣсь величественнаго храма въ честь Господа Спасителя царствующей семьи.

Но что же означаетъ, что рядомъ съ этимъ столь величественнымъ храмомъ создана еще сія скромная святая обитель? Неужели недостаточно одного этого величественнаго памятника для выраженія религіозныхъ и патриотическихъ чувствъ народа русскаго?

Событіе, происшедшее на мѣстѣ семъ, столь знаменательно, чудо-спасенія царской семьи столь поразительно, значеніе его для нашего

отечества и всего міра столь велико, что для полноты выраженія глубокихъ религіозныхъ чувствъ оказалось недостаточно сооруженія одного храма Божія. Надлежало основать еще здѣсь Св. обитель, гдѣ бы честныя иноки, давшіе обѣтъ воздержанія, послушанія и молитвы, неперестанно возносили свои моленія на мѣстѣ семъ, прославляя Господа своего за спасеніе царской семьи отъ лица всего русскаго народа. Если въ приходскомъ храмѣ міряне молятся только въ установленныя дни то въ обители сей будетъ совершаться и всегда совершается молитва каждодневная. Въ приходскихъ храмахъ по немощамъ человѣческимъ служба Божія бываетъ кратковременна, въ обители она бываетъ продолжительна. Св. обитель открыта для всѣхъ вѣрующихъ; здѣсь каждый христіанинъ можетъ найти истинное религіозное утѣшеніе. Это храмъ молитвы для всего народа, поставленный вверху горы, чтобы для всѣхъ видимо было сіе мѣсто духовныхъ подвиговъ и непрестанной молитвы.

Таково истинное назначеніе и всѣхъ другихъ обителей христіанскихъ. Но если таковъ духовный смыслъ всѣхъ православно-христіанскихъ монастырей и если таково назначеніе и Спасова Скита, то знайте, братіе, что отъ васъ самихъ, отъ вашей богоугодной жизни и вашихъ духовныхъ подвиговъ будетъ зависѣть вся ея будущая слава и ея дальнѣйшее процвѣтаніе. Когда народъ, ищущій духовнаго утѣшенія, будетъ обрѣтать его здѣсь, когда онъ увидитъ ваши добрыя дѣла, когда онъ въ совмѣстныхъ молитвахъ съ вами, при благолѣпномъ пѣніи и чтеніи, найдетъ здѣсь полное удовлетвореніе своей жаждущей религіозно-настроенной душѣ, тогда и обитель ваша угодна Богу и любезна народу православному.

Вспомните исторію Троице-Сергіевой Лавры. Вначалѣ она была скудна и бѣдна. Не было свѣчей—жгли лучину; не было парчевыхъ ризъ—облачались въ помотыянныя одежды; не было хлѣба—ѣли мякину. А что видимъ нынѣ? Мы видимъ ее богатою, славною и знаменитою. Не то же ли самое находимъ мы и въ Кіево-Печерской Лаврѣ; сіяющей добродѣтелями своихъ подвижниковъ.

Но съ другой стороны нельзя не вспомнить съ грустью и тѣхъ многочисленныхъ обителей, которыя прекратили свое существованіе по винѣ самихъ иноковъ. Великій трѣхъ, братіе, принимаютъ на себя тѣ, которые живутъ не достойно званія своего. Помните, что ваше призваніе высоко предъ Богомъ. Стойте же на высотѣ призванія своего. Молитесь усердно. Подавайте примѣръ въ молитвѣ и всѣмъ мірянамъ, выдающимъ въ лицѣ вашемъ лицъ, посвященныхъ Богу. Подвигомъ доб-

рымъ подвизайтесь въ трудахъ вашихъ. Помните, что труды ваши не должны составлять препятствія къ молитвѣ. Іосифъ Просфорникъ, мирно нынѣ почивающій въ Киево-Печерской Лаврѣ, несмотря на свое скромное занятіе, удостоился отъ Господа за свои молитвы нетлѣнія. Пойте Богу и молитесь ему, работая въ полѣ, и въ пекарнѣ, и въ келіи своей удивленной, и въ храмѣ Божіемъ. Воздержаніе есть важнѣйшая иноческая добродѣтель. Будьте воздержны въ словѣ, въ пищѣ, въ питіи.

Тогда и обитель ваша святая процвѣтетъ. Повсюду въ народѣ пройдетъ о ней добрая слава. Станутъ стекаться къ вамъ народъ православный, ищущій духовнаго утѣшенія въ своей суетной жизни. Сей скромный и деревянный храмъ Божій преобразится въ величественный и благоукрашенный. Будетъ сіять обитель сія на всѣ четыре стороны, подобно солнцу, согрѣвающему и освѣщающему грѣшный человѣческій міръ.

Закончилъ свое слово Владыка приглашеніемъ братіи возгласить хоромъ различныя церковныя пѣснопѣнія, что и было исполнено.

Провожаемый всею братією и народомъ Владыка посѣтилъ архіерейскіе покои Скита, а оттуда отправился въ ожидавшій поѣздъ, гдѣ І. П. Скаржинскимъ была предложена трапеза. На пути отъ Спасова Скита до платформы были разставлены призрѣваемые инвалиды, которые получили изъ рукъ Высокопреосвященнаго брошюры духовно-нравственнаго содержанія. Въ 4³/₄ часа всѣ, посѣтившіе Скитъ, возвратились въ Харьковъ.

Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ харьковской Александро-Невской мужской церковно-приходской школы. 1-го мая, въ 9 часовъ утра, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, въ сопровожденіи о. благочиннаго градскихъ церквей протоіерея П. Полтавцева, прибылъ въ Александро-Невскую церковно-приходскую мужскую школу, гдѣ встрѣченъ былъ учителями школы. Владыка, сопровождаемый благочиннымъ Полтавцевымъ, завѣдывающимъ школою священникомъ Сокольскимъ, законоучителемъ священникомъ Шаповаловымъ и десятью учителями, посѣтилъ всѣ 5 отдѣленій школы и въ каждомъ отдѣленіи подолгу спрашивалъ учениковъ въ видѣ бесѣды по предмету Закона Божія; обратилъ особенное вниманіе на должное правильное употребленіе учениками крестнаго знаменія, благоговѣйное отношеніе къ святымъ иконамъ, на знаніе и пониманіе учениками Символа Вѣры, утреннихъ и вечернихъ молитвъ и заповѣдей Господнихъ. Необыкновенная простота, наглядность и живость рѣчи дѣлали наставленія Владыки чрезвычайно интересными для учащихъ и

учащихся. Простое, ласковое, задушевное обращеніе Владыки съ дѣтми ободряло ихъ и они отвѣчали бойко и съ большимъ желаніемъ выразить свои знанія; удачные отвѣты учениковъ Владыка ободрялъ отеческою похвалою. Высокопреосвященнѣйшій пробылъ въ школѣ до начала перваго часа и при прощаніи благословилъ учениковъ крестиками и книжками, а также благословилъ и преподавателей крестиками и кромѣ того пожертвовалъ значительное количество привезенныхъ имъ книгъ для школьной бібліотеки. Владыка оставилъ школу, сопровождаемый радостнымъ, восторженнымъ, громкимъ пѣніемъ однихъ учениковъ „многая лѣта“ и криками другихъ, бѣжавшихъ отъ сильнаго восторга за каретою Владыки дѣтей „ура, ура“. Владыка утѣшилъ дѣтей обѣщаніемъ посѣтить школу еще разъ въ скоромъ времени и дѣти въ особу радостномъ настроеніи разошлись по домамъ; всѣхъ учащихся въ мужской школѣ свыше 500.

— *Посвященіе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній* Высокопреосвященнѣйшій Владыка Арсеній продолжаетъ попрежнему относиться съ полнымъ вниманіемъ къ мѣстнымъ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Начавшіеся со 2-го мая экзамены въ Епархіальномъ Жезскомъ училищѣ, а съ 10-го въ Духовной Семинаріи Владыка не разъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ. Съ особеннымъ вниманіемъ Архипастырь относится къ экзаменамъ оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ и воспитанницъ по предметамъ богослуженія и вѣроученія христіанскаго. Такъ, 3-го и 5-го мая Высокопреосвященный Арсеній, присутствовалъ на экзаменѣ по Закону Божию въ 6 нормальномъ и 6 параллельномъ классахъ Харьковскаго Епархіальнаго Жезскаго Училища. Прибывъ въ Училище ровно въ 9 час. утра, Высокопреосвященный на парадномъ входѣ былъ встрѣченъ отъ предсѣдателемъ совѣта Т. И. Вуткевичемъ, начальницей училища Е. И. Гейшгъ, отъ инспекторомъ и законоучителемъ, священникомъ І. Котовымъ, членомъ совѣта священникомъ П. Тимофеевымъ, преподавателемъ священникомъ В. Яновскимъ и отсюда прослѣдовалъ прямо въ классъ на экзаменъ.

Владыка самъ производилъ экзаменъ ученицамъ, предлагалъ вопросы изъ Церковной Исторіи, Катихизиса, спрашивалъ молитвы, причемъ въ связъ съ тѣмъ или другимъ первоис-сторическимъ событіемъ предлагалъ ученицамъ разъяснить православно-христіанское вѣроученіе или догматы нашей вѣры.

Спрашивая у ученицъ тѣ или другія молитвы, Владыка преподавалъ вставленіе о важности и необходимости молитвы — утренней и вечер-

ней для всякаго православнаго христіанина вообще и для воспитанницъ училища въ особенности. Пробывъ на экзаменѣ около 3-хъ часовъ, Высокопреосвященный оттуда посѣтилъ квартиру начальницы училища, гдѣ отечески бесѣдовалъ съ сопровождавшими его лицами и въ первомъ часу дня отбылъ изъ училища.

— *Совершеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Литургіи въ церкви Духовнаго мужскаго училища.* 4-го мая, въ Воскресенье, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковский и Ахтырскій, совершалъ Божественную Литургію въ домово́й церкви Духовнаго училища въ сослуженіи о. ректора Духовно́й семинаріи, протоіеря Знаменскаго, и помощника смотрителя училища е. Н. Зефирова Пѣли Божественную Литургію, по желанію Владыки, всѣ ученики училища. Въ концѣ богослуженія Архипастырь обратился къ намъ приблизительно со слѣдующими словами:

Давно, возлюбленные дѣти, я желалъ и обѣщалъ служить у васъ литургію, но болѣзнь мѣшала мнѣ исполнить это и вы казались обиденными мною. Теперь я исполнялъ обѣщанное и, кажется, еще въ лучшее и болѣе важное для васъ время. Вѣдь теперь настаетъ для васъ, какъ и для всѣхъ учащихъся, время экзаменовъ, время не только трудовъ, но и волненій, когда каждый изъ васъ думаетъ: какъ то окончится учебный годъ? перейду ли я въ слѣдующій классъ, или Духовную семинарію, какъ навѣрное думаютъ ученики 4 класса? Мнѣ неоднократно во дни экзаменовъ приходилось видѣть слезы на глазахъ учениковъ, когда желанія ихъ не сбывались. И это вполне естественно, потому что дѣтскій возрастъ—возрастъ не зрѣлый, весьма впечатлительный. Вотъ поэтому то и нужна вамъ, дѣтямъ, помощь, которая посылается отъ Бога чрезъ посредство молитвы, возсылаемой къ Престолу Божию во время богослуженія, въ особенности совершаемаго Архіереемъ, потому что онъ получаетъ сугубую благодать. Правда, священникъ тоже носитель благодати Божіей и его молитва и благословеніе имѣютъ тоже важное значеніе, но вѣдь его посвящаетъ въ этотъ санъ одинъ Архіерей, а въ санъ Архіерея—нѣскольکو, и такимъ образомъ онъ является сугубо благодатствованнымъ. Вотъ поэтому то и важна для васъ литургія, сейча́съ совершенная мною, и благословеніе, которое я преподаю вамъ съ любовью. И я твердо увѣренъ, что обоудвая ваша молитва, если вы молились и пѣли съ усердіемъ и благоговѣніемъ, не останется тщетною, и Господь исполнитъ вамъ Свою помощь.

Когда я былъ у васъ первый разъ, то предупредилъ, какъ нужно пѣть, и указалъ даже образцы для пѣнія, а также выразилъ желаніе,

чтобы при совершении Богослужения вы пѣли всѣ. Теперь я могу сказать, что желаніе мое удовлетворено, хотя и не вполне, такъ какъ мнѣ желательно было бы, чтобы на хорахъ не было учениковъ, а всѣ вы стояли въ рядахъ и всѣ до одного пѣли пѣснопѣнія на Богослуженіи, какъ это дѣлалось въ Казанскомъ училищѣ, которое находилось у меня подъ бокомъ и въ которомъ я весьма часто присутствовалъ на Богослуженіи. Для удобства въ пѣніи тамъ раздавались ученикамъ листки съ пѣснопѣніями, что возможно дѣлать и у васъ. Все это я вамъ говорилъ, точно также, какъ и то, какъ нужно стоять въ церкви регенту и пѣвчимъ. Здѣсь (въ Харьковѣ) я былъ и служилъ въ пяти церквахъ и вездѣ регентъ и половина хора пѣвчихъ стояли задомъ къ св. иконамъ. Что это за небреженіе къ святынямъ храма! Развѣ нельзя раставить хоръ такъ, чтобы пѣвчіе и регентъ пѣли, стоя лицомъ къ иконамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и молились, потому что пѣніе также есть молитва?

Пѣть вы должны все: не только литургію но и всенощное бдѣніе, а такъ же молебны, водоосвященія и панихиды, при отравленіи которыхъ, замѣчу кстати, у васъ вездѣ, кажется, пропускаютъ послѣ „Со святыми упокой“ очень трогательную надгробную пѣснь: «Самъ единый еси бессмертный», а поютъ только одно «Надгробное рыданіе». У меня же въ Казанскомъ духовномъ училищѣ бывало такъ пропоютъ это, что трудно удержаться отъ слезъ. Вы должны знать на память все: догматики, прмосы, чтобы могли пропѣть ихъ, зажмуривъ глаза. Стихиры на «Господи возвахъ» тоже должны пѣть, по крайней мѣрѣ хотъ двѣ, на память Надѣюсь что вы болѣе усовершенствуетесь въ пѣніи въ осени, когда я думаю отслужить у васъ опять литургію. Кстати, вотъ у васъ скоро наступятъ продолжительныя лѣтнія вакаціи, во время которыхъ, находясь дома, вы должны неопустительно посѣщать Богослуженіе, пѣть и читать на клиросѣ. Мнѣ известно, что нѣкоторые питомцы здѣшнихъ духовныхъ училищъ, являясь дома въ храмъ Божій, становятся не на клиросѣ, а вдали отъ него, какъ бы прячутся по закоулкамъ, иные просыпаютъ утрени, а къ вечернямъ вовсе не ходятъ. Что это будетъ за порядокъ, когда тѣ, которые должны подавать другимъ примѣръ исправнаго посѣщенія Богослуженія, первые нарушаютъ его? Плохи дѣти, которыя усерднымъ посѣщеніемъ Храма Божьяго и участіемъ въ Богослуженіи не заботятся о развитіи въ себѣ религіознаго чувства; плохи и родители, которые не понуждаютъ своихъ дѣтей посѣщать Богослуженія, которые не разбудятъ сына или дочь къ богослуженію. Не забывайте, что мы съ вами—соль міра, какъ сказалъ Самъ Спа-

спитель объ апостолахъ, а потому должны находиться среди народа, а не прятаться отъ него. Если вы будете на высотѣ своего положенія: будете не только сами исправно посѣщать Богослуженія, читать и пѣть на клиросѣ, но и другихъ (деревенскихъ дѣтей) тому научать, тогда у васъ и у нихъ широкимъ потокомъ польется живая вода, о которой говорилось въ нынѣ чтеномъ Евангеліи, когда Самарянка просила у Іисуса Христа живой воды, чтобы ей не приходиться къ колодезю во вѣкъ; но если вы не будете исполнять своихъ обязанностей относительно Богослуженія, то живая вода у васъ хотя и не переставетъ течь, потому что вы изучаете въ классахъ: уставъ церковный, катехизисъ и Священную Исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, но течь она будетъ узкой струей. Теперь Вамъ понятно, почему вы должны воспитывать въ себѣ любовь къ Храму Божию, Богослуженію, пѣнію и чтенію церковному. Пусть же поможетъ вамъ благодать Божія и пусть польется широкой струей у васъ вода живая, чтобы вы не жаждали во вѣкъ. Пусть же почиетъ благословеніе Господне на васъ, Того благодатию и челоуѣколюбіемъ всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Простое задушевное отеческое наставленіе Владыки произвело на всѣхъ глубокое впечатлѣніе.

По окончаніи богослуженія Высокопресвященныи Арсеній посѣтилъ квартиру смотрителя училища, гдѣ былъ встрѣченъ съ хлѣбомъ и солью, причемъ смотритель училища А. А. Снегиревъ произнесъ привѣтственную рѣчь.

Высокопресвященныи Арсеній 4 го дня, 4 вечеромъ, посѣтилъ Александро-Невскую церковь, на Занковкѣ, и послѣ вечерни долго бесѣдовалъ съ присутствующими прихожанами, переполнившими храмъ Божій; темой для бесѣды послужилъ вопросъ о сектахъ.

— *Торжественное богослуженіе.* 6 мая, въ высокоторжественный день рожденія Его Императорскаго Величества Государа Императора Николая Александровича въ городскомъ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ высокопресвященнымъ Арсеніемъ, въ сослуженіи соборнаго причта совершена была начавшаяся въ 9^{1/2} ч. утра Божественная литургія, а послѣ оной торжественное Господу Богу молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія всему Императорскому Дому.

Проповѣдь на литургіи была сказана о. ректоромъ семинаріи протоіереемъ І. Знаменскимъ. На торжественное молебствіе въ соборъ явилось городское духовенство. На богослуженіи въ соборѣ присутствовали и. д. пачальника Харьковской губ. Гербель, генералы, штабъ и

оберъ-офицеры и классные чиновники мѣстнаго гарнизона, а также представители многихъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений.

— 8 мая въ день тезоименитства Высокопреосвященнѣйшаго Арсеція, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, были отслужены литургии съ молебствіемъ Господу Богу о здравіи Владыки во всѣхъ городскихъ и сельскихъ церквахъ Харьковской епархіи. Многочисленные почитатели Владыки, явившіеся къ нему съ поздравленіемъ, къ сожалѣнію, не могли ему лично выразить своихъ благожеланій, такъ какъ оный день своего ангела рѣшили провести въ Святыхъ горахъ.

Религіозно-нравственныя чтенія въ воскресенье, 4-го мая, были предложены въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) въ Покровскомъ монастырѣ законоучителемъ 2 гимназіи о. Владиміромъ Бусыгинымъ „О 2 и 3 прошеніяхъ молитвы Господней“ и помощникомъ смотрителя духовнаго училища о. Николаемъ Зефиринымъ: „Почему Христосъ послѣ своего воскресенія не явился всѣмъ іудеямъ?“ 2) на Заиковкѣ въ Александровской церкви священникомъ о. Владиміромъ Шаповаловымъ „О духѣ и силѣ 7 заповѣди Синайскаго законодательства, по ученію Христа“ (Мат. 5, 21—24) и о. діавономъ В. Рудниковскимъ „О св. иконахъ“; 3) въ Михайловской церкви священникомъ о. Георгіемъ Введенскимъ „Беседа Христа Спасителя съ самарянкой“ (Іоан. 4, 5—42); 4) въ каедральномъ соборѣ священникомъ о. Григоріемъ Виноградовымъ объясненіе воскреснаго Евангелія и настоятелемъ собора протоіереемъ о. Стефаномъ Любицкимъ „О преполовленіи Пятидесятницы“; 5) на паровозостроительномъ заводѣ, на Петинской улицѣ, епархіальнымъ миссіонеромъ Д. И. Боголюбовымъ „О поклоненіи Богу духомъ и истинно“ (Іоан. 4, 23); 6) на Павасовкѣ, въ вагонныхъ мастерскихъ въ 5 час. вечера законоучителемъ коммерческаго училища о. Іоанномъ Филевскимъ „О священномъ преданіи, какъ источникѣ божественнаго откровенія“; 7) на Холодной горѣ, въ мѣщанской богадѣльнѣ священникомъ о. Александромъ, Луценкомъ „О поклоненіи Богу духомъ и истинно“ и житіе св. мученицы Пелагии (прочаль воспит. семинаріи 6, вл. Г. Ястремскій). Всѣ эти чтенія велась послѣ вечерни, которая начинается въ 5 час. по полудни.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ИКОНОСТАСНАЯ И ПОВОДОТНАЯ

МАСТЕРСКАЯ

Алексыя Петровича ПЕТРОВА съ С-ми

— Существуетъ съ 1869 года.

МОСКВА, 1-я Мѣщанская, домъ № 98.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

**НА ХУДОЖЕСТВЕННО-РѢЗНЫЯ, ЖИВОПИСНЫЯ И ИКОНОПИСНЫЯ
РАБОТЫ,**

какъ-то: Церковныя иконостасы (и военно-походныя) въ разныхъ строго выдержанныхъ стиляхъ, мѣстные и вапрестольныя иконы, багдажины надъ престолами, гробницы подъ плащаницу, вапрестольныя кресты и рамы съ тумбами, кресты съ предстоящими съ рѣзной горой, аналои, престолы, жертвенники, свѣчные ящики и зеркала для присутственныхъ мѣстъ,

А ТАКЖЕ ПРОИЗВОДИТСЯ РЕСТАВРАЦІЯ

**ИКОНОСТАСОВЪ, ИКОНЪ, ВНУТРЕННЕЙ И НАРУЖНОЙ ЖИВОПИСИ ВЪ ХРАМАХЪ И ПР.
И ЗОЛОЧЕНІЕ ГЛАВЪ И КРЕСТОВЪ.**

Рисунки, сметы и чертежи высылаются по первому требованію.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ БРОШЮРА

Профессора А. ГУСЕВА:

„Старокатолическій отвѣтъ на наши тезисы по вопросу о Filioque и пресуществленіи“.

(ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

КАЗАНЬ. 1908 Г. ЦѢНА 1 РУБ.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ А. А. Дубровина въ Казани: 1) на Воскресенской ул., д. Мартинсонъ и 2) въ Гостиномъ дворѣ № 1-й.

1 РУБ.

за 2 мѣсяца съ
дост. и перес.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1903 годъ

(изд. XVIII годъ)

6 Р.

за годъ съ
дост. и перео.

иллюстрированный журналъ для семьи

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

подъ редакцію А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи Отца
ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

52 №№ журнала до 2000 столбц. }
текста и до 300 иллюстр. Очерки, }
разказы, стихотворенія, статьи }
бытового, нравственнаго и историческаго }
содержанія, воспоминанія и предан. русск. }
старинны, отклики на вопросы современ- }
ной жизни. } **12** книгъ до 2400 стран. убористой
печати, заключающихъ въ себѣ
новѣсти изъ исторіи русскаго
народа и православной церкви, очер-
ки и разказы изъ исторіи библей-
ской, общей и церковной, описаніе
святыхъ и т. п.

И кромѣ того **БЕЗПЛАТНО** будетъ выдано:

6 книгъ до 1000 стран. всемірно-извѣстнаго труда досточтимаго автора отца
ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО

МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТѢ.

Это сочиненіе, переведенное почти на все европейскіе языки, служитъ прекрас-
нымъ руководствомъ къ духовной жизни для всехъ, кто стремится приблизить и
свою личную жизнь къ тому идеалу, къ которому призываетъ читателей всероссійскій
пастырь апостольскимъ завѣтомъ: „Подражайте мнѣ, какъ и я Христу“.

2 книги (болѣе 400 страницъ, 105 фотогравюръ, карта и 3 плана)
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СВ. МѢСТАМЪ ВОСТОКА.

Составилъ А. А. Павловскій, специально въ началѣ 1902 года командированный
отъ редакціи „Русскаго Паломника“ на Афонъ и въ Палестину.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ „Русск. Пал.“ БУДУТЪ СОДЕРЖАТЬ:

1) Отецъ Герасимъ. Пои. изъ жизни серб- скаго народа подъ тур. игомъ. Д. Илья	7) Богомъ отмѣченный. Быль изъ жизни старца-подвижника. Г. Т. Сѣверцева
2) За братьевъ-славянъ. (По поводу 25-л. войны 1877-78гг.). И. В. Преображенскаго.	8) Жизненные вопросы (По сочиненію Фомы Франка). Н. П. Двигубскаго.
3) Старецъ Серафимъ и Саровская пу- стынь. С. А. Архангелова.	9) На стражѣ православія. Повѣсть изъ жизн. украин. дух. XVIII в. В. А. Радляча.
4) Минувшія судьбы Петербургскаго края. Церковно-истор. оч. У. В. Четвертина	10) Сонъ великаго хана. Историческая повѣсть М. Н. Лебедева.
5) Федосеевскій Владыка. Повѣсть изъ исторіи раскола XVIII в. Н. Н. Алек- сѣева-Кунгурцева.	11) „Господь воцарится“. Десять кар- тинъ словъ Господа Иисуса Христа. В. Моно. Перев. С. Моложаваго.
6) Адскій годъ (Иезуиты въ Россіи) Цер- ковно-истор. хроника. Н. О. Лихарева.	12) Подъ гнетомъ уни. Истор. пов. изъ жизн. Бѣлорус. XVIII в. Н. Стрѣшневъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ: безъ доставки въ Сиб. пять руб., съ до-
ставкой и перес. во все города Россійской имперіи **ШЕСТЬ** р., за границу 8 р.
Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1903 года (двѣнадцатый годъ изданія) съ приложеніемъ

ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО АНАСТАСІЯ,

АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

Въ 1903 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе «Богословскаго Вѣстника» ежемѣсячно, книжками въ пятнадцать и болѣе печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ: 1) Творенія Св. Отцовъ въ русскоѣ переводѣ; 2) Исслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Академіи; 3) Изъ современной жизни: обзорѣнія важнѣйшихъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ и сообщенія изъ области внутренней жизни Академіи; 4) Систематическій обзоръ текущей русской журналистики, преимущественно духовной, а также критика, рецензіи и библіографія по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ; 5) Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверскаго (время пребыванія его на харьковской кафедрѣ) и протоколы Совѣта Академіи за истекающій 1902 годъ (полностью). Въ качествѣ собственнаго приложенія къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ всѣмъ подписчикамъ его въ 1903 году будутъ даны: третья и четвертая части ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО АНАСТАСІЯ, Архіепископа Александрійскаго, въ исправленномъ и дополненномъ изданіи. Высокія богословскія достоинства твореній св. Анастасія, ихъ догматическая и церковно-историческая важность, глубокая назидательность правоутвердительныхъ посланій и сочиненій его и вытекающая отсюда необходимость для всякаго православнаго, ищущаго здраваго наученія и назиданія въ предметахъ своей вѣры и поведения, ближе ознакомиться съ ними—не требуютъ объясненія. Не многимъ изъ своихъ дѣятелей церковь усвоила имя „Великихъ“, и къ сонму ихъ принадлежитъ св. Анастасій, котораго она въ своихъ похвалахъ именуетъ „столпомъ православія“. Какъ высоко цѣнились творенія его въ древности, объ этомъ свидѣтельствуетъ замѣчательный отзывъ о нихъ, слѣдующій однимъ подвижникомъ Саввой (Космою) въ такихъ словахъ: „если ты найдешь сочиненіе Анастасія, в у тебя не будетъ бумаги, запиши его на своей одеждѣ“. Удовлетворяя этой давно чувствуемой потребности въ новомъ и лучшемъ переводѣ твореній св. Анастасія, редація Бог. Вѣстн. съ 1902 года приступила ко второму, тщательно исправленному и дополненному, изданію ихъ; изъ полученныхъ въ истекшемъ году первыхъ двухъ частей новаго изданія читатели могли непосредственно убѣдиться въ томъ, что по своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ качествамъ оно вполне отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявлены въ предпріятіямъ подобнаго рода. Предлагаемыми на 1903 годъ третьей и четвертой частями заканчивается все изданіе, и такимъ образомъ постоянные подписчики „Бог. Вѣстн.“ получаютъ возможность, при незначительныхъ матеріальныхъ затратахъ, въ полномъ собраніи твореній св. Василія Великаго, разосланному въ 1899—1901 гг. присоединить еще и творенія св. Анастасія Александрійскаго тоже въ полномъ составѣ.

Подписная цѣна на Богословскій Вѣстникъ совмѣстно съ приложеніемъ третьей и четвертой части твореній св. Анастасія Александрійскаго восемь рублей съ пересылкой. Прим.: безъ пересылки семь рублей, за графицу—десять. Прим.: Новыя подписчики, желающіе получить первую и вторую части твореній св. Анастасія, сверхъ подписной цѣны, уплачиваютъ по одному рублю за каждую часть, а всего десять рублей. Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію Богословскаго Вѣстника.

Редакторъ проф. А. Спасскій.

ФАБРИКАНТЪ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ

ТОРГОВОГО ДОМА

АНДРЕЯ ЗАХРЯПИНА СЫНОВЬЯ.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія г.г. покупателей
въ нашихъ магазинахъ.

I

Въ Москвѣ

Никольская ул., верх-
ніе торговые ряды
№№ 82, 155, 156, 227,
228, 229.

II

Въ г. Воронежѣ

Московская ул., про-
тивъ Духовной Кон-
систоріи. Магазины
открыты съ 1-го ок-
тября 1902 г.

III.

Въ ярмаркахъ Ниже-
городской

по шоссе противъ
флаговъ.

Въ Вологдѣ и Ро-
стовѣ

Ярославской губ.

Всегда имѣется полный и большой выборъ всей церковной утвари лучшаго кадѣля, художественной работы, собственной фабрики, всевозможныхъ размѣровъ и рисунковъ какъ-то: паникадила, люстры, подсвѣчники, лампады, хоругви, запрестольныя иконы, евангелія, кресты, сосуды, ковчеги, вѣнцы, металлическія свѣчи, чаши водосвятныя, плащаницы, гробницы, иконы, парча для облаченія и пр. и пр., также имѣются и серебряныя вещи 84^о, а также принимаются заказы на всевозможную церковную утварь, металлическія, такъ равно и серебряныя 84^о и ризы на иконы, одежды на престолъ и жертвенники, царскія двери, кресты на главы, и рѣшетки по колеѣ и пр. и пр., какъ лично, также и заочно, посредствомъ переписки.

По требованію при заказѣ, Торговый Домъ высылаетъ смѣты и рисунки, а также въ случаѣ надобности высылаются довѣренныя, для личныхъ переговоровъ и принятія заказа.

Принимаются всякаго рода починки и ремонтное старыя вещи церковной утвари золоченіе и серебряніе исполняются въ точности безъ замедленія.

Цѣны на церковную утварь существуютъ одинаковыя какъ въ Московскомъ магазинѣ, также въ Воронежскомъ магазинѣ и ярмаркахъ.

При заказѣ и покупкѣ товаровъ для небогатыхъ храмовъ, дѣлается разсрочка въ платежѣ.

Фабрика наша существуетъ болѣе 50 лѣтъ и имѣетъ при себѣ около 500 человекъ мастеровъ, благодаря лучшаго производства вырабатываемыхъ въ ней предметовъ и усовершенствованія, всеми необходимыми средствами, для выработки церковной утвари, скорого и аккуратнаго исполненія заказовъ, приобрѣла самый громадный кругъ г.г. покупателей и заказчицовъ. Фабрика и главная контора въ г. Переславль Заславскомъ Влад. губ.

При выпискѣ товаровъ, просимъ обозначать адресъ, чрезъ кого посылать товаръ, по желѣзной дорогѣ, до какой станціи, или чрезъ контору и адресъ почтовый.

Льстимъ себя надеждою, что Вы не оставите насъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, а также и посвѣщеніемъ нашихъ магазиновъ въ Москвѣ и гор. Воронежѣ.

Торговый Домъ Андрея Захряпина С—вья.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митропол. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борзовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія кавалерской православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквяхъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Бритическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованіе еврей въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеховскаго.—„Язычество и иудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича.—„Статьи „о штундистахъ““. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теоософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Вѣльева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„О покой воскреснаго дня“. Доцента А. Вѣльева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Феофана Прокоповича о св. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ едигеріа“. П. Омирова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кирилловича.—„Православенъ-ли integromunio, предлагаемый намъ старокаатоликами“. Прот. Е. Б. Омирова.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, С. Глаголева, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Ливидцаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова, Г. Струве и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Редиторъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ **ЗНАМЕНСКІЙ**
и Статскій Совѣтникъ, Константинъ **КОСОВИЦЪ**.